Брюс ТОМАС

БРЮС ЛИ

СРАЖАЮЩИЙСЯ ДУХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Брюс Ли, выдающийся актер-звезда и выдающийся мастер боевых искусств, был неординарным человеком, и вот перед вами неординарная биографическая книга. Именно такая книга, по которой его запомнят будущие поколения. История Брюса Ли — загадка и легенда, известная всем, — ждет глубокого исследования.

Первая часть этой книги посвящена пересмотру жизни Брюса, а также исследованию тех внутренних сил, которые управляли им.

Во второй части, отдавая должное его необычайной жизни, автор постарался более полно понять обстоятельства его загадочной смерти. Дальше речь идет о пропасти между легендой и жизнью.

Третья часть предназначена тем, кто искренне пытается понять Брюса Ли — понять основной смысл его искусства, философии и учения.

«Любой, кто ищет Брюса Ли в подробностях и событиях его жизни, игнорируя его призыв активно работать над самосознанием, упускает не только суть и цель этой книги, но и суть и цель тридцати двух лет Брюса Ли на Земле».

По-настоящему чтут память Брюса Ли не «фаны» и не «эксперты»; они просто поддерживают его имя и репутацию… В мире и так более чем достаточно «героев» и фантазеров. Теперь нужно что-то гораздо более необычайное. Теперь нам нужно воспринять те озарения и принципы, которые служат основой жизни Брюса Ли.

Правду этой жизни может понять не только настоящий мастер боевых искусств, который достиг такого же понимания сам, но и любой, кто стремится реализовать свой истинный потенциал. Тем из нас, кто сейчас хотел бы обнаружить настоящего Брюса Ли, нужно углубиться дальше в концепции его искусства, не для того, чтобы накопить еще больше информации, но чтобы вызвать переход на новый уровень осознания.

- Томас Брюс
  - Слова благодарности
  - Предисловие
  - Вступление
  - Часть I. Жизнь и работа Брюса Ли
    - Глава 1. Детство
    - Глава 2. Кунг-фу

        - Глава 3. Дерущийся бешено
        - Глава 4. У Руби Чжоу
        - Глава 5. Тень
        - Глава 6. Лето в Гонконге
        - Глава 7. Линда
        - Глава 8. Бойцовская форма
        - Глава 9. Кинопроба
        - Глава 10. Зеленый шершень
        - Глава 11. Джит Кюн До
        - Глава 12. Ученик — Мастер
        - Глава 13. Воин
        - Глава 14. Безмолвная флейта
        - Глава 15. Лонгстрит
        - Глава 16. Большой босс
        - Глава 17. Яростный кулак
        - Глава 18. Путь дракона
        - Глава 19. Игра со смертью
        - Глава 20. Стань драконом
        - Глава 21. Кризис
        - Глава 22. Цели
        - Глава 23. 20 июля 1973 года
    - Часть II. Легенда… и реальность
        - Глава 24. Женщины
        - Глава 25. Нечестная игра?
        - Глава 26. За пределами
        - Глава 27. Новый Брюс Ли?
        - Глава 28. Легенда…
        - Глава 29. … И реальность
    - Часть III. Дух боя: суть Брюса Ли
        - Глава 30. Дух боя
        - Глава 31. Истоки боевых искусств
        - Глава 32. Мастерство
        - Глава 33. Завершая круг
        - Посвящение
    - Приложение. Вин-чунь — и около него
    - Литература и источники
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26

Томас Брюс

"БРЮС ЛИ: СРАЖАЮЩИЙСЯ ДУХ"

Слова благодарности

Я несказанно благодарен за неоценимую помощь, которую оказали в создании этой книги такие люди, как: Тзуоши Абе, Джулиан Алесандер, Дон Атьо, Алекс Бен Блок, Дэйв Картер, Рассел Кауторн, Хокинс Чунг, Руби Чоу, Пол Клифтон, Кэтрин Кампейн, Феликс Деннис, Марианн Дрессер, Дэвид Дагьюд, Пэт Элдред, Грег Фрисчкорн, Маршалл Гуч, Линди Гоуг, Ричард Гроссингер, Дэн Иносенто, Паула Иносенто, Дерек Джоунс Стив Джоунс, Магги Кайли, Таки Кимура, Том Кун, доктор «Дон» Лэнгфорд, Брэндон Ли, Дэн Ли, Бэй Логан, Ларри Мак-Каллистер, Паула Моррисон, Дуг Палмер, Одри Пастернак, Оуэн Поттс, Шаннон Робине, Билл Рьюсаки, Майкл Скординг, Боб Уолл, Фрэд Вейнтрауб, Кертис Уонг и доктор Питер Ву.

Предисловие

Неожиданное и стремительное восхождение на мировой небосвод Брюса Ли как звезды кинематографа вызвало горячий интерес к боевым искусствам во всем мире. Когда я узнал о феномене Брюса Ли, мои собственные амбиции были всецело поглощены сферой музыки.

После того как закончились мои многолетние беспрерывные музыкальные гастроли, я стал уделять больше внимания работе на студии и начал писать. Наконец-то у меня появилась возможность оставаться на одном месте достаточно долго, чтобы начать серьезно практиковать искусство единоборства, которое преподавал Дерек Джоунс в своей школе, расположенной в Западном Лондоне.

Однажды Дерек пришел ко мне домой и дал просмотреть свои видеокассеты с записями боев Брюса Ли. Дерек и сам в свое время учился у двух соратников Брюса Ли и считал, что наибольшую пользу в постижении боевых искусств ему принес просмотр кассет, на которых он мог видеть Брюса Ли в действии.

Мои занятия боевыми искусствами несколько опередили повсеместный взрыв интереса к творчеству Брюса Ли. Должен признаться, что в свое время я упустил из виду его феномен.

Только в редких случаях позже я переживал восторг и даже благоговение, наблюдая за кем-то другим, в совершенстве владеющим именно этой его формой самовыражения.

Вскоре, когда кто-то из моих знакомых спросил меня, о чем я собираюсь писать свою следующую книгу, я только слегка изумился, услышав, как произношу в ответ: «биографию Брюса Ли».

Брюс Ли был многогранной личностью. Он оказался не только новатором в искусстве рукопашного боя (как в тренировочном зале, так и перед объективом камеры), но и сумел представить *кунг-фу* Западу и оказать величайшее влияние на развитие искусства единоборства как вида спорта. Как киноактер, он преодолел межгосударственные границы и сломал расовые стереотипы. Он был необычайно честолюбив и обладал врожденной харизмой, что всегда позволяло ему выделяться из любой толпы. Он также был семейным человеком, ценившим свою личную жизнь.

И все же за всем этим кроется главный Брюс Ли — человек, чье искусство и философия стояли в центре всего, что бы он ни предпринимал. Он нес не только развлечение и радость, он провозгласил о твердом намерении «просвещать» своего зрителя.

И я решил писать о Брюсе Ли не для того, чтобы учить, а чтобы учиться самому»

Вступление

Брюс Ли: короткая жизнь

Вскоре после безвременной кончины Брюса Ли в возрасте тридцати двух лет его молодая вдова, Линда, дала интервью для гонконгского радио:

Мне кажется, что мы все время начинали новую жизнь — каждый новый фильм становился для нас новой жизнью.

Слава и установление рекордов — во всем этом была новизна, и он не переставал повторять: «Это только начало». Ему следовало пройти длинный путь, необходимо было свершить множество дел, и он думал обо всем этом как о начинаниях китайского народа, как о том, что этот народ хотел доказать всему миру. Он очень гордился тем, что был китайцем, и, снимаясь в фильмах, хотел показать всему человечеству частицу китайской культуры. И это были не только бои, — он хотел привнести в них немного философии. Он изучал все традиционные философии, но затем пришел к собственной форме философии, начал осознавать, что человек не может занимать философию у других. Вы должны познать самого себя, а затем создать свою собственную философию, избрать свой жизненный путь. Брюс верил в то, что нет ничего более важного в жизни, чем личность, и что каждая личность должна познать себя, прежде чем строить отношения с другими людьми. Он умел общаться с разными людьми на различных уровнях — с людьми гораздо более ограниченными, чем он, и с теми, кто, воображая себя интеллектуалами, считали единоборства чем-то неумным.

Брюс Ли сражался. Всю свою жизнь он сражался с обстоятельствами своего детства — с врожденной болезненностью и с недостатком родительской опеки. Затем, впитывая в себя искусство кунг-фу, он начал сражаться на улицах. Когда он стал учиться танцам (отчасти, чтобы прекратить гоняться за девушками), он и его партнерша не прекращали выигрывать призы на национальных гонконгских чемпионатах по «ча-ча-ча».

Брюс Ли всегда всему отдавался целиком.

Когда в девятнадцатилетнем возрасте он эмигрировал в Соединенные Штаты, то начал наверстывать упущенное в школе с таким усердием, что вскоре смог говорить и писать по-английски лучше многих американцев, благодаря чему стал заметно

выделяться из многотысячной толпы эмигрантов, ежегодно прибывающих в Америку. Открыв свою собственную школу кунг-фу, он вынужден был сразиться со своими собственными соотечественниками за право преподавать это искусство людям Запада.

Однажды, когда во время неформальной тренировки один из учеников «достал» Брюса, тот вошел в такой раж, что тут же уложил беднягу на землю. Честолюбие требовало от Брюса быть не только лучшим, но и непобедимым.

Позже, осуществляя свою актерскую карьеру, Брюс поставил себе цели, чуть ли не вступая в конфликт со своими друзьями-актерами — вначале заявив, что станет большей звездой, чем Мак-Куин, затем сказав то же Джеймсу Кобурну. На съемках он постоянно должен был соревноваться с уличными хулиганами, подвизающимися как статисты. Каждый сопляк, которому нечего было терять ради минуты славы, мечтал побить Брюса Ли. Но Брюсу было что терять: он должен был всегда оставаться непобедимым, иначе чему должны были верить те, кто устремлялись в кинотеатры на встречу с ним? Подобно стрелку «Дикого Запада», Брюс должен был сражаться не только за свою репутацию и место под солнцем, но и за собственную жизнь.

И все же самым большим сражением Брюса Ли было сражение с самим собой. В нем бурлило несколько различных по токов, и эта борьба проявлялась в жестоких внутренних конфликтах и переменах настроений.

Однажды ночью, вскоре по прибытии в Америку, Брюсу привиделось, что он сражается с темной тенью. Он пережил психологический кризис, во время которого столкнулся с тем, что Юнг называл «теневой» стороной личности. Брюсу Ли пришлось в эту ночь лицезреть все страхи, сомнения и чувство беззащитности перед агрессией, наполнявшие его жизнь. Пережив это, он начал освобождаться и интегрировать могучие энергии, которые ему затем удалось направить (или которые направили его) на то, чтобы стать высокомотивированным и целеустремленным молодым человеком. После этих переживаний Брюс полностью посвятил себя самосовершенствованию, поставив при этом перед собой честолюбивые цели. В 1969 году, переживая разочарование в роли, к исполнению которой он так стремился, Брюс нашел в себе достаточно душевных сил, чтобы суметь написать клятву: через год он станет самым высокооплачиваемым в мире актером азиатского происхождения.

Но прежде чем эта дерзкая клятва исполнилась, Брюс был сражен жестокой травмой позвоночника, из-за которой он был даже не в состоянии заработать деньги на жизнь, не говоря уже о

воплощении честолюбивых устремлений. Позже он признавался, что был тогда не на шутку испуган. Однако благодаря твердому намерению и силе воли он сумел играть роль так, словно оправился от травмы. Его ничто не могло остановить.

Посреди 1973 года (года своей внезапной смерти) Брюс Ли снова пережил кризис, чувствуя трудности в принятии решения относительно собственного будущего. В определенном смысле его основной битвой оставалась битва с самим собой.

Возможно, ему следовало бы отказаться от своей обычной практики — все интенсивнее использовать резервы воли и расширять границы возможного, устремляясь к новым рекордам, нужно было бы приостановиться, успокоиться и отдохнуть, чтобы восстановить равновесие. Но Брюс убедил себя в том, что умеет расслабляться в работе и достигать ощущения покоя во время головокружительного ритма перемен, в который он полностью погрузился.

Если когда-либо и жил в мире человек, оправдывающий свое существование постоянной борьбой, то им был Брюс Ли.

И если он никогда открыто не признавался в том, что ему приходилось пользоваться помощью и поддержкой своих близких друзей, так для этого были причины. Брюс всегда давал больше, чем мог получить от других: он отдавал себя и, очевидно, став источником энергии для окружающих, подорвал свою собственную жизненную силу.

В своей надгробной речи на похоронах Брюса Ли в Сиэтле Джеймс Кобурн сказал, что Брюс помог ему соединить свое духовное и физическое Я. Один из «партнеров» Брюса, Джеймс Имм Ли, также признался в том, что его работа с Брюсом Ли приносила ему подобное чувство, мотивируя его как на стремление к целостности, так и на достижение этой цели, а главное — давала ощущение собственной честности и морального возвышения. Еще один друг Ли, Таки Кимура, сказал, что ему удалось пережить тяжелый период эмоционального краха только благодаря тренировкам с Брюсом Ли. Однако один из его коллег, Стерлинг Силлифэнт, признал, что, хотя Брюс Ли и был величайшим учителем, равного которому он не встречал за всю свою жизнь, вместо равновесия и спокойствия Брюс находил в боевых искусствах только конфликт и антагонизм.

И это верно — Брюсу Ли часто бывало трудно дисциплинировать себя. Его основным недостатком было то, что он легко становился жертвой импульса. Несмотря на всю изумительную силу воли ему подчас было трудно сказать «нет», когда речь шла об определенных вещах. Безусловно, Брюсу удалось преодолеть многие барьеры, но никому не известно, до

какой степени ему удавалось претворить в жизнь философию, которую он исповедовал. Его изводила собственная нетерпеливость и дурной, даже жестокий характер. Иногда он настолько поддавался своим амбициям, что смотрел на людей либо как на трамплины к успеху, либо как на досадные преграды, которые следует убрать со своего пути.

Я не собираюсь впадать в бесцельное критиканство. Но я уверен в том, что Брюс Ли хотел бы сойти с пьедестала, на который его воздвигли, и предстать перед нами в своем истинном человеческом образе.

Для большинства звезда Брюса Ли закатилась столь же быстро, как и взошла. Он умер раньше, чем мы успели узнать его с теми его искусством и философией, в которых заключалось слишком много собственно Брюса Ли и его потенциала. Он был одновременно безоглядно самонадеянным и беззащитным. Он всегда оставался оптимистом, даже попав под величайшее давление, которое отчасти сам и спровоцировал, Он любил показуху, но в то же время был самоотверженным актером. Он был экстравертом, не любившим общественную жизнь, и философом с отвратительным характером Брюс Ли был столь же честолюбивым и нетерпимым, сколь честным и искренним. Однако, несмотря на всю противоречивость и жесткость Брюса, каждый, кто знал его, считал, что обогатил свою жизнь благодаря этому знакомству.

Брюс Ли вдохновлял людей, и каждый, кто знал его, считал Брюса самой важной личностью, повстречавшейся на его жизненном пути.

Благодаря усердному труду на протяжении всей своей жизни Брюс Ли обрел мудрость и способность постигать. За всеми обстоятельствами и событиями лежит истинная история Брюса Ли — обретение мудрости и способности постигать.

Многим людям события и детали из жизни Брюса Ли хорошо известны, в некоторых случаях слишком хорошо. Существуют «фанаты», которым прекрасно известно, что любимым блюдом Брюса была телятина под устричным соусом, но которые ничего не знают о том, что он хотел выразить своим творчеством. К сожалению, новое поколение тянется к Брюсу Ли в основном благодаря «информации», поданной Universal Pictures в последних фильмах с броскими названиями вроде: «Дракон: Жизнь Брюса Ли». Эти слегка забавные киноверсии не отличаются особой правдивостью.

Прошло не менее двух десятилетий после смерти Мэрилин Монро, как к ее памяти научились относиться с должным почтением. Брюса Ли до сих пор не сумели оценить в полной

мере по тем же причинам. Многие люди хотят узнать больше с Брюсе Ли и недовольны тем, что получали до сих пор.

Я никогда не встречался с Брюсом Ли и мало знал о нем при жизни. Те же, кто знали Брюса, рассказывали о нем свои собственные истории. Многие способны были только извлечь на свет его концепции, но не толковать их. Иные преследовали при этом своекорыстные цели и часто были знаменитыми вралями или «ниспровергателями авторитетов». Некоторые благоразумно осуждают излишества тех дней с сегодняшних позиций, в то время как другие открыто сомневаются в правдивости «общепринятой» версии определенных событий. Но многие отказываются осознать то, что реальность таит в себе гораздо больший потенциал, чем кто-либо может вообразить. Правда о жизни и смерти Брюса Ли, осуществление его великих амбиций и мастерство, достигнутое им в избранном искусстве, гораздо невероятнее и интереснее любого «мифа» или «легенды». Именно этому и посвящена книга «Сражающийся дух».

Всей своей жизнью и работой Брюс Ли пытался примирить два противоположных потока человеческих устремлений — суету Голливуда и внутреннюю дисциплину, которую можно найти разве что в дзэнском монастыре! Карьера киноактера и совершенствование в духовном искусстве единоборства не часто идут рука об руку. Я никогда не был жертвой той популярности, которой пользовался Брюс Ли, но годы, которые я провел в составе всемирно известной музыкальной группы, предоставили мне возможность познать в полной мере (как на мой вкус) те требования и трудности, с которыми пришлось столкнуться этому человеку. В это же время я посвятил несколько лет тренировкам под руководством мастера кунг-фу Дерека Джоунса, прямого ученика Уильяма Чуна — первого практического учителя Брюса Ли. Многие последователи Брюса делают ошибку, стараясь понять его методику с конца, не пытаясь пережить того, как он начинал. Они видят только вершину айсберга.

Первая часть этой книги посвящена пересмотру жизни Брюса, а также исследованию тех внутренних сил, которые управляли им. Во второй же части, отдавая должное его необычайной жизни, мы постараемся более полно понять обстоятельства его загадочной смерти. В дальнейшем я освещу разницу между тем, как чаще всего воспринимали Брюса Ли, и тем, что он больше всего желал сказать нам, сфокусировав внимание на пропасти между легендой и жизнью. Третья часть предназначена тем, кто искренне пытается понять Брюса Ли — понять основной смысл его искусства, философии и учения.

Брюс Ли был неординарным человеком, и я надеюсь, что мне

удалось написать неординарную биографическую книгу.

Именно такую книгу, по которой его запомнят будущие поколения. История Брюса Ли — загадка и легенда, известная всем, — ждет глубокого исследования.

Часть I. Жизнь и работа Брюса Ли

Глава 1. Детство

Я курю опиум, чтобы петь более нежным голосом», — часто говорил Ли Хой Чунь. Хой Чунь[1] также увлекался азартными играми — вот почему его закадычные приятели наслаждались компанией и щедростью этого человека в той же мере, как и члены его семьи. Он был комическим актером гонконгской Кантонской[2] Оперы, по существу являющейся скорее театром оперетты, а не классической оперы (в отличие от Пекинской Оперы). Хотя Хой Чунь никогда не слыл великой знаменитостью, у него были горячие поклонники — энтузиасты драматического искусства подобного рода. И он достаточно хорошо преуспевал, чтобы позволить себе завести несколько квартир.

У Ли Хой Чуня была привлекательная жена Грэйс, дочь китаянки и немца. Воспитанная в католической вере, она в девятнадцатилетнем возрасте переехала из Шанхая в Гонконг.

Регулярно сопровождая своего отца в оперу, девушка влюбилась в комического актера и всегда стремилась занять место в первом ряду у оркестровой ямы, где тот мог бы видеть ее. Ее усилия не пропали зря. Вскоре Грэйс и Хой поженились и поселились в доме номер 218 на Натан-роуд в Коулунском районе Гонконга.

Их первый ребенок, мальчик, умер вскоре после рождения.

Это событие было не только грустной утратой, но и воспринималось как дурное предзнаменование, так как смерть мальчика считалась гораздо более тяжелой бедой, чем кончина девочки.

Грэйс Ли и ее муж боялись, что духи не расположены к ним.

Согласно китайскому поверью, вторым ребенком в семье должна быть девочка. И молодые супруги удочерили чужого младенца, чтобы запутать духов. Своей приемной дочери они дали имя Фоуби. Несколько месяцев спустя Грэйс произвела на свет здорового малыша — Питера.

Вскоре после этого, оставив детей на попечение родных в Гонконге, Грэйс отправилась со своим супругом на гастроли по Соединенным Штатам. Там она обнаружила, что снова беременна. Муж вместе с театром продолжал турне по Америке, а Грэйс осталась в Сан-Франциско. 7 ноября 1940 года (в Год Дракона согласно китайскому календарю) между шестью и восьмью часами утра (в Час Дракона) в сан-францисской клинике, расположенной в китайском районе на Джексон-стрит, Грэйс Ли подарила жизнь третьему из своих пятерых детей — сыну. Чтобы окончательно сбить с толку враждебных духов, мальчику дали

девичье имя — Сай Фон («Маленький Феникс») и прокололи ему одно ухо. Вскоре Грэйс Ли дала новое имя своему младшему сыну. Теперь его звали Джунь Фэнь («Возвращающийся Вновь»), так как Грэйс предчувствовала, что однажды он должен вернуться к своему месту рождения. Мэри Гловер, врач, наблюдавшая за роженицей, окрестила мальчика «Брюсом», и эта кличка осталась за ним на всю жизнь. Позже Брюс изменил свою фамилию на английский манер (с Li на Lee).[3]

* * *

Воздушный коридор, ведущий к гонконгскому аэропорту, — один из самых коварных в мире; самолеты подлетают к нему между крутых холмов над крышами домов Коулуна, чтобы затем устремиться на полосу земли, выступающую в гавань. Как и все портовые города, Гонконг кажется наиболее внушительным со стороны моря. В бухте беспрестанно снуют паромы, глиссеры и джонки. Крошечные плоскодонки, управляемые женщинами в соломенных шляпах, раскачиваются на воде вспененной более крупными судами. Город теснится на небольшом клочке суши, и ему остается расти только вверх. Растянувшись вдоль побережья, в головокружительной перспективе стекла, металла и отраженного света, дома лепятся к крутым склонам зеленых холмов. Там, где склоны слишком круты для строительства, город уступает дорогу горам, возвышающимся на заднем плане.

При всем социальном и экономическом разнообразии Гонконг является азиатским аналогом Манхеттена. В этом городе кажется, что вы всегда находитесь в гуще бурлящей толпы, которая несет вас по своей воле. Современный Гонконг самодовольно выставляет напоказ безупречные ряды вульгарных небоскребов. «Порше», «мерседесы» и «феррари» зажаты в запутанном клубке улиц, теряющихся в тени домов. Улицы звенят от многократного эха автомобильных гудков, криков и громыхания строительных работ. Гонконг — рай для приезжих покупателей, он открывает взору туриста всевозможные соблазны: от ювелирных магазинов и фруктовых лавок до шумного электронного супермаркета на Натан-роуд. Все гостиничные номера оснащены факсами для удобства приезжих бизнесменов. Богачи в Гонконге живут словно султаны и магараджи. В наибольшем изобилии здесь одна вещь — дешевая рабочая сила. Позади громадных небоскребов и первоклассных гостиниц кроются нищета и несчастье — в переполненных лагерях беженцев и мрачных районах лачуг, растянувшихся вдоль ручьев острова, в трущобах Уоллд Сити. И отчаяние «людей с лодок», которых отлавливают, чтобы снова возвратить во

Вьетнам. Вдоль дороги, ведущей к Новым Территориям, тянется ряд высотных домов, построенных на скорую руку.

Тот Гонконг, в котором Брюс Ли провел свое детство, очевидно, находился на стыке между парадным фасадом города и кварталами бедняков. Этот Гонконг представляет собой лабиринт переулков, бурлящих жизнью. Эти переулки петляют между облупленных стен жилых домов, переполненных магазинов и ресторанов, зазывающих к себе прохожих кричащими неоновыми вывесками. Они наводнены грузовиками, такси и повозками рикшей. В наши дни можно наблюдать, как женщины, надушенные «шанелью», и молодые предприниматели, прижимающие к ушам сотовые телефоны, излучают радостное самодовольство, проталкиваясь среди местных жителей, облаченных в традиционные длинные одежды. Торговцы в тени крытых ларьков выставляют на всеобщее обозрение рыбу и фрукты. На ветру слегка покачиваются ряды подвешенных лоснящихся уток. Здешняя атмосфера, состоящая из сложной смеси запахов экзотических блюд и не менее экзотического мусора (находящегося в различных фазах гниения), липких испарений и тяжелой духоты, мало меняется с годами. И хотя Гонконг производит возбуждающий эффект, он может и изматывать. В Гонконге можно найти все. Все, кроме мира и покоя.

В начале 1941 года, несколько месяцев спустя после рождения Брюса, его семья возвратилась в Гонконг, где тот сразу же заболел из-за высокой влажности и непривычных климатических условий. Брюс долго еще оставался тощим и хилым ребенком. Квартира Ли располагалась в старом доме на Натан-роуд.

Она находилась на втором этаже над какими-то магазинчиками. Узкая лестница выходила в парадное без дверей, где бездомные часто устраивали свои импровизированные жилища. Но лестничная площадка второго этажа была надежно защищена крепкой двойной дверью, укрепленной стальными брусьями и оснащенной глазком.

Сами комнаты были скудно меблированы. Большой холл, у задней стены которого стоял холодильник, служил поочередно столовой, гостиной и спальней. Эта просторная комната с ее большим столом была центром семейной жизни: в ней принимали пищу, вели разговоры, читали книги и играли в игры.

Ночью эту комнату, как и все остальные, использовали для сна.

Почти все кровати были железными и покрывались жесткими матрацами. Кроме столовой, квартира состояла еще из двух

комнат поменьше. В одной из них находились две двухъярусные койки. К другой комнате, выходящей окнами на Натан-роуд, была пристроена веранда, украшенная множеством растений в горшках, а в одно время и клеткой с курами.

Душными ночами никто не нуждался в спальных принадлежностях, а по утрам в единственную ванну выстраивалась очередь. Однако омовение не приносило большого облегчения — через минуту человек снова покрывался липким потом. В засушливый период, когда начинались перебои с водой, ванну всегда держали наполненной, и курам приходилось делить веранду с купающимися людьми, устраивающими душевую за занавеской.

После смерти брата Хой Чуня его вдова с пятью детьми были приняты в семью Ли, как это принято в китайской традиции. С ними в семью пришли еще двое слуг и Ву Нгань, неофициально усыновленный ребенок. Квартира Ли явно не была предназначена для двадцати человек (учтите еще большое количество разномастных собак, птиц и рыб). Немецкая овчарка по кличке Бобби, любимая собака Брюса, спала под его кроватью.

Однако было бы неверно считать Брюса Ли выходцем из бедной семьи. Рента, которую приносило имущество отца, вкупе с деньгами, заработанными в театре, давала возможность семейству всегда держать слуг. Но несмотря на то, что отец получал хорошие деньги, Брюс клялся, что никогда их не видел.

Он жаловался на своего «скупого» отца и временами крал деньги, чтобы позволить себе пригласить друзей в кафе. И все же отец Брюса вовсе не был таким уж плохим. Известны случаи, когда он оплачивал медицинские издержки знакомых, которые не были в состоянии заплатить по счетам.

Отец иногда брал Брюса с собой в оперу. Именно там мальчик познакомился с Сью Ки Лунем, известным среди друзей как «Единорог». Его отец также был оперным артистом. И хотя Единорог был тремя годами старше Ли, между мальчиками возникла дружба. Они часто сражались и фехтовали на мечах из бамбука. Брюс Ли обычно играл роль Робина Гуда, и хотя его соперник был старше и сильнее. Брюс никогда не мирился с поражением и бился до тех пор, пока Единорог не сдавался.

Спустя годы Единорог вспоминал, как Брюс неоднократно попадал в беду из-за постоянных драк. Мистер Ли часто преподавал сыну урок, лупя его по голове изо всех сил.

В китайских семьях между отцом и детьми обычно существует пропасть. Для отца почтение намного важнее сыновней любви. Чтобы поддерживать свое положение в семье, отец редко делает поблажки детям. Соблюдение дистанции — вот

та цена, которую платят отцы за поддержку собственного авторитета.

Большую часть своего раннего детства Брюс провел на улицах Гонконга. В большом семействе отнюдь не всегда остро чувствовали его отсутствие. А матери Брюса обычно приходилось разбираться с большинством проблем, которые возникали по его вине. Она ежемесячно вносила плату за обучение сына, а затем ей звонили из школы, интересуясь, почему Брюс не посещает занятий. В конце концов они с Брюсом пришли к соглашению, что тот может пропускать занятия (коль скоро он так уж не любит школу), но должен ставить ее в известность, куда идет играть, чтобы мать всегда могла его найти. После этого разговора Брюс продолжал пропускать классы, но всегда извещал мать о том, где его следует искать.

«Характер Брюса никогда не менялся, — рассказывала позже его мать. — Он все время повторял одни и те же ошибки.

Снова и снова я расстраивалась из-за него. Однажды я спросила его, как он думает зарабатывать себе на жизнь, продолжая вести себя в том же духе. На это он ответил: «Однажды я стану прославленным киноактером». Я отчитала его и объяснила, что жизни знаменитых артистов были вовсе не такими приятными, как это могло показаться со стороны, и что они вели не совсем нормальное существование. Я сказала Брюсу: "Ты даже не умеешь вести себя по-человечески. Как же ты можешь рассчитывать стать знаменитым киноактером?"»

Но Грэйс Ли может вспомнить и о другом. Она рассказывала, как вдруг заметила, что Брюс всматривается куда-то вдаль из окна комнаты. Затем он молнией выскочил на улицу и куда-то побежал. Когда она подошла к окну, то увидела, как Брюс помогает слепому перейти дорогу. Затем он объяснил, что должен был помочь человеку, выглядевшему таким растерянным и отчаявшимся дождаться чьей-либо помощи.

Сестра Агнесс дала ему имя «Маленький Дракон», приставшее к Брюсу до конца жизни. Она говорит, что с раннего детства Брюс считал себя «особенным» и собирался свершить в своей жизни что-то необычайное. Она также помнит о его ночных кошмарах и хождении во сне.

Остальные члены семьи знали его под нежным именем Мо Си Тун, или «Никогда Не Сидящий На Месте». Эта характеристика в точности ему соответствовала. Если Брюс затихал хоть на мгновение, все опасались, что он заболел. Он только тогда переставал бегать, прыгать и болтать, когда забивался с книгой в дальний угол и полностью погружался в чтение. Иногда он зачитывался до поздней ночи. Мать считает, что это и стало

причиной его ранней близорукости. С шестилетнего возраста Брюс начал носить очки.

Юный Брюс обожал розыгрыши, хотя никогда не мог удержаться от смеха, видя, как намеченная жертва готова попасться на крючок. Он начал с простых шалостей, вроде трюков с едким порошком и «электрошоком», но вскоре его шутки стали куда более замысловатыми. Однажды он переставил в комнате всю мебель, чтобы запутать уборщицу. В другой раз он уговорил своего брата Роберта вообразить себя подводной лодкой и смотреть вверх из рукава пиджака, как из перископа.

Когда брат согласился на эту игру, Брюс «выпустил бортовую торпеду» и вылил в рукав полный кувшин воды.

Иные «шутки» были не столь забавны. Однажды он толкнул свою сестру Фоуби в бассейн. Та поймала его и продержала с головой под водой до тех пор, пока тот не поклялся больше так не поступать. После этого случая Брюс никогда не подходил к бассейну.

* * *

Брюс Ли начал свою актерскую карьеру в трехмесячном возрасте. Он сыграл роль младенца женского пола в фильме «Девушка из золотой клетки», прежде чем его родители покинули Сан-Франциско.

Свою первую профессиональную роль он сыграл в возрасте шести лет в гонконгском фильме «Рождение человечества».

Там он выступал в образе уличного мальчишки, дерущегося с пай-мальчиком в лаковых туфлях. Роль последнего исполнил его друг, Единорог. В этом же возрасте он сыграл вместе со своим отцом в фильме «Мой сын — А Чунь» под псевдонимом Ли Сью Лун (Ли — Маленький Дракон, имя, вскоре ставшее знаменитым в Азии). Но Брюсу предназначалась более важная роль в комическом кантонском фильме, где он играл уличного мальчишку, пытавшегося выжить в мире гонконгских кондитерских магазинов.

Как в комических, так и в трагических фильмах (таких, как «Отцовская вина») Брюсу приходилось исполнять роли уличных мальчишек или сирот. Позднее он стал играть несовершеннолетних нарушителей закона и юных бунтарей в гонконгских имитациях американских фильмов. В этих фильмах иногда ставились сцены боев, и Брюс уже тогда демонстрировал определенные жесты, впоследствии ставшие его автографом: увещевающий палец, похлопывание по рукава пиджака, большой палец, утирающий нос, и испепеляющий взгляд.

Ребенком Брюс снялся в двадцати картинах. Свою главную

раннюю роль Брюс сыграл в фильме «Сирота». Это единственный фильм того периода, где он играл главного героя. Кроме тех фильмов, в которых он снимался, огромное влияние на становление Брюса оказали фильмы, которые он с восторгом смотрел.

В период с 1920 по 1949 годы китайский кинематограф направлял свой фокус на европеизированные районы: Гонконг и Шанхай, население которых было более светским, чем в континентальном Китае. Но все равно это было высокостилизованное искусство, опирающееся в основном на древние театральные традиции.

В 1949 году режиссер Ю Пен решил снять фильм о мастере единоборств Вон Фэй Хуне, родившемся в 1847 и умершем в 1924 году. Режиссер хотел увековечить этот образ в восьмидесяти пяти сериях.

До этих пор большинство фильмов об искусстве кулачного боя представляло собой жестокие сказки о кровавой мести, полные нелепых преувеличений. Их герои совершали стометровые прыжки или перелетали по воздуху на сотни ярдов, не уставая при этом проделывать бесконечные сальто. Впервые режиссер и главный актер решили заснять реалистические сцены боев и поставить их во главу угла в фильмах о Вон Фэй Хуне.

Будучи мастером хун-гар, одного из стилей кунг-фу, Вон знал толк в целебных травах. Жизнь актера, исполнявшего эту роль, была потрясающе схожей.

Кван Так Хин, как и отец Брюса, был артистом Кантонской Оперы. Он был мастером вэн-ву, а это означало, что он должен быть столь же искусным бойцом, как и актером. Подобно герою, которого он теперь играл, Кван в совершенстве владел хун-гар. К тому же он был знаком с шаолиньской системой единоборств, основанной на подражании различным животным, Мастер стиля «белого журавля», Мастер Кван (как его вскоре стали все называть), также практиковал и лечение травами.

В основе фильмов о Вон Фэй Хуне лежала философия ву-де — «боевой доблести». Во время съемок этого эпического сериала Мастер Кван отточил свое искусство в превосходных битвах со своим главным противником Ши Кьенем. И стал столь же искушенным в искусстве единоборств, как и мастер, чью легендарную жизнь он почитал.

Как мог молодой Брюс Ли не попасть под влияние таких фильмов! В пятидесятые и шестидесятые годы этот сериал практически монополизировал рынок. В 1956 году только четыре из двадцати девяти фильмов о кунг-фу не были посвящены образу Вон Фэй Хуна. Брюс знал наизусть целые сцены и диалоги из этих

фильмов.

* * *

В двенадцать лет Брюс начал ходить в колледж Ля Саль, где большинство учеников были китайцы-католики. И хотя неприятности у Брюса начались там почти сразу же, кое в чем ему повезло — он привлек к себе внимание одного из лучших учителей, круглолицего и очкастого брата Генри Пана. В то время как большинство преподавателей считали Брюса упрямым, диким или ленивым, брат Генри соглашался с ними только в том, что Брюс действительно трудный ученик, но при этом очень способный мальчик и обладает большим потенциалом, который сможет развиться, если к нему удастся найти особый подход.

Брат Генри находил выход для неуемной энергии Брюса, посылая его с различными поручениями и вменив ему в обязанность проветривать класс и вытирать доску, что Брюс охотно делал. Но Брюс все равно не мог спокойно сидеть на уроках и постоянно попадал в беду. Брат Питер вспоминал, что, хотя Брюс проявлял некоторый интерес к искусству и истории, но отнюдь не к биологии, ему еще хватало смелости заявлять, что он желает стать врачом. Дома Брюс часами читал книги в постели. И проявляя интерес к учебе, никак не проявлял интереса к зубрежке.

Хотя Брюс имел некоторый успех, исполняя детские роли в фильмах, он стал предводителем школьной группировки, объединенной антибританскими настроениями. Китайцы ненавидели британцев почти так же, как и японцев. Китай долгое время находился в колониальной зависимости от Великобритании, и потому такие недобрые чувства имели глубокие корни.

После окончания долгого и утомительного учебного дня все недовольство направлялось против британских учеников соседней школы имени короля Георга Пятого. Брюсова банда обычно бежала к соседней школе и выкрикивала оскорбления, адресованные прогуливающимся за оградой британским ребятам. Дело заканчивалось дракой. И хотя британцы были крупнее и обычно давали прикурить маленьким китайцам, Брюс никогда не признавался в том, что его банда потерпела поражение.

Драки обычно продолжались до тех пор, пока одна из сторон не побеждала или на место происшествия не прибывала полиция. Телефонные звонки и визиты из полиции стали обычным делом в доме Ли. Когда отец поздно вечером возвращался домой из театра, Брюс обычно прятался под одеялом, притворяясь спящим, чтобы избежать наказания. Мать же Брюса, как правило,

«забывала» сообщать отцу об очередных неприятностях. Чтобы спрятаться от глаз полиции, драки проводились на крышах домов — самых больших открытых местах, которые можно было найти в Гонконге. Когда подбитый глаз или иная травма не давали возможности Грэйс Ли покрывать своего сына, отец Брюса, поняв, что творится, приходил в ярость и пытался ограничить свободы сына различными способами. Но он не так уж часто бывал дома, чтобы проследить за исполнением своих наказов.

Последствия холодных отношений между отцами и сыновьями были раскрыты и описаны поэтом и писателем Робертом Блаем. Мальчики обычно реагирует двумя способами: они либо становятся подавленными и уходят в себя, либо превращаются в «честолюбцев», с твердым намерением достичь в своей жизни намного больше, чем достигли их отцы, Хотя отец Брюса учился технике тайцзи только эпизодически, он овладел искусством рукопашного боя и при этом был популярным актером. Итак, будущее Брюса в определенной мере определилось еще в раннем детстве.

Все члены семьи в своих воспоминаниях подтверждали, что основные аспекты характера Брюса — его импульсивность, доброта, честолюбие и юмор — сформировались рано. Все эти аспекты проявлялись на протяжении всей жизни.

После того как беспрерывные бесчинства привели к исключению Брюса из колледжа Ля Саль, его родители вынуждены были беседовать с рядом настоятелей школ, пока не определили сына в эксклюзивный колледж *Святого Франциска Ксавьера*.

Глава 2. Кунг-фу

В 1950 году Гонконг страдал от безработицы, экономической депрессии, перенаселенности, большого количества бездомных и просто оттого, что люди беззастенчиво эксплуатировали друг друга. Тысячи и тысячи китайцев устремились в город, спасаясь от коммунистического режима, восторжествовавшего в континентальном Китае. Беженцам некуда было деваться, и они устраивали свой ночлег в парках, подъездах или просто на улицах, иногда сооружая себе крохотные лачуги, являющие собой не более чем несколько кусков картона, скрепленных вместе. Некоторые обживали крыши, иные устраивались в лестничных проемах жилых домов. За право жить приходилось жестоко бороться. Каждый, кому посчастливилось найти работу, трудился с утра до ночи, чтобы заработать на еду и снова продолжать работать.

Британское правительство Гонконга обеспечивало государственное образование в начальных школах. Только тот, кто смог сдать вступительный экзамен в среднюю школу, мог продолжать учиться. Провалившимся (а их было большинство) приходилось бесцельно шататься по улицам. Никаких перспектив у них не было, за исключением довольно мрачных. Непоседливые юнцы крутились на улицах. Малолетние хулиганы искали развлечений и возможности раздобыть карманные деньги. Они объединялись в банды и ревностно охраняли свои территории от всяких посягательств чужаков, всегда готовые как к дракам один на один, так и к более крупным боевым действиям. Поскольку британской полиции (вооруженной только дубинками) удалось успешно контролировать применение огнестрельного оружия, большинство драк были рукопашными. Кровопролития происходили только при использовании ножей и мачете. Многие соседние банды были связаны с местными школами кунг-фу. Хотя Брюс принадлежал к обеспеченной семье и посещал эксклюзивную школу, он чувствовал тягу к улицам. Брюс организовал свою собственную маленькую банду — Тигры Джанкшн-стрит.

Уильям Чун впервые встретился с Брюсом Ли, когда его дядя, водивший дружбу с артистами Китайской Оперы, пригласил его посетить именины Брюса. Позже Брюс прослышал о возрастающей репутации Чуна как уличного бойца, владеющего грозной разновидностью стиля кунг-фу, известной как вин-чунь, и разыскал его, чтобы научиться приемам. Но Чун не воспринял Брюса всерьез. Позже, в интервью для журнала «In-side Kung Fu»

он сказал: «Тиграми были всего лишь восемь мальчишек, объединившихся вместе. Они вовсе не были крутыми. От их шкур несло горелым. Я сказал Брюсу, что раз уж он стал киноактером, то должен больше следить за своей внешностью и меньше драться».

Когда Брюсу доставалось в уличных схватках, он начинал донимать домашних, требуя, чтобы его обучили эффективному искусству рукопашного боя; ведь он должен уметь защитить себя от задир. И хотя его отец демонстрировал ему некоторые приемы тайцзи, Брюс чувствовал, что все это не для него. Тайцзи, как ни один другой вид единоборств, оказывает мощное целительное воздействие на практикующего. Однако для того, чтобы эта система стала эффективным орудием боя, требуются десятки лет учебы. Но главным препятствием было то, что ни Брюс, ни его отец не желали проводить слишком много времени в обществе друг друга.

Когда Грэйс Ли наконец сдалась и дала сыну деньги на обучение боевым искусствам, тот снова нашел Уильяма Чуна и уговорил его пойти с ним в ту же школу, где Чун обучался сам.

Чун наконец поддался настойчивым просьбам и отвел Брюса Ли в Холл Профсоюза Работников Ресторанов, где проводил занятия его учитель Ип Мэн. Поскольку Брюс был знаменитостью, Ип Мэн с радостью принял его как своего ученика.

Итак, тринадцатилетний Брюс стал учиться искусству вин-чунь с той же одержимостью, с какой он занимался всем, чему посвящал себя. Сын Ип Мэна, Ип Чунь, прозвал Брюса «Дерущимся бешено». Вначале Брюса интересовал стиль вин-чунь только в свете уличных драк, но позже, под наставничеством Ип Мэна, он освоил более тонкие аспекты этого искусства. Несомненно, именно в этот период в его душу были посеяны первые представления о боевом стиле и философии, которые Брюс позже развил. Чтобы понять некоторые более поздние события, этот период стоит внимательно изучить. Согласно наиболее распространенной версии, обучение стилю вин-чунь, происходящего от кунг-фу, оказало на Брюса Ли почти разрушительное воздействие.

* * *

Изначально кунг-фу[4] не являлось названием или описанием какого-либо стиля боевого искусства, а просто общим термином, означающим «завершение трудного задания», или просто: «за работой не замечаешь, как время летит». В современном языке термином кунг-фу принято обозначать множество видов китайских боевых искусств.

Согласно традиции, основателем кунг-фу считается буддистский монах из Индии по имени Бодхидхарма, оставивший монастырь у себя на родине и отправившийся в начале шестого века в Китай, чтобы нести учение Будды. Путешествуя по горам Северного Китая, он забрел в монастырь Шаолинь. «Шаолинь» буквально означает «молодое деревцо», то есть такое дерево, которое может устоять в любую бурю благодаря своей гибкости и податливости.

Этот монастырь прославили его ученые-монахи своими переводами буддистских текстов на китайский язык. Но Бодхидхарма был прагматиком, не любившим терять времени с людьми, считавшими себя добродетельными лишь потому, что научились строить храмы или переводить священные писания.

Не получив теплого приема в шаолиньском монастыре, Бодхидхарма нашел приют в соседней пещере, где он и провел последующие девять лет, всецело отдаваясь медитации. Когда семидесятилетний отшельник наконец возвратился в Шаолинь, он обладал таким авторитетом, что никто не посмел остановить его.

Бодхидхарма обнаружил, что шаолиньские монахи постоянно засыпают во время медитаций, и понял, что это происходило оттого, что те делали упор на умственные упражнения, из-за чего их тела одряхлели и обмякли. Поэтому он придумал серию упражнений и объяснил это так: «Хотя путь Будды — это путь духа, но дух и тело неделимы. Поэтому я дам вам метод контроля энергии, благодаря которому вы сможете достигнуть истинной природы Будды».

Эти упражнения являли собой серию движений рукопашного боя и играли роль медитации в движении. Они также были предназначены для того, чтобы монахи могли защитить себя от бандитов во время странствий по монастырям. Именно эти движения заложили основу шаолиньского бокса и по сей день являются ключевыми элементами ряда стилей кунг-фу. И все же главной целью Бодхидхармы было не просто развитие физической силы или практика боевых техник, но культивирование врожденной энергии ци, означающей в различных переводах «дыхание», «дух» или «жизненную силу».

Ци — энергия, пронизывающая Вселенную и являющаяся составной частью каждого живого существа. С позиций анатомии человеческого тела эту энергию лучше всего представить как силу, контролирующую процесс дыхания, сердцебиения, мышечные сокращения и функционирование нервной системы: всю физическую, психическую и эмоциональную деятельность. То, что западная медицина рассматривает как раздельные сферы — нервную, эндокринную, пищеварительную и костно-мышечную

системы, — с точки зрения китайской философии находится в нераздельной зависимости друг от друга.

Развитие ци является основой даосских искусств, в том числе искусства единоборств, философии и целительства.

* * *

По сей день традиционным приветствием в кунг-фу служит открытая ладонь, расположенная на сжатом кулаке. Это символ луны и солнца, и ему соответствует китайский иероглиф «Мин». Это знак почтения минской династии, которая была покорена маньчжурской династией, что привело к разрушению шаолиньского храма в 1768 году. Только пятерым людям, известным как «Пятеро Почтенных», удалось спастись при разрушении Шаолиня. Нг Мюи — уцелевшая обитательница женской части монастыря — продолжала практиковать кунгфу вдали от враждебных глаз.

Им Вин-Чунь («Вечная Весна») была прелестной молодой девушкой, обрученной с молодым человеком из далекой провинции. Красота Вин-Чунь привлекла внимание местного бандита, и тот пытался заставить ее расторгнуть помолвку и уйти жить к нему. Нг Мюи как-то прослышала об этом и разработала свой план. Она предложила отцу Вин-Чунь написать письмо жениху своей дочери с предложением разрыва помолвки и тем временем объяснить бандиту, что тому придется повременить с женитьбой год, так как из-за больших расстояний ответ от жениха придет нескоро. Бандит согласился на это, и таким образом Нг Мюи выиграла время.

Она тут же начала обучать Вин-Чунь искусству рукопашного боя. Но летело время, и Вин-Чунь скоро осознала, что года будет мало для того, чтобы усвоить все тайны искусства, которые Нг Мюи передала ей. Итак, она ограничилась обучению только самым эффективным приемам, безжалостно отбросив в сторону все остальные тонкости кунг-фу. Тогда как шаолиньское кунг-фу имеет тридцать восемь «форм» (традиционных практик), Вин-Чунь низвела их до трех: *сил лам дао* («маленькая идея»), *чум ки* («поиск бреши») и смертоносных *бил джи* («пронзающих пальцев»). По прошествии года отец Вин-Чунь сообщил бандиту, что его дочь согласна выйти замуж только за того, кто сможет одолеть ее в рукопашном бою. Горе-жених, воображавший себя большим мастером кулачного боя, скоро понял, что все его мастерство совершенно бессильно против простых и прямых приемов Вин-Чунь.

Этот стиль дошел через три поколения до Ип Мэна,[5] начавшего обучаться этому искусству с тринадцати лет, но

согласившемуся учить других только по достижении пятидесятишестилетнего возраста. Двумя годами позже юный Брюс Ли стал тренироваться под руководством Ип Мэна. Отличаясь хрупким сложением и небольшим ростом (пять с половиной футов), будучи мягким от природы человеком, Ип Мэн умел внушить к себе почтение и имел вполне независимые взгляды.

Он не носил западных костюмов, никогда не позировал для фоторепортеров и был твердо убежден в том, что обучать вин-чунь следует только китайцев.

Этот стиль привлек к себе Брюса Ли своей экономностью и прямотой и благодаря тому, что здесь делался упор на развитие энергии. Ему также нравилось, что, овладев им, можно причинить «максимум боли при минимуме движений».

Метод вин-чунь основан на принципе: «самое короткое расстояние между двумя точками — прямая линия». Здесь не используют размашистых круговых движений, как в тайцзи. И хотя в вин-чунь применяют удары ногами, ни один из них не должен быть нацелен выше пояса противника. Важно навязать сопернику ближний бой. Все атаки должны быть направлены на центральную ось тела противника, и, в свою очередь, с наибольшим тщанием следует защищать свою собственную центральную ось.

Основой успеха в овладении техникой вин-чунь является тренировочная практика *ци сяо*, или «липкие руки». Ци сяо является не столь техникой удара, сколь методикой, помогающей бойцу ощущать беспрерывно смещающийся баланс физических сил во время схватки.

Когда два человека вступают в физический контакт, возникает «контактная точка». При хорошей практике в этой точке можно ощутить и предугадать каждое движение противника.

Такая реакция зовется «контактный рефлекс». (Это аналогично опыту рыболова, который, не видя, что происходит под водой, чувствует, что рыба «клюнула».) Развитый контактный рефлекс позволяет мгновенно и автоматически отбить любую атаку или не допустить подобное намерение.

Существует три этапа тренировок ци сяо. На каждом этапе боец учится отказываться от продуманных движений в пользу движений случайных. Опытный боец может вести бой даже с завязанными глазами. Важно понять, что, хотя рутинная практика ци сяо, возможно, не всегда применима в обстановке боя, выработанные благодаря ей координация и осознание крайне важны. Ци сяо дала Брюсу Ли первый практический опыт

взаимодействия энергий Инь и Ян — активных и пассивных сил.

Все явления в мире могут быть объяснены взаимодействием двух начал — Инь и Ян. Энергия Ян представляет собой «мужскую», созидательную силу — жар, свет, звук, небеса, активность, бесконечность и так далее. Энергия Инь представляет собой «женское», воспринимающее начало — холод, мрак, неподвижность, землю и ограниченность. Начала Инь и Ян не являются конкурирующими, скорее, они представляют собой изменение состояний и поток взаимодействующих энергий, лежащий в основе любого процесса. К примеру: резиновый шарик можно отнести к Инь в сравнении с железным шариком (Ян), в то же время этот же резиновый шар будет Ян в сравнении с шариком из масла (Инь), но и тот, в свою очередь, будет Ян по отношению к дождевой капле (Инь). В боевых искусствах рука перед ударом является Инь, рука же, наносящая удар, — Ян.

Эту концепцию применяют при объяснении того, как в природе рождается третья, поддерживающая энергия всего сущего, известная как ци, или дыхание жизни. Этот процесс легче понять, представив, как сочетаются огонь (Ян) и вода (Инь), порождая пар. Этот пар почти невидим, однако он может стать могучей силой, если будет умело применен. Китайская пиктограмма ци — чугунный горшок с горячим рисом, пар от которого поднимает тяжелую крышку.

Силу, порожденную при взаимодействии двух начал, можно проследить в движении велосипеда. Нельзя одновременно нажимать на обе педали, следует поочередно нажимать и отпускать их. Этот процесс требует как усилия, так и расслабления, давления и послабления. В результате возникает третья сила — поступательное движение.

Во время тренировочной практики вин-чунь при упражнениях ци сяо ученик должен руководствоваться теми же принципами давления и послабления, пытаясь «почувствовать» силу и намерения своего противника, чтобы нейтрализовать его или отбить атаку. Мой личный учитель, Дерек Джоунс, сравнивал этот процесс с детской игрой «ножницы, бумага, камень». Ножницы режут бумагу, камень ломает ножницы, бумагой можно обернуть камень и так далее. Ученик должен все время осознавать и реагировать на смещающийся баланс сил, в то время как его руки находятся в непрерывном движении, то и дело занимая точные позиции. Его руки должны быть мягкими и чувствительными, чтобы каждый миг регистрировать малейшие изменения, но при этом не быть вялыми. В то же время они должны становиться твердыми и упругими, чтобы выдержать давление, но не стать скованными. При постоянных атаках и контратаках выигрывает

тот, кто может спонтанно и без усилий изменяться и мгновенно приспосабливаться к обстановке.

Практически это означает, что боец учится находить бреши в защите соперника и наносить соответствующие удары настолько быстро и естественно, как взлетает рука, подчиняясь рефлексу, когда прикасается к горячей плите, или также автоматически, как скользит кисть, ставя подпись.

Позже, когда навыки и чувствительность разовьются, ученик учится «чувствовать» движения и автоматически пленять руки противника и буквально завязывать его в узел со скоростью рефлекторного действия. В определенный момент тренировок чувствительность может достичь такой остроты, что перестает быть простым физическим навыком, а становится психическим феноменом. На этом этапе человек начинает воспринимать эмоции и мысли противника настолько отчетливо, что может предугадывать его намерения и атакует его в момент ожидаемого нападения или даже несколько раньше.

Еще один уникальный тренировочный метод относится к вин-чунь — деревянная кукла символизирует противника, и с ее помощью можно разыграть любую боевую ситуацию и отработать сто восемь практических движений. На кукле также отрабатываются удары, помогающие ученику закалить руки, а также те приемы, при проведении которых можно травмировать своего партнера или повредить себе сустав, работая в одиночку.

* * *

Каждый день после школы Брюс Ли шел обучаться в классы Ип Мэна, отрабатывая удары на каждом дереве, встречающемся на его пути. Даже после тренировок Брюс лупил рукой по стулу, прежде чем сесть на него и приступить к обеду.

Вскоре Уильям Чун стал часто выслушивать жалобы некоторых старших учеников, которых хорошенько потрепал Ли во время тренировочных боев. «Они были недовольны его стремительным прогрессом. Я заметил, что даже во время беседы он отрабатывал движения ног или рук. Вот тогда-то я и понял, что он воспринял кунг-фу всерьез».

Глава 3. Дерущийся бешено

Через год после начала тренировок Брюс решил параллельно обучаться танцу ча-ча-ча, очевидно, в основном из-за интереса к партнерше, Перл Чжо. Кроме того, такие занятия помогали выработать равновесие и улучшить движения ног.

Неспособный отдаваться чему-то наполовину, Брюс составил список сотни движений и всегда держал его в своем бумажнике.

Вместе со своим товарищем, учеником вин-чунь, Виктором Канем Брюс проводил многие вечера в клубе поклонников шампанского на Тсимшатсуй, где можно было потанцевать и по-восхищаться талантом клубной певички мисс Фон Ят Ва.

Брюс любил быть безукоризненно одетым и предпочитал утюжить свои костюмы самостоятельно. Прежде чем покинуть квартиру, он внимательно изучал в зеркале непокорный вихор и не забывал несколько раз блеснуть самоуверенной улыбкой, действующей на девушек неотразимо.

Его первый серьезный роман был с Эйми Чань, ставшей позже известной на Востоке как киноактриса под именем Пак Янь. Как только у Брюса появлялись какие-то деньги, он приглашал Эйми на танцы. При встречах с Эйми он вызывал то истерический смех девушки, то крики ярости. Наедине она признавала, что Брюс в общем-то добросердечный парень, всегда готовый прийти на выручку друзьям. Но когда они находились в компании, Брюс превращался в пижона и шовиниста.

Хокинз Чун также стал учеником Ип Мэна в 1953 году, и скоро между ним и Брюсом завязалась дружба. В своем интервью для журнала Inside Kung Fu, Чун сказал:

Мы стали изучать вин-чунь, так как эта система пользовалась особой репутацией. Но мы чувствовали недоумение и разочарование, изучая ее первую форму. Мы спрашивали: «Зачем нам учиться этому? Разве мы сможем так сражаться?»

Каждый хотел поскорее пройти этот этап, чтобы приступить к упражнениям с приклеенными руками. Но в одиночных упражнениях с приклеенными руками было мало интересного, и самые молодые ученики хотели пройти и этот этап побыстрее. Но вот когда мы перешли к парному упражнению с приклеенными руками, мы подумали: «Вот теперь-то мы сможем драться!» Если вам удалось нанести своему сопернику чувствительный удар, то вы начинаете гордиться собой и приходите в восторг. «Теперь я могу его победить!» — обычно думаете вы. Это было в нашем характере — каждый из нас хотел победить своего партнера и оказаться наверху свалки. Мы помнили только о собственном «я»

и хотели быть лучшими.

Старик Мэн всегда говорил нам: «Расслабьтесь, расслабьтесь! Не горячитесь!» Но мне всегда было трудно расслабиться, когда я практиковался с кем-то в ци сяо. Я не на шутку злился и хотел убить противника. Но я видел, что, когда Ип Мэн сводил с кем-нибудь руки, он при этом умел расслабиться и даже говорил что-то своему противнику.

Иногда он мог отшвырнуть своего противника, даже не нанося удара. Сводя руки с Ип Мэном, я чувствовал, как он регулирует мое равновесие в тот момент, когда я собирался нанести удар. И я всегда терял равновесие — мои пальцы или пятка отрывались от земли. Я чувствовал, как мои руки отлетали назад, когда я пытался ударить его, как будто он использовал всю свою силу, чтобы отразить удар, но при этом его движения были легкими и почти незаметными.

Нет, это не было агрессивное движение. Когда я спрашивал его, как он делал это, он отвечал: «Вот так» — и демонстрировал движение, ничем не отличающееся от боевого приема.

Брюс Ли также прошел через все эти переживания. Они характерны для каждого, практикующего ци сяо — систему, предназначенную не только для совершенствования физической техники, но и направленную на то, чтобы помочь справиться с потоком таких эмоций, как страх и злость, и сохранить спокойствие духа. Он хотел научиться драться, и ему было трудно слушаться совета Ип Мэна практиковать форму почаще и проделывать это помедленнее. Ип Мэн старался объяснить, что хорошая или плохая техника зависит от хорошей или плохой телесной механики. Он даже посоветовал Брюсу прекратить на время выполнять упражнения с приклеенными руками.

Хотя Брюс Ли обычно носил с собой в качестве оружия лезвие или цепь от туалетного бачка, ему нечасто приходилось пользоваться ими. Результаты большинства его уличных драк ограничивались порванной одеждой или разбитыми до крови носами из-за ударов руками и ногами.

Один из Тигров, Люн Пак Чунь, как-то рассказывал: «Однажды одного из наших ребят избила коулуновская банда. Брюс вместе с другими отправился мстить. Брюс стал приближаться к ним с таким видим, словно просто хотел поговорить, но, когда подошел вплотную, нанес молниеносные удары без предупреждения двум самым здоровым парням».

Эти двое оказались родственниками местной «Триады»,[6] и отец Уильяма Чуна, высший офицер полиции, должен был вмешаться, чтобы предотвратить дальнейшее развитие конфликта.

Сестра Брюса, Агнес, говорила: «Он начал ввязываться в постоянные драки без всякой причины. И если ему приходилось проигрывать, он приходил в бешенство. Мысль о том, что он может хоть изредка потерпеть поражение, была для него невыносима».

Частично ответственность за такое поведение Брюса нес и Ип Мэн, который часто говорил своим ученикам, что те ничего не должны принимать как аксиому и проверять все, чему научились, на практике.

Несмотря на всю «бесцельную» агрессию, семена истинного понимания все же начинали давать ростки в уме Брюса. В нем проснулась подлинная любознательность, которую трудно было ожидать от необузданного юноши. Брюс, пожалуй, удивил самого себя, послушавшись совета Ип Мэна прервать на время тренировки и посвятить какое-то время медитациям.

Почему форма имела такое большое значение? И что она имела общего со всем происходящим вокруг него? Именно эти идеи Ип Мэн хотел внушить мальчику.

Когда бы Брюс Ли в своей жизни ни хотел остудить свой пламенный темперамент и дать место для размышлений, он ходил вдоль берега или под дождем. И сейчас он проводил долгие часы возле гавани, держась как можно дальше от городского шума и толчеи. Нет никакого смысла все время думать об одном и том же — это может свести с ума. Предположим даже, что у него вырастет вторая голова, сможет ли он тогда постигнуть больше? Нет, ему следовало более эффективно использовать уже имеющуюся форму, а не форсировать события. Стал бы он лучше драться, появись у него четыре руки и четыре ноги? Если бы существовали такие люди, думал он, то наверняка были бы и другие приемы борьбы!

Когда Брюс стоял у края воды, его мысли плыли медленнее, словно рыбы в глубинах моря. Трудно было определить, насколько медленно тянулось время, разве что подсчитав свои вдохи и выдохи или сердцебиения. Пространство и время все— больше теряли четкость очертаний по мере того, как всплывали возможности нового взгляда на вещи. Он мог видеть свои собственные мысли и чувства, проходящие сквозь сознание, столь же отчетливо, как отражения туч, проплывающие по поверхности воды. Нельзя сказать, что в нем в такие минуты не жили мысли и чувства, но каким-то образом он был не столь погружен в них, как раньше. Однако сможет ли он достичь того же состояния во время схватки, когда в его груди закипали гораздо более сильные эмоции!

Брюс склонился над водой и ударил кулаком по своему

отражению. На миг вода разошлась и разлетелась брызгами.

Когда в воде вновь появилось его отражение, Брюс увидел, что оно нежно улыбалось ему. Природа поведала ему что-то, но не только о самой себе, но и о его собственной природе. И в это мгновение между ними не существовало разделенности.

Но Брюсу скоро пришлось вступить в новый конфликт.

Младшие ученики, завидовавшие ему, проведав о предках-немцах Брюса, стали оказывать давление на Ип Мэна, чтобы тот перестал обучать нечистокровного китайца; ведь Ип Мэн был твердым традиционалистом и верил в то, что людей Запада никогда нельзя обучать искусству. Однако Ип Мэн, высоко ценя рвение Брюса и чувствуя к нему большую симпатию, не стал слушать их. Но скоро многие стали грозиться покинуть школу, чтобы не заниматься в компании Брюса, и тот сам принял решение уйти от своего учителя. Вначале он тренировался у одного из старших учеников Ип Мэна, Вон Шун Люна, который вел свою собственную группу. Иногда Брюс перехватывал учеников Бона и говорил им, что учитель заболел и они могут идти домой, так как занятий не будет. Таким образом ему удавалось получать от учителя больше личных инструкций. Наконец Брюс стал тренироваться каждые выходные с Уильямом Чуном.

В школе Св. Франциска Ксавьера неуемная энергия Брюса получила выход благодаря его новому учителю, брату Эдуарду, подстегнувшему Брюса принять участие в боксерском чемпионате 1958 года, где боролись за звание чемпиона ученики двенадцати гонконгских школ. Брат Эдуард, бывший боксер, так говорил о Брюсе: «Он был крутым парнем, но вовсе не забиякой, как считают некоторые».

На своих воскресных тренировках с Уильямом Брюсу приходилось попотеть, готовясь к приближающимся соревнованиям. Благодаря прямой агрессии и целеустремленности Брюс пробил дорогу к финалу, нокаутировав троих противников в первом раунде. И вот он встретился на ринге с юным англичанином, Гэри Элмсом, из той самой школы Георга Пятого. Последние три года Элмс не расставался с титулом чемпиона.

Элмс стал вести поединок в классическом стиле. С самого начала Брюсу пришлось нелегко и, загнанный в угол, он бешено отбивался. Но несмотря на то, что боксерские перчатки плохо сочетаются с навыками вин-чунь, Брюс все же сумел применить несколько блоков, которым он научился, а затем провести серию контрударов на двух уровнях. Он был очень доволен исходом поединка, закончившегося нокаутом в третьем раунде, о чем и

оставил запись в дневнике.

Тем временем уличные драки шли полным ходом наряду с «состязаниями» с различными школами, и матери Брюса приходилось часто посещать полицейский участок. Во время одной из таких встреч ученики школы вин-чунь дрались против учеников школы чой ли фут на крыше одного из домов в Юнион-45роуд в Коулуне. По словам Вон Шюн Люна, именно Брюс бросил вызов. Вон вспоминает, что Брюс был «горячая голова» и никогда не выказывал почтения перед авторитетами других стилей единоборств. И все же он не был уличным хулиганом, как некоторые склонны его изображать.

Поединки, в которых участвовал Брюс, состояли из двух раундов продолжительностью по две минуты каждый. В качестве рефери выступал Вон. Бойцы встали в позицию, и тут же противник Брюса, по имени Чан, бросился в атаку и нанес удар, который Брюс сумел отвести ладонью. Следующий удар пришелся Брюсу прямо в глаз. Тот ответил градом коротких прямых ударов. Брюсу удалось сократить дистанцию, но его удары были слишком неточными, и кулаки противника прошлись по его щеке и носу. После первого раунда Брюс сидел в своем углу несколько обескураженный: его нос кровоточил, губа вспухла, а самому ему не удалось нанести ни одного стоящего удара. Брюс сказал Бону, что хотел бы на этом закончить схватку, что он, дескать, не сможет скрыть следов драки от отца, но Вон настоял на продолжении поединка.

Начался второй раунд, и Брюс решил сдерживать себя, заняв более уверенную позицию. Сделав пару ложных выпадов, он набрал очки, нанеся прямой удар в лицо Чана. Чан начал отступать, Брюс преследовал его, нанося беспрерывные удары, пока тот не упал, и другие ребята бросились удерживать Брюса.

Брюс ликовал и поднял руки в знак победы. Родители избитого парня сразу же отправились в полицию, и миссис Ли вынуждена была подписать бумагу о том, что впредь берет на себя ответственность за поведение сына.

Брюсу удалось продержаться в школе в основном благодаря тому, что он сумел заставить других ребят делать за него домашние задания. Осознав, что в будущем Брюсу скорее светит тюрьма, чем продолжение обучения, Грэйс Ли настояла на том, чтобы тот официально заявил о своих правах на американское гражданство, не дожидаясь прихода восемнадцати лет, когда уже будет поздно что-либо предпринимать.[7] Вначале Брюс отнесся к этой идее с прохладцей, но она понравилась его отцу.

Вначале Брюс заявил Хокинзу Чуну, что собирается стать в Штатах дантистом, но затем решил, что сможет заработать

деньги, обучая людей кунг-фу. Чун напомнил Брюсу, что он только владеет стилем вин-чунь второго уровня и отработал всего сорок приемов на деревянной кукле. И хотя это было святой истиной, Брюс считал себя шестым лучшим представителем в этом стиле. Но все же он прислушался к словам друга и согласился научиться еще нескольким эффектным приемам, прежде чем отправится в Америку. Он обратился к Дядюшке Сью (Сью Хо Сану), учителю северного стиля кунг-фу. Брюс пригласил Сью в кофейню и заключил с ним сделку: в течение месяца Сью будет учить его приемам кунг-фу, Брюс же расплатится с ним тем, что научит его танцам. Итак, однажды утром, в семь часов, они приступили к занятиям. Сью показал Брюсу две формы — «жука богомола» и джит кюн — «быстрый кулак». Но сделка оказалась невыгодной для Сью. Он ожидал, что Брюс сможет усвоить эти две формы не раньше чем через две — три недели, Брюсу же потребовалось на это всего три дня. Сью не успел даже научиться основным движениям ча-ча-ча.

Всю свою юность Брюс поддерживал дружбу с Единорогом. Их отцы сделали одинаковую карьеру, и Единорог, так же как Брюс, играл в кино детские роли. В полнометражном фильме «Рождение Человечества» они появились вместе; Единорог исполнял роль пай-мальчика, а Брюс — хулигана, задиравшего его. Ран Ран Шоу, глава студии «Шоу Бразерс», заключивший контракт с Единорогом, предложил Брюсу сняться в их фильме. Брюс был склонен принять это предложение, но Грэйс Ли каким-то образом удалось отговорить сына и убедить его, что лучшим вариантом является продолжение образования в США.

Прежде чем покинуть Гонконг, Брюс обратился в местный полицейский участок за сертификатом, необходимым для эмиграции. Там он узнал, что оба они с Хокинзом Чуном находятся в черных списках как местные нарушители спокойствия.

Драматизируя ситуацию, Брюс позвонил своему другу: «Мы оба попали в черные списки как гангстеры, я собираюсь обелить свое имя и, коль скоро я нахожусь здесь, я собираюсь обелить твое имя тоже!»

Несколькими днями позже офицер полиции заглянул на квартиру Чуна, чтобы выяснить вопрос о его гангстерских связях. Все усилия Брюса привели к тому, что вместо того, чтобы снять пятно со своей репутации и репутации друга, он только усилил подозрительность полиции. В результате Чун-старший вынужден был заплатить полицейским, чтобы те вычеркнули имя сына из списков потенциальных преступников и тот смог получить возможность отправиться в Австралию продолжить образование.

Брюсу же пришлось оставаться в Гонконге достаточно долго, чтобы завоевать титул чемпиона Королевских Колоний на соревнованиях по ча-ча-ча в 1958 году. За день перед отправкой в Америку Брюс пришел попрощаться с Единорогом. Он жаловался на то, что его не любит отец, а остальные члены семьи просто не уважают. И сейчас он собирается уехать, чтобы достичь чего-то в жизни. Он был согласен со словами матери, что, оставшись здесь, он закончит тем, что попадет в настоящую беду.

В последний день перед отъездом мать засунула в карман сыну сто долларов, отец вручил пятнадцать. Брюс подхватил чемоданы и как раз собирался выйти из комнаты, когда отец окликнул его. Когда Брюс вернулся, тот жестом отослал его прочь. Отец просто следовал китайскому ритуалу: он разыграл эту сцену, чтобы быть уверенным в том, что, хотя его сын уезжает далеко, он обязательно вернется на похороны отца.

Молчаливый и слегка подавленный Брюс снова поднял свои чемоданы и отправился в путь.

В апреле 1959 года Брюс отправился в трехнедельное морское путешествие в Сан-Франциско. И хотя у него был куплен билет третьего класса, Брюс умудрился проводить почти все время на палубе первого класса, давая там уроки танцев. В очках и аккуратном костюме он выглядел скорее как молодой Кларк Кент, [8] а не гонконгский сорвиголова. Возвращаясь в каюту, он погружался в раздумья о том, что ему предстоит, когда растают 115 долларов.

Глава 4. У Руби Чжоу

Ли Джунь Фэнь исполнил надежды своей матери и возвратился к месту своего рождения, в Сан-Франциско. Там он остановился у приятелей своего отца и начал зарабатывать небольшие деньги единственным возможным для него способом — давая уроки танцев. В перерыве между уроками Брюс как-то продемонстрировал свое мастерство в кунг-фу на глазах у Боба Ли, младшего брата местного инструктора по кунг-фу, Джеймса Ли. Боб Ли рассказал старшему брату о своих впечатлениях, но тот выслушал все это без особого внимания.

В течение первого месяца пребывания Брюса в Сан-Франциско несколько местных каратэистов пытались убедить его начать давать уроки кунг-фу, но тот устоял перед соблазном, заявив, что вначале он должен завершить образование. Брюс действительно намеревался стать доктором и стал усиленно заниматься математикой и совершенствованием своего английского.

Вскоре в Сан-Франциско прибыл брат Брюса, Питер. Он остановился здесь проездом по дороге в штат Висконсин, где должен был завершить свое университетское образование, чтобы затем вернуться в Гонконг работать в Королевской Обсерватории. Питер помнит, как Брюс кричал во сне, молотя руками и ногами по кровати и сбрасывая на пол одеяло.

Чувство незащищенности, переживаемое Брюсом в этот период, привело его в состояние постоянного внутреннего конфликта и агрессии. Малейший намек на оскорбление мог вызвать самую бурную реакцию Брюса. Он недолго задержался в Сан-Франциско, так как Грэйс Ли попросила своих друзей Чжоу, живших в Сиэтле, приютить у себя ее сына.

Подобно отцу Брюса, Чжоу Пин был в свое время артистом гонконгской Кантонской Оперы, но из-за болезни осел в Нью-Йорке, воспользовавшись американской военной декларацией 1941 года. Здесь он и встретился со своей будущей женой Руби, которая смогла позаботиться о его здоровье, и скоро молодожены отправились в Сиэтл, где открыли свой собственный ресторан.

Руби Чжоу была сильной, независимой женщиной. Она не только презрела традиции, разведясь со своим первым мужем, чтобы выйти замуж за Пина, но и пренебрегла советами всех своих друзей и родственников и открыла первый китайский ресторан в Сиэтле за пределами китайского квартала. Там она смогла утвердить себя как одну из влиятельнейших членов местной общины. Здесь она часто выступала в роли посредника между китайцами и полицией или иммиграционными

чиновниками, улаживая щекотливые проблемы. Она занималась тем, что брала к себе вновь прибывших сородичей и обеспечивала их жильем и хлебом, пока те не обретали уверенности на новой земле, требуя от них взамен только помощи по хозяйству. С точки зрения Руби, Брюс ничем не отличался от всех остальных, переступавших порог ее дома.

Жизнь в Сиэтле была для Брюса словно пробуждением от сна. Ему никогда прежде не приходилось видеть свое имя красующимся в рабочем графике. Он считал, что будет желанным гостем в доме и вся его работа должна состоять только в посещении школы! Ему выделили крошечную спальню, «не больше шифоньера» и определили на работу официантом. На этой работе он чувствовал себя несчастным. Трудно было найти что-либо менее подходящее для него. Брюс Ли не привык выполнять приказы, и клиенты ежедневно жаловались на его поведение. Его отношение к другим официантам и персоналу кухни было не лучше, и скоро между ним и Руби возникла неприкрытая вражда. Руби привыкла к почтительному отношению, а не к тому, чтобы на нее кричал один из официантов, обвиняя ее в том, что она эксплуатирует его. По правде говоря, и Руби, и Брюс не привыкли уступать никому дороги. О компромиссе между ними не могло быть и речи. Руби никогда не вспоминала о Брюсе с теплотой. Когда я спросил ее о нем, она ничего не захотела говорить:

Если я не могу сказать ничего хорошего о человеке, то лучше я вообще не стану говорить о нем… Я заботилась о нем в течение четырех лет. Я вырастила пятерых детей и относилась к нему почти как к сыну. Но он вовсе не был тем человеком, каким я бы хотела видеть своего сына. Он был диким, недисциплинированным и никого не уважал. Большинство людей, владеющих искусством единоборства, по существу, неагрессивны. Их мастерство служит для того, чтобы суметь постоять за себя, но он применял свои знания в агрессивных целях! Стал ли он лучше, повзрослев? Я сомневаюсь в этом.

Грэйс Ли посылала Брюсу деньги, чтобы поддержать его, да и сам он научился подрабатывать, вкладывая рекламные листовки в газеты и занимаясь прочими мелочами. Молодой человек работал в ресторане по вечерам, а днем наверстывал знания, которыми пренебрегал, живя в Гонконге. Брюс стал посещать Высшую техническую школу Эдисона.

В письме от 16 мая 1960 года Брюс писал Хокинзу Чуну о том, что до сих пор практикуется в кунг-фу и держит дома деревянную куклу, присланную ему из Гонконга для отработки приемов вин-чунь. Затем он продолжал:

В настоящее время я посещаю Высшую техническую школу Эдисона и собираюсь сдать выпускные экзамены летом. Я планирую поступить в университет в следующем году, то есть в 1961. Что ж! Я до сих пор не имею понятия, на чем я буду специализироваться. Когда надумаю, то сообщу тебе об этом. Сейчас я понял, что вся эта дребедень, вроде ча-ча-ча, годится только для того, чтобы убить время, и уже не радует меня. Учеба прежде всего. Да, это верно, твое будущее зависит от того, насколько усердно ты занимался. Сейчас я завишу только от самого себя, с того самого дня, как ступил на землю этой страны. Я не трачу денег моего отца. Теперь я подрабатываю официантом после занятий в школе. Скажу тебе, это не просто, старик! У меня полная запарка!

Когда в Сиэтле проводились «Дни культуры Азии», в школе Эдисона Брюса Ли попросили продемонстрировать свое искусство в кунг-фу. Джеймс де Миль увидел объявление об этом событии. Бывший боксер-тяжеловес, победитель в чемпионате Американских ВВС, а сейчас предводитель банды с Капитолийского Холма и знаменитый уличный драчун, Джеймс де Миль был очень заинтригован предстоящим мероприятием.

В своем наутюженном костюмчике и очках с толстыми стеклами Брюс мало напоминал опытного бойца, и его не восприняли всерьез, когда он объявил собравшимся, что через минуту те увидят такое, что китайцы всегда держали в секрете.

Комический эффект был усилен тем, что Брюс Ли произносил слова с акцентом и «р» звучало как «w». Когда он стал демонстрировать «животные» виды кунг-фу, для непосвященных это совсем не выглядело как борьба, и толпа стала шуметь. Вдруг Брюс замер на месте и его взгляд остановился на Джеймсе де Миле. «Похоже, ты умеешь драться, — сказал он, — как насчет того, чтобы выйти сюда?»

Де Миль выглядел здоровяком без грамма лишнего жира.

Он не видел причин для беспокойства, когда молодой человек, весивший 140 фунтов и ростом не выше пяти футов семи дюймов, подошел к нему и стал объяснять, что сейчас собирается показать на нем несколько приемов, придуманных крошечной буддистской монашенкой. Брюс повернулся к де Милю и предложил атаковать его. Де Миль выбросил вперед правый кулак, надеясь, что голова выскочки со свистом пролетит над собравшейся толпой.

Брюс легко блокировал удар и сделал ответный выпад, сдержав руку на волосок он носа верзилы. С этого момента, как бы де Миль ни пытался попасть в Брюса, тот легко отбивал любую атаку. Контактный рефлекс, отточенный за годы упражнений с

приклеенными руками, сослужил свою службу. Де Миль привык к уличным боям, в которых он начинал с того, что ломал кому-то ногу. Он не привык проигрывать драки, не говоря уже о том, что не помнил уже, когда он выглядел беспомощным. Показательный бой оказался беспощадным и закончился тем, что Брюс постучал костяшками пальцев по лбу де Миля и спросил, все ли дома.

Позже Джеймс де Миль, сумев преодолеть уязвленную гордость, повел себя как боец, а не забияка и попросил Брюса обучить его некоторым приемам.

Среди публики присутствовал также и афроамериканский дзюдоист Джесси Гловер, который был восхищен, узнав, что он и Брюс учатся в одной школе. Гловер стал одним из первых серьезных учеников Брюса.

Дуг Палмер сейчас работает поверенным в Сиэтле. В своем «дневнике» он вспоминает о встрече с Брюсом, происшедшей в тот период:

Я видел, как он демонстрирует свое искусство в гунфу на уличной ярмарке. Я был заворожен его быстротой и явной силой, его гибкими и отточенными телодвижениями, с помощью которых он имитировал жуков-богомолов и демонстрировал иные формы. Брат одного из моих друзей брал уроки у Брюса, и я как-то сказал, что и сам хотел бы заниматься с ним. Примерно неделей позже, находясь среди толпы, снующей у буддистского храма, я почувствовал легкое похлопывание по плечу. Когда я обернулся, то увидел красивого китайца, немного старше меня, с загадочным выражением лица. «Я слышал, что ты хотел встретиться со мной», — сказал он.

Я представился и сказал, что хотел бы практиковать гунфу.

На что тот только пожал плечами и сказал, где они занимаются. «Приходи туда и просто понаблюдай. Если интерес не пропадет, то посмотрим».

Пока я не закончил колледж, я посещал занятия по два раза в неделю. Мы занимались на заднем дворе, а зимой в гараже.

Группа была маленькой и состояла в основном из мужчин постарше Брюса. Большинство из них раньше обучались дзюдо, я же многие годы боксировал. Все мы были покорены этой формой борьбы, непревзойденной по эффективности и прелести… Никто раньше не слыхал о гунфу. Шутники переспрашивали: «Как, как, тьфу или пфу?» А один из школьных учителей, здоровенный экс-футболист, спросил меня как-то, может ли это сравниться с «доброй старой миннесотской зуботычиной».

Врожденные таланты Брюса и его неординарность привлекли к себе многих студентов. Импровизированные тренировки происходили на стоянке машин возле ресторанчика Руби Чжоу

после того, как Брюс заканчивал работу. Во время этих занятий он обучался так же активно, как и учил, отрабатывая и проверяя приемы на своих учениках.

Джим де Миль привык заглядывать с приятелями в местный супермаркет, принадлежащий Такауки Кимуре, известному среди друзей как просто «Таки». Он был американцем японского происхождения, интернированным во время Второй мировой войны. Находясь в лагере, Таки брал уроки дзюдо у товарища по заключению. Джим де Миль рассказал Таки о невероятном искусстве молодого мастера, с которым он недавно познакомился.

Сейчас Таки Кимуре около семидесяти лет. Это приятный человек с мягким голосом, до сих пор управляющий своим делом в Сиэтле. Он так вспоминает о своей встрече с Брюсом Ли:

Они сказали, что мне обязательно нужно пойти посмотреть на него. Но я то видел настоящих мастеров в Японии, которые были гораздо старше и опытнее, и потому не мог представить, чем меня сможет удивить мальчишка. И все же я отправился на тренировку, проводимую на игровой площадке возле университета. Как только я увидел, что тот может проделывать, то тут же спросил, могу ли я посещать занятия. Хотя меня больше всего поразили не столько скорость и физическая сила Брюса, сколько его мышление. В состав маленькой группы, которую он вел, входили Джесси Гловер, Джим де Миль, Эд Харт, Пат Хукс, Дуг Палмер.

Обычно мы отправлялись в парк или в другое место, где могли найти открытое пространство. Я работал с Брюсом довольно много. Он все время подбивал меня войти в их компанию, но я и так посвящал тренировкам слишком много времени, к тому же я был в два раза старше его.

Тридцативосьмилетний Таки Кимура был почти в два раза старше большинства членов группы. У него были грустные глаза человека, чья гордость знала немало ударов судьбы. Брюсу же было только восемнадцать, и он не знал покоя. Все же оба они испытывали теплые чувства друг к другу. Весь следующий год они тренировались в парках по несколько часов каждое воскресенье, а затем беседовали за чашкой чая в китайском ресторане. Завязалась крепкая дружба.

Таки Кимура говорил:

Помню, что Джесси Гловер был черным, Джеймс де Миль имел смешанную кровь, было несколько белых парней, но большинство из нас принадлежали к национальным меньшинствам. Я рос в одной из немногих цветных семей нашего района, и мне пришлось столкнуться с массой предрассудков… Я

не мог зайти в ресторан, не мог сесть в автобус. Я полгода обивал пороги в поисках работы. Это разрушило мое представление о себе как о личности. К счастью, я не спился от этих огорчений. Наконец я задал себе вопрос: «Кто я такой, мужчина или нет?» — и смог взять себя в руки.

Позже я женился на белой женщине, которая любила меня и которую не смущал цвет моей кожи.

Брюс говорил мне: «Ты ничем не хуже их». А затем прибавлял: «Боже, Таки, ты одеваешься как старик! Ты выглядишь на все шестьдесят! Поди-ка купи себе приличные вещи». Он перестроил меня не только физически, он перестроил меня в эмоциональном и интеллектуальном аспекте, и я снова почувствовал себя тем человеком, каким был когда-то.

Тренировки иногда проводились на заднем дворе супермаркета Таки. Случалось так, что Брюс вдруг переставал смеяться над шутками товарищей и, принимая серьезный вид, начинал читать лекцию. Подобные лекции означали только одно — Брюс заметил девушку. В такие минуты Джим де Миль старался незаметно скрыться. На свою беду Джим выглядел наиболее устрашающим и кровожадным среди всех членов группы. И когда Брюсу нужно было потрясти девушку, он обычно заканчивал лекцию словами: «А сейчас я покажу вам, что такое моя система. Эй, Джим…»

Вскоре у Брюса завязались близкие отношения с Эйми Сэнбо, американкой японского происхождения, которая, подобно Таки, была интернирована во время войны. Брюс предложил ей руку, но был отвергнут. Эйми смогла оценить таланты Брюса и его положительные качества, но она также видела и его незрелость. В компании Брюс мог начать отжиматься на одном пальце, чтобы привлечь к себе всеобщее внимание. Когда Эйми обвинила его в любви к показухе, тот парировал, что это не так, что он, мол, хотел только узнать реакцию людей. Она говорила Брюсу, что хотя тот часто цитирует мудрые мысли, но никогда не применяет их в своей жизни. Эйми часто проявляла сострадание к тем, кому не так повезло в жизни. Брюс же утверждал, что тот, кто хочет выделиться из толпы, должен стремиться к своей цели. Обычно их разговоры были заполнены любимыми темами Брюса — кунг-фу и его личными планами на будущее. У Эйми тоже были амбиции — она хотела стать писательницей и танцовщицей, но Брюса не интересовали эти перспективы, он считал, что Эйми лучше всего реализует себя, помогая ему.

Брюс Ли с трудом понимал, что отнюдь не каждый обладает его амбициями и его способностями. Он был нетерпелив с учениками. Он показывал прием раз или два, и если вы не

запоминали, то он никогда не повторял демонстрацию. Он считал, что если он может делать это, то все остальные смогут тоже. Таки Кимура был одним из тех, кто не мог поспеть за Брюсом. Он объявил Брюсу, что бросает занятия, так как они легки для учителя, но трудны для ученика. Брюс ответил, что Таки «наделен талантом, но не может поверить в это».

Таки продолжает свой рассказ:

Мне приходилось работать в два раза тяжелее, чем всем остальным, так как я был старше их. Однажды я украдкой поглядывал на Брюса, чтобы увидеть, произвел ли я на него впечатление. Конечно же, он прекрасно знал, что я делаю, и я услышал, как он сказал одному из парней: «У него ничего не получится». Мне было невыносимо больно. Я знал, что обычно легко сдаюсь, но сейчас я старался изо всех сил, и, хотя я был неуклюжим, мне казалось, что Брюс должен видеть мое искреннее стремление работать получше. Затем он стал работать со мной как бы вроде отдельно… Отводил меня в сторону, демонстрировал мне дополнительные вещи. Затем он стал готовить меня на роль своего помощника.

Однако Брюс умел воспользоваться слабохарактерностью Таки и эксплуатировал его как бесплатного шофера. «Я был счастлив возить его на свидания, — вспоминает Таки, — так как Брюс тоже много делал для меня. Но мои близкие не были так счастливы, когда мне приходилось вставать в два часа ночи, чтобы ехать за ним».

Чтобы подзаработать и привлечь новых учеников, Брюс Ли начал регулярно выступать на местных спортивных площадках. Эти демонстрации боевого искусства транслировались по девятому образовательному каналу местного телевидения в Сиэтле. Но как бы Брюс ни старался отрепетировать эти демонстрации со своими учениками, без сбоев не обходилось. Брюс закипал от злости, когда оказывалось, что программа, в которой он принимал участие, проходила непрофессионально. На одной из демонстраций Джесси Гловер вдруг забыл, что должен был делать. Оказавшись лицом к лицу с Брюсом под слепящими лампами и перед объективами камер, он растерялся и ударил Брюса прямо в лицо. Через мгновение представление перестало быть просто представлением — Джесси Гловер лежал пластом на полу, а в глазах у Брюса появился невыносимый блеск стали.

«Я был с Брюсом, когда он превращался в демона, — рассказывал Таки, — и сбивал с ног здоровенных парней. Но его сила заключалась не только в мускулах. Он часто рассказывал историю о старой леди, чей дом загорелся. Самой дорогой для нее вещью было пианино, стоящее на одном из верхних этажей.

Ни на минуту не останавливаясь и не задумываясь, она вынесла пианино из дома. Позже, когда пожар погасили, потребовались усилия четверых мужчин, чтобы внести его обратно. Брюс умел задействовать именно такой вид энергии по своей воле. Его сила шла от огромной внутренней энергии, которой он умел управлять».

Как и в детстве, Брюс и в те дни любил розыгрыши. «Один из ребят нашего класса был оптиком, — вспоминает Дуг Палмер. — И Брюс заказал у него целую коробку контактных линз.

Одна пара линз была с кровавыми прожилками. Брюс любил надевать эти линзы и разгуливать в людных местах. Иногда он заходил в ресторан в сопровождении поводыря, шарил по столу в поисках меню, затем водил пальцами по строчкам и делал заказы по-китайски, а один из нас переводил».

«Он был необычайным юношей, — говорит Таки, — он мог беспрерывно играть всеми гранями своей личности. Минуту назад он рассказывал скабрезный анекдот, а сейчас с упоением говорил о дзэн и даосизме. Он был очень гибок и мог меняться в зависимости от того, с кем говорил».

Брюс был способен на глубокую искреннюю проникновенность в одно мгновение и на бурю шумного веселья в другое. Но он также мог внезапно взорваться гневом.

Таки Кимура вспоминает:

Был такой парень — Эдди Пирс. Он обычно шатался возле моего магазина. Я подружился с ним, и он стал мне почти как младший брат. Эдди страдал от сильного заикания. Брюс тоже иногда заикался, хотя я думаю, что причиной тому были трудности с чужим языком, а не врожденный недостаток. Когда я представлял Эдди Брюсу, Эдди, естественно, начал говорить заикаясь. Я увидел, как Брюс напрягся и как сжались его кулаки. Он решил, что его передразнивают.

Эдди скоро понял, в чем дело, и попытался отвратить надвигающуюся бурю. «Я….я д-д-действительно з-з-заикаюсь», — начал оправдываться он, чем только усугубил положение.

Пришлось вмешаться мне, Брюс был очень заводным парнем и мог бы не раз попасть в беду, не будь меня рядом. Одним воскресным днем мы с Брюсом ехали по Сиэтлу, и за нами увязался полицейский на мотоцикле. Мы останавливались на каждом перекрестке, дожидаясь зеленого света, и так проехали четыре квартала, пока коп не остановил нас. «Вы, ребята, хорошо устроились — едете со скоростью 29 миль в час при ограничении до 30 миль в час». Коп пытался спровоцировать нас. Это была неприкрытая дискриминация. Я ощутил, как напрягся Брюс. Я точно знаю, что, не стой я рядом, добром бы дело не закончилось.

Джеймс де Миль вспоминает, как однажды, прогуливаясь по китайскому кварталу, они увидели, что какой-то человек на автомобиле преследовал молодую китаянку. Брюс подошел к водительской дверце и велел парню за рулем прекратить это сейчас же. Парень высунул голову через окно, чтобы послать Брюса куда подальше. Мгновенно Брюсов кулак врезал ему в нос, и машина тут же умчалась.

Таки видел «гибкость» в характере Брюса. Но в глубине души этого человека бежал темный поток, готовый ворваться в его жизнь.

Глава 5. Тень

Совершенствуясь в искусстве единоборств, Брюсу Ли пришлось преодолевать обычные при таком образе жизни внутренние трудности и претерпевать изменения. Сестра Брюса Ли, Агнес, вспоминает, как он ходил во сне с самого детства. Его брат Питер рассказывал, как Брюс сражался во сне. Таки Кимура упоминал о той огромной энергии, которую Брюс умел задействовать. Сейчас же все это достигло кульминационной точки.

В комнате, выделенной ему Руби Чжоу, Брюс сражался со своей «черной тенью», не отпускавшей его несколько минут.

Тщетные попытки освободиться от нее сделали его мокрым от пота. Не требуется большого воображения от журналиста или автора бесчисленных сценариев, чтобы превратить это событие в страшную историю о «демоне» или «проклятии» Брюса Ли.

Так что нет ничего удивительного в том, что этот эпизод стал самым заезженным и искаженным в его биографии.

Это событие следует попытаться увидеть в правильной перспективе. Нет никакого сомнения в том, что Брюс Ли начал генерировать мощную энергию, далеко превосходящую границы обыденного (или ему удалось получить доступ к энергии).

Но энергия по своей природе не является ни плохой, ни хорошей, она может быть и той и другой. Это Инь и Ян, свет и мрак.

В энергии содержатся все возможности.

Этой ночью Брюс не сражался с привидением, нет, он предстал лицом к лицу с теми аспектами своей личности, которые раньше не хотел признавать: со злостью, самонадеянностью и беззащитностью. Брюс просто встретил «себя». Он прошел через суровое столкновение со своим бессознательным Я, благодаря которому все темные стороны его натуры стали лучше видны ему самому. Безусловно, он мог это переживать как борьбу с темной силой. В Таро карта «Дьявол» отображает архетипический опыт и указывает на мощные энергии психики, вышедшие из-под контроля. Здесь Дьявол представляет собой не силы зла, а импульсивность инстинктов и энергию беспорядка. Дьявол учит «Шута» (наивного искателя духовности), как узнать и признать все аспекты его натуры, как светлые, так и темные.

Психолог Юнг называет эту архетипическую силу не «Дьяволом», а «Тенью». Тень — это заблокированная энергия, включающая в себя подавленные или негативные чувства,

освобождение от которых открывает дорогу интеграции и направляет энергию в положительном направлении.

И действительно, после этого случая Брюс Ли стал на путь самосовершенствования. Он закончил школу Эдисона с хорошими оценками в дипломе и обеспечил себе место в Университете Вашингтона в Сиэтле, который стал посещать с марта 1961 года. Он сразу же записался на те курсы, которые были интересны ему, — английский язык, гимнастику и борьбу. Проявив интуицию, предвидя свой будущий путь, он также стал посещать классы театрального мастерства и риторики. За годы, проведенные в университете, он также посещал занятия по рисованию, композиции, бальным танцам, китайской философии, китайскому языку, Дальнему Востоку и современной истории, общей психологии, психологии приспособления, личной гигиене и искусству быть лидером. Брюс также стал зачитываться «селф-хелповскими» книгами о наращивании потенциала, положительном мышлении и о том, «как стать счастливчиком».

Этот могучий взлет честолюбивых замыслов Брюса поддерживался его уверенностью в собственных силах. В то же время он боролся с не менее сильным чувством ностальгии, описывая жизнь Гонконга в своих эссе.

У Брюса стало появляться все больше и больше учеников, но Джеймс де Миль не верил в то, что Брюс собирался полностью посвятить себя преподаванию:

Все это, скорее, выглядело так, словно он говорил: «Вот что я могу вам предложить — берите. А пока я собираюсь тренироваться и совершенствоваться сам». К счастью, я смог воспринять его философию и техническое мастерство, так как был очень заинтересован. Я также сумел больше фокусироваться на себе, осознавать свое тело и контролировать движения. Это помогло моей эволюции как личности, и я смог обрести уверенность в себе. Тем временем Брюс менялся, развивая плавность движений и наращивая энергию. В Сиэтле он прошел свой экспериментальный период в поисках всевозможных стоек и техник, стараясь превзойти все ограничения.

В Гонконге Брюсу приходилось драться с парнями своей весовой категории. Здесь же он столкнулся с противниками, которые весили на семьдесят фунтов больше и были на шесть дюймов выше его. Брюс называл их «наезжающими грузовиками». Он знал, что если парню вроде де Миля удастся достать его и если это произойдет на публике, то ни ему, ни его репутации не поздоровится. Это было не просто дело чести. Это был вопрос выживания. Совершенствуя свою технику, ученики бросали вызов Брюсу, и он должен был беспрестанно оттачивать свое

мастерство. Но он всегда оставался первым благодаря пониманию глубинных принципов искусства боя.

Джесси Гловер объяснял это так:

Брюс стал таким благодаря нескольким факторам. Во-первых, благодаря своей способности к упрощению: он умел низводить все сложное до основы. Во-вторых, благодаря своей врожденной скорости и способности воспроизводить любое движение, которое он когда-либо видел, даже если он видел его один раз. В-третьих, большую роль играла мотивация, возносящая его на высшие уровни: страх проиграть и желание всегда оставаться лучшим. Он боялся, что кто-то, обладающий такими же способностями, но крупнее и сильнее его, однажды сможет оказаться сверху. Но если он будет всегда лучшим, такое не сможет произойти.

Брюс Ли находил традиционный подход к обучению Ип Мэна мучительно медленным. Он выработал для себя простой девиз: «Пользуйся только тем, что работает, и бери это, где только сможешь найти». Джесси Гловер продолжает:

В течение первых двух лет нашего знакомства Брюс Ли не был цельной личностью. Он мог с жаром рассказывать о различных приемах кунг-фу во время одного разговора и высмеивать их во время другого. В этот период, приходящийся на начало 60-х, Брюс объездил всю Калифорнию и Западное Побережье, вплоть до Канады, чтобы пообщаться с различными мастерами кунг-фу.

Когда ему разрешали посмотреть на различные приемы, Брюс тут же сознавал, как можно улучшить их, а это редко кому нравилось. Ряд подобных встреч заставил усомниться Брюса, действительно ли демонстрируемая ему техника была столь уж эффективной.

«И не забывайте, — продолжал Гловер, — что в этот период Брюс тренировался более сорока часов в неделю. Он приближался к возрасту полного расцвета сил, и во всех его действиях отражались его громадные успехи. Чем совершеннее становился он сам, тем меньшее почтение он питал к традиции. И он никогда не скрывал этого, когда предоставлялась возможность публично высказаться. Да, он мог подтвердить свои слова действиями».

В школе Эдисона учился японец по имени Юичи, обладатель черного пояса каратэ. Он желал доказать Брюсу, что каратэ — превосходная система, и начинал быть довольно надоедливым. Во время одной из демонстраций каратэист вступил в спор с Брюсом перед аудиторией. Брюс сказал парню, что он никого не хотел оскорбить лично, что он вовсе не желает унизить тот или иной стиль и что единственная его цель — это прояснить свой подход к определенным вопросам.

«Брюс пытался уйти от конфликта, но в конце концов это произошло, — говорит Таки Кимура. — Когда парень еще раз повторил свою выходку, Брюс сказал, что им придется-таки выяснить отношения».

Выбрав подходящее место для поединка, оба бойца отправились на гандбольную площадку местной Ассоциации Христианской Молодежи в сопровождении небольшой группы ребят, предвкушающих зрелище. Тут же были учреждены правила поединка: три раунда по две минуты. Джесси Гловер в качестве рефери.

Брюс принял стойку вин-чунь. Юичи занял наступательную стойку каратэ, затем перешел в «кошачью» стойку и нанес удар ногой в область живота Брюса. Брюс парировал удар и тут же ответил стремительной серией прямых коротких ударов, прежде чем Юичи успел прийти в себя. Японцу так и не удалось контратаковать Брюса, и он очутился на земле. Когда соперник упал на колени, Брюс нанес ему удар ногой в лицо, и Джесси Гловер ринулся вперед, чтобы остановить бой. «Бой продолжался не более десяти секунд», — уверяет Таки Кимура.

Каратэист вновь появился только через неделю, заявив товарищам, что попал в небольшую аварию. «Брюс был весьма великодушен, — продолжает Таки, — он не стал смущать парня рассказом о подробностях «аварии» и просто замял дело. Позднее парень стал его учеником. Брюс показал настоящий класс — не стал держать на него обиды, допустил парня к себе, а сам продолжал свой путь».

«Что Брюс действительно охотно делал, как только предоставлялся случай, — говорит Джесси Гловер, — так это заступался за любого. Для остальных проблемой в общении с ним было то, что способности Брюса основывались на таком обилии факторов, которым никто больше не обладал. Мало кто мог похвастаться такой физической формой, которая позволяла бы воплотить идеи Брюса. То, что видела публика на выступлениях Брюса, было всего лишь вершиной айсберга. Главным требованием к тому, кто хотел освоить это искусство, была способность интенсивно практиковаться определенное время. Вы не можете выучить все за сутки и не можете обучаться, не прилагая усилий. Для успешного использования его идей нужно суметь воспитать в себе качества Брюса».

У Джеймса Ли (учителя кунг-фу из Окленда, чей брат Боб брал когда-то у Брюса уроки танцев) был друг по имени Аллен Джо, отправившийся в Сиэтл на Всемирную Ярмарку 1962 года, «Раз уж ты туда едешь, — сказал Джеймс, — почему бы тебе не навестить этого парня и проверить, действительно ли он хорош?»

Аллен Джо нашел Брюса Ли в ресторане Руби Чжоу. Он дождался вечера, сел за столик и заказал выпивку. Он сидел, потягивая виски, когда в зал вошел Брюс, «действительно одетый с иголочки». Аллен упомянул имя Джеймса Ли, они разговорились о кунг-фу и наконец удалились на задний дворик, где Аллен продемонстрировал некоторые классические движения.

Без тени улыбки Брюс сказал, что они совсем не хороши, и предложил испытать их на нем. Каждый выпад Аллена заканчивался тем, что он «летал, как фанера». Затем Брюс продемонстрировал свою практическую форму на деревянной кукле, которую он окрестил «Бодхидхарма».

«Я был действительно поражен, — говорил Аллен. — Его движения были настолько плавными и отточенными, что все, чему я учился, показалось мне в сравнении грубым и неуклюжим».

По возращении домой Аллен получил от Брюса письмо, а через две недели Джеймс Ли написал Брюсу. Брюс отправился в Окленд, чтобы навестить Джеймса. Джеймс Ли согласился с другом. «Да, парень действительно хорош. Он невероятен!»

Не менее сильное впечатление Брюс Ли произвел и на студентов Гарфилдской высшей школы, где он как-то выступил с лекциями. Двадцатидвухлетний Брюс вошел в здание школы с важным видом, ведя под руку Эйми Сэнбо, чтобы просветить студентов насчет китайской философии. Тогда он не заметил Линду Эмери, крепкую семнадцатилетнюю девушку, но та заинтересовалась молодым человеком и спросила о нем у своей соседки. Ее подруга, американка китайского происхождения по имени Сью Энн Кэй, ответила, что Брюс — это ее учитель кунг-фу.

За три года знакомства с Эйми Брюс несколько раз предлагал ей выйти за него замуж, но каждый раз наталкивался на отказ. Брюс запланировал поездку в Гонконг на лето 1963 года, надеясь объявить родителям о своей женитьбе на Эйми. Он сделал девушке последнее предложение и надеялся убедить ее, предложив обручальное кольцо, перешедшее ему по наследству от прабабки. Брюс знал, что Эйми предложили работу в Нью-Йорке, и потому решил поторопить ход событий. Эйми ответила окончательным отказом и навсегда исчезла из его жизни.

Некоторое время Брюс пытался найти ее, но попытки не увенчались успехом.

В то же время Брюс получил официальное письмо с предписаниями не покидать страну, так как американское гражданство делало его кандидатом для прохождения военной службы.

Брюс попросил свою преподавательницу английского

языка, Маргарет Уолтэрс написать в комиссию поручительское письмо. Хотя его жизнь в Штатах была недавно омрачена неприятностями, у Брюса не было намерений покидать эту страну.

Глава 6. Лето в Гонконге

Летом 1963 года в квартире Ли на Натан-роуд обитали мать и отец Брюса, его сестра Агнес, брат Роберт, кузен, тетка, служанка, а также цыпленок в клетке на веранде. Дуг Палмер, изучавший классический китайский язык в колледже, с радостью принял предложение своего друга Брюса отправиться к нему на родину.

Однажды, когда семейство уселось за стол, Дугу был преподан урок о некоторых тонкостях кантонского диалекта. По этому поводу он сделал следующую запись:

Кантонский диалект китайского языка, распространенный преимущественно в Гонконге, является тональным языком.

Совершенно схожие во всем звуки могут приобретать прямо противоположное значение в зависимости от тона, которым они произнесены. Сейчас я могу довольно сносно говорить на классическом китайском, в котором есть четыре основных тона. Но в кантонском имеется семь различных тонов, и я часто не могу уловить различий.

Однажды вечером семья уселась вокруг обеденного стола, чтобы сыграть в простую игру, заключающуюся в том, что на стол бросают кубик с изображением различных животных на его гранях. Тот, кто первым выкрикнет имя животного, изображенного на верхней грани кубика, после того, как тот остановится, набирает очко. Одним из животных была креветка, название которой по-китайски звучит как «хааи» на низких тонах. В разгаре игры я громко выкрикивал: «хаи», все более высоким тоном, когда выпадала креветка. Дамам, собравшимся за столом, это казалось необыкновенно смешным, и они каждый раз хихикали. Наконец Брюс отвел меня в сторону и объяснил разницу в тональности между китайскими названиями креветки и женских половых органов.

Брюс Ли и Дуг Палмер не скучали этим летом в Гонконге.

Они ходили купаться на песчаные пляжи, посещали кинотеатры (если не забывали купить билеты загодя), заходили на атракционы, ели в ресторанах или просто впитывали в себя атмосферу и энергию шумных улиц. Брюс сделал Дуга сообщником в розыгрышах. Любимой жертвой шутников стала гонконгская полиция, отличавшаяся взяточничеством, которая, наряду с британской солдатней, входила в те две категории людей, ненавидимых Брюсом больше всего. Брюс сразу замечал полицейского-китайца с красной нашивкой на рукаве, что означало, что тот говорит на каком-то подобии английского:

Увидев копа с красной нашивкой, я должен был подойти к

нему и спросить по-английски, не подскажет ли он мне, как пройти в Кантон-Театр. Поскольку такого театра не существовало, но была Кантон-роуд, каждый коп обязательно переспрашивал меня на страшном английском: «Кантон-роуд?» «Нет, я рассчитывал встретиться с другом в театре», — отвечал я и тут же начинал нести скороговоркой ахинею на английском. Коп, совершенно сбитый с толку, время от времени произносил только одну фразу: «Кантон-роуд?» Тут я делал паузу и на кантонском языке внятно произносил: «О чем ты тут лепечешь?» В этот момент к нам приближался Брюс и спрашивал, из-за чего возникла проблема. Я отвечал ему, что желаю найти «Кантон-Театр», на что тот отвечал, что и сам туда направляется. На этом мы оставляли остолбеневшего от изумления копа.

Однажды вечером Брюс возвращался домой на пароме.

Два уличных хулигана начали провоцировать его на драку, но Брюсу удалось сдержаться и не реагировать на их слова. После того как паром причалил, те увязались за ним и долго шли по пятам, выкрикивая оскорбления. Наконец Брюс не выдержал и, крутнувшись, нанес низкий удар ногой по голени ближайшего из парней. Второй задира тут же пустился наутек. Не поворачиваясь, Брюс продолжил свой путь домой. Когда родные услышали рассказ об этом инциденте, кузен Брюса, Фрэнк, долго не мог поверить в это. «Несколько лет назад он обязательно отмолотил бы обоих».

Брюс также любил развлечься, затеяв притворную драку с Дугом на глазах у зевак.

Мы разыгрывали обычный сценарий: два размашистых боковых удара наносил я. Брюс блокировал их своими предплечьями. Затем он наносил жесткий апперкот мне в живот, что давало возможность проверить, насколько хорошо я его натренировал. Мы старались выбрать удачное время: выходили из лифта, громко споря, а затем начинали свое представление на глазах у публики, стоящей в очереди к лифту.

Не знаю, каким чувством юмора обладал Брюс — «китайским» или своим, неповторимым. Он часто вел себя как недотепа, позволяя уличной шпане задевать его. Когда возникала драка, Брюс неуклюже блокировал свинг противника, а затем лупил его в пах или обездвиживал, казалась бы, случайным ударом. Когда задира катался по земле, корчась от боли, Брюс, прикрывая рот ладонью, заливался нервным, визгливым смешком. Когда мы удалялись, Брюс объяснял свое поведение: «Человек может смириться, получив трепку от кого-нибудь побольше и посильнее, но если его отлупил какой-то мозгляк, он не найдет себе места от стыда до конца своей жизни».

В Гонконге Брюс продолжал серьезно заниматься кунг-фу.

Он отыскал Ип Мэна и посещал его. Дуга Палмера он брал только в качестве зрителя, предупредив его, чтобы тот не проговорился о своих познаниях в кунг-фу.

Хотя он нарушил традиции, находясь в США, когда обучал каждого желающего кунг-фу, невзирая на цвет кожи (к изумлению многих жителей китайского района Сиэтла), Брюс не мог «переступить черту дозволенного» в Гонконге.

Ип Мэн всегда приветливо улыбался, в его глазах мерцал смех. Он был в годах и отличался хрупким сложением, но все еще был в хорошей форме. Они с Брюсом практиковали упражнение с приклеивающимися руками в его квартире, расположенной на самом верху многоэтажного дома. Ни один ученик не присутствовал при этом. И два бойца долго тренировались, раздевшись до пояса.

«Мы были неразлучны все то лето, — вспоминает Палмер, — за исключением тех случаев, когда бегали на свидания». Детская любовь Брюса, Пак Янь, прослышав о том, что Брюс приехал в Гонконг, позвонила ему. В течение последних пяти лет, когда Брюс находился за океаном, она снималась в фильмах беспрерывно. Сейчас она рассказала ему, что готовится к съемкам в новой картине, где ей предстоит играть «плохую девочку».

Она спросила Брюса, не мог ли он помочь ей подготовиться к этой роли. В течение последних недель Брюс не жалел сил, помогая своей подруге войти в роль.

Знал ли отец Брюса о его отношениях с Пак Янь или нет, но за неделю до намеченного срока возвращения сына в Сиэтл решил, что в возрасте двадцати двух лет Брюсу необходимо подвергнуться обрезанию. Ко всеобщему удивлению Брюс согласился. Скоро он возвратился в квартиру, осторожно передвигая ногами. Он изменил стиль одежды и теперь вместо узких брюк надел традиционные китайские широкие штаны, одолженные ему отцом. Каждое утро пурпурный орган подвергался тщательному осмотру, пока не принял почти нормальный вид.

«Помню, как он приплясывал, — вспоминал со смешком Палмер. — Знал бы он, какие его ожидают страдания, то, наверное, хорошенько бы подумал, прежде чем согласиться на операцию».

Когда пришло время отправляться назад в Штаты, Брюс был уже в состоянии нормально ходить.

На обратном пути мы остановились на пару дней в Токио, а затем и на Гавайях. Один из наших друзей передал приглашение Брюсу выступить с демонстрацией гунфу в одной из школ

Гонолулу (к тому времени Брюс уже полностью оправился после операции). Тогда школы гунфу на Гавайях (как, впрочем, и повсеместно) были строго китайскими; так что публика была крайне удивлена, когда увидела, как я взбираюсь на помост вместе с Брюсом, чтобы участвовать в демонстрации перед пятьюдесятью студентами и преподавателями. Вскоре вокруг нас стали тесниться люди и задавать нам вопросы. Один человек спросил, обучал ли меня Брюс гунфу. По тому, как прозвучал вопрос, было ясно — он был недоволен тем, что Брюс тренировал не-китайца.

Через некоторое время этот же парень подошел к нам, с сигаретой, свисающей из уголка рта, и начал расспрашивать Брюса о его технике. Он поинтересовался, как Брюс станет блокировать удар ногой, и тот предложил продемонстрировать прием на нем. Тот нанес удар в паховую область, Брюс блокировал его ногу хлопком ладони и продолжил прерванный разговор. Мужчина продолжал еще некоторое время держать ногу вытянутой, слегка помахивая при этом ступней. «Смотри-ка, — сказал он, — а ведь ты же был открыт здесь».

Брюс кипел от негодования, но сумел сдержаться. Он научился обращаться с подобными типами, не причиняя им сильной боли. Давая разъяснения, Брюс предложил продемонстрировать еще и другие блоки. Мужчина с сигаретой согласился и нанес удар кулаком, целясь в челюсть Брюса. В этот раз Брюс не просто блокировал руку, но и нанес ответный удар, достаточно медленно, чтобы противник успел закрыться свободной рукой. Брюс ухватил его вторую руку и молниеносным движением скрутил обе руки у того за спиной. От резкого толчка сигарета вылетела из его рта.

Брюс, удерживая противника, продолжал демонстрировать иные приемы перед все возрастающей аудиторией. Затем, удовлетворенный, отпустил беднягу.

Когда Брюс возвратился в Сиэтл, оказалось, что американское правительство имеет относительно него свои планы. Его вызвали в местный совет, где он должен был пройти медицинское освидетельствование как кандидат для отправки во Вьетнам. Как ни странно, но он был признан негодным к несению службы в армии США (из-за неопущения яичка).

Если Брюс Ли плохо подходил для роли официанта, то уж тем более никак не был создан для военной службы. Попади он в армию — не позже чем через неделю его должны были бы отдать под трибунал. Он не переносил рутины и муштры, а главное, его характер отличался крайней взрывоопасностью.

Этим летом Линда Эмери закончила школу и устроилась на

работу на время каникул. В сентябре ее ожидало начало занятий в университете. Брюс в это время начал проходить специализацию по философии. Однажды в воскресенье подруга Линды, Сью Энн Кэй, пригласила ее с собой на занятие по кунг-фу, Они отправились в китайский квартал, где Брюс давал свои уроки.

Хотя группа собиралась в полуподвальном помещении с голыми цементными стенами, атмосфера там была оживленная.

Линда рассчитывала, что ее знакомство с кунг-фу ограничится только одной экскурсией, но, к своему собственному удивлению, вскоре стала одной из постоянных учениц.

Воскресные полудни были своего рода праздниками для участников группы кунг-фу. Обычно все собирались в китайском квартале, где Брюс откалывал нескончаемые шутки за ланчем, а затем все вместе отправлялись в кинотеатр, чаще всего — на фильм о самураях. Из ресторана в кинотеатр Брюс возглавлял шествие. Внезапно в воздухе проносился апельсин или иной предмет. Ребята должны были хватать эти объекты на лету без комментариев. Брюс хотел научить их делать это инстинктивно. Во время просмотра фильма Брюс любил комментировать действия, выставляя на вид ошибки в съемках. Позже он расспрашивал своих учеников о мельчайших деталях фильма, о людях в ресторане и о погоде, чтобы проверить их наблюдательность. Брюс пользовался каждой возможностью, чтобы научить ребят осознавать окружающее. Осознать даже то, что никогда не поздно учиться лучше осознавать!

Брюс вскоре попросил администрацию университета разрешить использовать гимнастический зал для демонстраций кунг-фу и вскоре привлек к себе новых учеников. Студенты стали пропускать университетские занятия для того, чтобы пойти посмотреть на представления кунг-фу, которые давал Брюс. Он не только демонстрировал приемы, но и объяснял философию, стоящую за ними, а в промежутках не забывал отпускать шутки.

Как-то они проводили занятия на лужайке, окруженной деревьями. Брюс улучил момент, когда Линда стояла в стороне, подошел к ней и пригласил отобедать с ним вечером в ресторане.

Глава 7. Линда

Линда Эмери оказалась прекрасной парой для Брюса — она была замечательной слушательницей! Они сидели во вращающемся ресторане «Спэйс Нидл», огни Сиэтла проплывали под ними, а Брюс не прекращал рассказывать о своих планах на будущее.

Он до сих пор жил у Руби Чжоу и чувствовал себя крайне стесненно и неуютно, когда Таки предложил заняться поисками помещения, где они могли бы спокойно собираться для тренировок. Ученики станут платить Брюсу по четыре доллара в неделю, чтобы тот смог внести деньги за аренду и оставить себе кое-что на жизнь. Брюс нашел подходящее место в октябре 1963 года, сообщил о своих намерениях Руби Чжоу и открыл Институт Чжун Фэнь Гунфу неподалеку от здания университета, на Юниверсити Вэй, 4750. Программа школы была отпечатана в типографии. В ней Брюс предлагал обучать желающих искусству единоборства. Говоря об эффективности и универсальности этой системы, Брюс предостерегал, что совершенство достигается только со временем. Школа занимала весь первый этаж жилого дома, где уже были установлены душевые кабинки. Брюс отвел себе под спальню торцевую комнату без окон, обставив ее теми вещами, которые ему удалось привезти из Гонконга.

Линда, вынужденная хранить свои отношения с Брюсом в тайне от матери и отчима, проводила почти все вечера с Брюсом в этой комнате. Линда родилась и воспитывалась в белой протестантской семье, и, хотя ее мать вряд ли могла возражать против того, чтобы Линда дружила с азиатами в школе (где добрую половину класса составляли цветные дети), мысль о том, что ее дочь встречается с китайцем не могла прийтись ей по вкусу. Линда подозревала, какие чувства должна испытать мать по поводу всего этого, но осознавала, что ее чувства к Брюсу уже были сильнее.

В конце 1963 года Дуг Палмер приехал на каникулы в Сиэтл. Он сопровождал Брюса на демонстрацию кунг-фу в высшую Гарфилдскую школу (которую, кстати, сам окончил за год до Линды), где Брюс должен был продемонстрировать «однодюймовый удар». Вот как вспоминает Палмер этот день:

Гарфилдская школа располагалась в центре города. Больше половины ее учеников были азиатского или африканского происхождения. В классе, перед которым выступал Брюс, было несколько футболистов и баскетболистов. Они никогда прежде не слышали о кунг-фу и сидели, развалясь на стульях. Брюс начал

свою лекцию, продемонстрировав разницу между ударом в стиле каратэ (который наносят от бедра) и направляемым по прямой, от солнечного сплетения, ударом вин-чунь. Затем он поведал о том, что существует удар невероятной силы, который можно нанести с дюймового расстояния. Многие студенты стряхнули с себя дремоту, услышав о такой невероятной вещи. Брюс попросил добровольца, на котором можно было бы продемонстрировать «однодюймовый» удар, подойти к нему. Пока ребята подстрекали друг друга, Брюс отыскал самого здорового парня, лениво растянувшегося на заднем ряду, и попросил стать перед классом.

Ученики, хихикая, привстали с мест, когда крошечный Брюс занял позицию напротив верзилы-добровольца. Брюс коснулся костяшками пальцев груди парня и стал принимать устойчивую позу. Вдруг он сказал: «Погоди минутку!» Он отыскал свободное кресло и поставил его на пять футов позади своей жертвы. «Порядок», — сказал он и занял прежнюю позицию. Эта короткая интермедия возымела должный эффект; глаза всех присутствующих были прикованы к Брюсу, Большой парень оглянулся на кресло, стоящее на пять футов позади него. Несколько минут назад он полулежал на таком же кресле, а сейчас его собираются разложить на него. Нет, он не позволит мозгляку-китайцу сделать из него посмешище. Верзила напрягся, сделал полшага назад.

Брюс, шоумен, беспрестанно притопывая, держал сжатый кулак у самой груди парня. Вдруг его рука дрогнула — больше ничего… Рты у всех присутствующих раскрылись сами по себе, когда здоровяк пролетел через комнату и, кувыркнувшись через стул, растянулся на полу. Так Брюс завоевал внимание класса.

Брюс продолжал поддерживать отношения с Джеймсом Ли, и в июне 1964 года они решили открыть филиал Института Чжун Фэнь в Окленде. Брюс к тому времени стал терять интерес к аспирантуре по философии в университете Вашингтона, продал свой «форд» и переправил пожитки в Окленд. Линда отвозила Брюса в аэропорт. Всю дорогу ее мучил вопрос о том, как она вписывается в планы Брюса и вписывается ли вообще.

Брюс сказал, что, прежде чем заводить речь о браке или семье, ему нужно поднакопить денег.

В этот июльский день 1964 года атмосфера на спортивной арене Лонг-Бич была душной и тяжелой. Кондиционеры не работали, и зрители, часами наблюдавшие международный чемпионат по каратэ, были заметно взвинчены. И вот спонсор чемпионата, Эд Паркер, подошел к микрофону, чтобы представить Брюса Ли, собирающегося выступить с демонстрацией мало кому известного в то время искусства кунг-

фу.

Эд Паркер вспоминает: «Он обладал широким кругозором, очень неклассический мастер кунг-фу, он считал их всех роботами. И потому я сказал ему, что, если он сможет появиться на чемпионате и выступить с демонстрацией, у людей появится лучшее представление о боевых искусствах мира».

Брюс Ли вышел на помост, одетый в простой черный костюм бойца кунг-фу и шлепанцы. Так же как и в Гарфилде, он приковал к себе внимание публики, продемонстрировав «однодюймовый» удар.

Подобные «трюки» были весьма эффектны, но Брюс был против их демонстрации, если это было бесцельно. Главной задачей Брюса было показать, что существует гораздо более эффективный способ наносить удар, не задействовав мышцы плеча и руки. Чем больше расслаблены мышцы, тем большее количество энергии может протекать сквозь тело. Напряжение мышц при попытке нанести удар или использование грубой силы может привести только к противоположному эффекту.

На этих соревнованиях в числе обладателей черного пояса за звание чемпиона боролся филиппинец Дэн Иносенто. Он владел не только техникой кенпо каратэ, но и филипинскими искусствами единоборств эскрима и кали. После матча он решил проведать Брюса Ли в его гостиничном номере, чтобы обменяться некоторыми идеями и техниками. Нельзя сказать, что Иносенто был удовлетворен результатами их короткой встречи.

Сейчас, на пороге шестидесятилетия, Дэн Иносенто занимается ежедневными пробежками и находится в той же спортивной форме, что и двадцать лет назад. Вспоминая о том вечере, он выглядел слегка сконфуженно:

Я был полностью ошарашен! Он управлялся со мной как с ребенком — я ничего не мог предпринять против него. Ему даже не нужно было применять много усилий, он как бы контролировал мое тело. Я проигрывал и прежде. Но никогда еще не проигрывал так: он превосходил меня во всех действиях, выкрикивая при этом названия ударов, словно это была игра! Я не мог заснуть в ту ночь. Мне казалось, что все, чему я к тому времени научился, уже полностью устарело. Он отражал все мои удары играючи. Я очень тогда переживал.

После чемпионата по каратэ Брюс и Дэн Иносенто проводили вместе много времени, иногда просто гуляя и беседуя или роясь на полках книжных магазинов. Дэн Иносенто взял на себя роль Таки Кимуры и помогал Брюсу на его выступлениях в Сан-Франциско. Подобные шоу сейчас следовали определенному ритуалу: молниеносные уколы пальцами, тычки и удары,

остановленные на волосок от цели, были их обязательными элементами. Брюс проверял свои рефлексы, отражая удары добровольцев, отжимался на кончиках больших пальцев и разбивал руками толстые доски. Иносенто провел четыре дня, принимая на себя град ударов от Брюса во время демонстрации в Лос-Анджелесе. По вечерам Брюс учил его приемам того, что Дэн Иносенто назвал «ошеломляюще усовершенствованной системой вин-чунь».

Брюс и Линда вели регулярную переписку. Линда получала письма прямо на почте, чтобы мать не догадалась о ее романе.

Когда женитьба казалась уже решенным делом, Брюсу было страшновато при мысли о знакомстве с будущей тещей.

Встреча с «черным поясом» каратэ — это одно, а вот встреча с матерью Линды — совсем другое. Так что в голове «грозной боевой машины» созрел блестящий план: вначале они с Линдой поженятся, а затем, благоразумно удалившись в Окленд, поставят об этом в известность по телефону мать Линды.

12 августа 1964 года Брюс возвратился в Сиэтл с обручальным кольцом, одолженным ему женой Джеймса Ли. К сожалению, после того, как Брюс с Линдой подали заявление в местный суд, сообщение о предстоящем браке появилось в местных газетах (как того и требовал закон). Когда тетка Линды прочла объявление, она позвонила миссис Эмери, чтобы выяснить, что случилось с ее приглашением. Все семейство тут же собралось, чтобы, продемонстрировав силу, заставить влюбленных отказаться от их замысла. Но Брюс встретил их натиск, не дрогнув, и заявил: «Я хочу жениться на вашей дочери. Между прочим, я китаец».

Стараясь отговорить их от свадьбы, дядя Линды пугал племянницу тем, что это не будет «христианский» брак, и в то же время убеждал Брюса, что Линда «ничего не умеет делать».

«Она научится», — отрезал Брюс.

Таки Кимура, не раз страдавший от расовых предрассудков, старается не делать акцента на этом аспекте: «Я думаю, что это было естественное беспокойство родителей, когда они видели, что их очень молодая дочь собирается выйти замуж за человека, не имеющего ни работы, ни постоянного дохода».

Возможно, только тот факт, что скоро она должна стать бабушкой, заставил мать Линды предпринять действенные шаги и вступить в переговоры с настоятелем Объединенной Церкви Сиэтла. Свидетелем на свадьбе был Таки Кимура. «Единственный человек не из круга семьи, приглашенный на свадьбу», — с гордостью вспоминает он. Все происходило так стремительно, что Брюс должен был одолжить свадебный костюм, а у Линды не

было подвенечного платья. На церемонии также не было фотографа.

«Но он мог хотя бы купить цветы!» — вздыхала мать Линды.

Глава 8. Бойцовская форма

В скоре Брюс и Линда перебрались в Окленд, в дом Джеймса Ли. Жена Джеймса умерла от рака, оставив его с сыном и дочерью. Скоро все они стали одной семьей.

Взъерошенный мужчина с железным рукопожатием, Джеймс Им Ли был двадцатью годами старше Брюса. Некогда чемпион штата по тяжелой атлетике, боксер-любитель и обладатель коричневого пояса дзюдо, он сейчас работал сварщиком, а в свободное время преподавал кунг-фу. Его можно было назвать одним из немногих людей в Соединенных Штатах, имевших хоть какое-то понятие о китайских боевых искусствах. Он годами преподавал традиционную форму кунг-фу, но скоро его перестали удовлетворять застывшие стереотипы и слабое внимание, уделяемое практической стороне, и он изобрел свой неформальный стиль.

Естественно, Джеймс сразу же смог оценить по достоинству то, что предлагал Брюс. Позже он скажет, что за короткое время с Брюсом он научился большему, чем за всю свою жизнь. Ведь Брюс учил не устаревшей рутине, а конкретным действиям самозащиты в непредсказуемой обстановке.

Джеймс и Брюс стали партнерами и открыли филиал «Института Гунфу» на Бродвее в Окленде. Вначале у них было немного учеников, но Таки Кимура субсидировал их предприятие, настояв, чтобы они забрали все деньги, заработанные в Институте Сиэтла.

Ни одна из школ Брюса не планировалась как прибыльное коммерческое предприятие. Он просто никогда не думал о том, чтобы привлечь туда выгодных клиентов. Единственное, что требовал Брюс от своих учеников, — это желание и способность к обучению. Ему не нужны были случайные люди. Брюс предлагал индивидуальный подход к каждому из учеников. Он не признавал демонстраций движений перед шеренгой зрителей. Брюсу необходимо было понять сильные и слабые стороны каждого ученика, его амбиции и характер. Каждый из учеников должен был продвигаться своим собственным путем. Так, например, Дэн Иносенто смог осознать: чтобы идти дальше, ему следовало в первую очередь освободиться от скованности разума.

Брюс старался объяснить, что знание техники — это только начало кунг-фу. Для овладения этим искусством следует проникнуть в его дух. Поэтому он отказывался обучать людей «готовым рецептам», а призывал их к постоянной алертности, вдохновлял на поиск своих собственных «решений проблем».

На первых порах Брюс преуспевал в своем намерении избегать конфликтов того сорта, которые возникали у него в гонконгских школах кунг-фу. Правило номер 9 его Института призывало не распространяться о методах и достижениях Института в присутствии представителей других школ кунг-фу, дабы не возбуждать чувства соперничества. По иронии судьбы первые беспокойства начались в начале 1965 года из-за инструктора кунг-фу из Сан-Франциско (держащего школу по другую сторону залива), тоже китайца по национальности.

Вон Джак Мань недавно прибыл из Гонконга, чтобы открыть свою школу в Штатах. Желая сделать себе имя, он послал Брюсу письменное приглашение на бой с тем условием, что проигравший должен будет закрыть свою школу. За этим вызовом крылось традиционное недовольство мастеров боевых искусств тем фактом, что Брюс разглашает их «тайны» европейцам, имеющим преимущества в росте и силе перед китайцами.

Вон появился в назначенном месте с несколькими своими коллегами. Был прочитан целый список правил: никаких ударов пальцами в глаза, ногой в пах и так далее… Брюс пришел в бешенство от всего этого и настолько загорелся желанием поскорее вступить в бой, что Вон дрогнул и решил предложить более формальный спарринговый матч для решения вопроса.

Но Брюс и слушать об этом не пожелал, и Бону пришлось согласиться на первоначальные условия, чтобы не ударить лицом в грязь перед коллегами.

По рассказам свидетелей, бой прошел быстро, гладко и эффективно. После энергичного обмена ударами Вон бросился наутек, а его секунданты сделали попытку заступиться, но были перехвачены Джеймсом Ли. Брюс бежал за Боном, лупя его по голове и спине, но ему никак не удавалось нанести завершающий удар.

Брюс позже говорил Дэну Иносенто:

Я преследовал его и, как дурак, колотил по голове и спине. У меня кулаки опухли из-за этой твердой башки. Затем я сделал то, чего никогда не делал раньше: обхватил его шею рукой и хорошенько врезал ногой под зад. Он растянулся на полу, а я продолжал лупить его, пока он не перестал сопротивляться. Я так устал, что с трудом наносил удары.

Брюс приказал делегации убираться с миром, и те ушли, не ответив ни слова.

Линда отыскала Брюса, остывающего после драки на заднем крыльце. Он никак не был похож на счастливого победителя. Брюс был недоволен тем обстоятельством, что вместо нескольких секунд ему потребовалось потратить на бой целых три минуты.

Он должен был взглянуть в лицо правде и понять, что находился отнюдь не в лучшей форме. Публично Брюс не признавал за собой никаких недостатков, но наедине с собой он был безжалостно самокритичен.

В результате этого боя Брюс начал пересматривать как свои боевые, так и тренировочные методики. Возвращаясь к традиционным стилям и к своим собственным приемам, он понял, что любое боевое искусство в основе своей несовершенно. Что нужно обрести человеку, чтобы вырваться из границ любого боевого искусства? Вот тот вопрос, который стал отныне терзать Брюса.

Прислушавшись к советам Джеймса Ли, Брюс стал очень серьезно заниматься своей физической подготовкой. Каждое утро он начинал с пробежки в несколько миль. В этом ему составлял компанию Бобо, немецкий дог, названный так в честь любимой овчарки маленького Брюса. Бег для Брюса был средством медитации и возможностью воспринимать жизнь как поток. Дома, машины, деревья проплывали мимо Брюса параллельно с мыслями, чувствами, ощущениями. После ланча Брюса ждала новая пробежка или упражнения на велотренажере.

Большое внимание уделялось укреплению мышц живота. Для этих упражнений применялся проверенный боксерский способ: тяжелый набивной мяч бросали на середину живота.

Выполнялись также приседания и подъемы вытянутых ног.

Новый подход к собственной форме не оставлял места для критики старой гвардии: «Есть много ребят с толстым брюхом. Они лентяи. Много разглагольствуют об энергии ци и о тех вещах, которые могут делать, но вы не верьте им».

Джеймс также убедил Брюса заниматься с тяжестями. Вначале Брюс тренировал руки, но когда он увидел, как мышечная сила влияет на скорость, он купил себе полный набор для тяжелой атлетики и стал наращивать мышцы. Он также стал экспериментировать с напитками с высоким содержанием протеина для быстрого увеличения массы тела. Он употреблял их, приправляя экстрактом женьшеня или большим количеством витаминов.

Если Брюс начинал действовать, то уж посвящал себя этому без остатка. В его рабочем дневнике перечислены все упражнения (и количество повторов), которые он должен был проделать в течение дня. Против некоторых упражнений стоит пометка: «БКР», что, очевидно, означало «бесконечное количество раз». Он всегда продолжал, сколько мог выдержать, а затем продолжал еще!

Даже не занимаясь гимнастикой, Брюс тренировался тем или

иным способом. В 1950 году каждый паренек регулярно вырезал купоны из газет, чтобы, отослав их по указанному адресу, получить подробные инструкции по методике культуризма, известной как «динамическое напряжение». Чарльз Атлас создал империю почтовых заказов, обещая стофунтовым слабакам программу, благодаря которой они смогут намылить шеи задирам, бросавшим песок им в глаза. «Динамическое напряжение» на деле было не чем иным, как системой упражнений, известной как изометрия. Она основываясь на том, что одна группа мышц работала против другой: так, например, нужно было взять руки в замок перед собой и пытаться развести их, не отпуская, или бороться с неподъемным весом. Когда Брюс был вовлечен с кем-нибудь в случайный разговор, он каждый раз пытался прислониться к стене и изо всех сил нажимать на нее кончиками пальцев, «вливая энергию» в трицепсы.

Брюс утилизировал все, что мог. Он отрабатывал силу удара, колотя ногой по деревьям, пока с них не начинала слазить кора. Вырабатывал точность, боксируя с кусками мусора, поднятого порывом ветра. И если он не находил необходимого тренировочного оборудования, то изобретал его сам или использовал Джеймса Ли как сварщика, чтобы тот помог ему претворить проект в жизнь.

Зайдите в хорошо оборудованную школу боевых искусств — и вы обнаружите там огромное количество разнообразнейших приспособлений. Там вы увидите и «тяжелую» боксерскую грушу, для выработки силы удара; и пружинную грушу, которая отскакивает назад только в том случае, если удар нанесен точно по прямой линии; и тренерские перчатки для того, чтобы «набивать» точный и сильный удар. Вы также сможете обнаружить надувные щиты, позволяющие судить о глубине погружения ноги или для тренировки ударов на ходу; и почти наверняка вы найдете там колесо с приводом для улучшения «растяжки».

Все типы такого оборудования были собраны в гараже у Джеймса Ли. И какие бы сложные аппараты ни были изобретены в те времена, Брюс все равно находил пути их усовершенствования. Деревянный манекен вин-чунь был теперь снабжен головой на пружине, боксерские груши установлены на пружинные платформы так, что теперь невозможно было предугадать их траекторию; другие «груши» были великанского размера, так что необходимо было приложить особые усилия, чтобы заставить их шевельнуться.

Брюс также старался извлечь из оборудования дополнительную пользу, затрачивая избыточную энергию при работе с ним. Он колотил тяжелую грушу отнюдь не «пассивно», а

представлял при этом своего потенциального соперника. Он нырял и уклонялся, делал ложные выпады и наносил удары по самым болезненным точкам. Он чувствовал, что самым ценным в тренировке является спарринг с плохо координированным и нетренированным соперником, так как тот усложняет положение своей полной непредсказуемостью.

Благодаря такой комбинации методов вырабатывались сила, выносливость, гибкость и реакция. А спарринг был необходим, чтобы найти самый короткий путь кулака к цели. Брюс всегда пытался внести в тренировки дополнительный элемент, хотя он прекрасно осознавал, что победу в бое обеспечивает не только сила и напор, но также и точный расчет и способность расслабляться.

Дух, в котором все это происходит, не менее важен, чем техника, и требует отдачи всех психических и эмоциональных сил. Секрет «эмоционального содержания» заключался в целенаправленно контролируемой злости. Однажды, демонстрируя Таки движение, неудовлетворенный Брюс вдруг несильно ударил его ладонью по лицу. Глаза Таки сузились, и, забыв, что перед ним стоит Брюс, он угрожающе двинулся вперед. «Да! — воскликнул Брюс, смеясь. — Именно этого я и хотел!» Брюс шел на все, чтобы суметь привнести в тренировки такие эмоции, как злость и страх. Именно эти чувства рождаются во время поединка, и при этом боец должен уметь контролировать себя и выбирать оптимальный ход развития поединка.

Вскоре Брюс развил в себе такую мощь, что мог тренироваться в полную силу только на деревянном манекене, — слишком опасно стало отрабатывать приемы на живом человеке.

Любой из учеников, держащий для Брюса щит, обычно валился на спину после нескольких ударов Брюса. Как-то один посетитель решил подержать тренерскую перчатку, чтобы Брюс отработал на ней удары. Дело закончилось выбитым плечом гостя.

И все равно, сила, которую теперь мог направлять по своей воле Брюс, была не только результатом спортивных тренировок и закалки мышц. Она возникла благодаря регулярным периодам медитации. Ее источником была энергия ци. Брюс обычно говорил о медитациях гораздо меньше, чем о боях, но в его распорядке дня всегда на первом месте стоял пункт «Медитация и психотренинг». В такие часы он обычно сидел, концентрируясь на своем теле, успокоив свой разум и позволив своим чувствам воспринимать все происходящее вокруг. Воспользовавшись дзэнским изречением, можно сказать, что он «опустошал свою чашу», чтобы она наполнялась вновь.

Однажды вечером, после долгого дня обучения и тренировок, Брюс и Линда отправились обедать в ресторан в Сан-Франциско. После того как их усадили за столик, взгляд Брюса обратился к противоположному концу зала — ему показалось, что он узнал одного из официантов. Ощутив на себе пристальный взгляд, человек поднял голову. Его глаза расширились, а чай, который он наливал в чашку клиенту, стал литься мимо. Официантом был Вон Джак Мань.

Глава 9. Кинопроба

Когда Брюс демонстрировал свое искусство во время чемпионата по каратэ 1964 года, в зале был человек по имени Джэй Себринг, владелец парикмахерской в Беверли-Хилс, а также ученик Эда Паркера. Увиденное в тот вечер поразило его не меньше, чем всех остальных. Одним из клиентов Себринга был Уильям Дозьер, продюсер телевизионного сериала о Пэри Мэйсоне и фильма «Пороховой дым». Однажды, зайдя в салон к Себрингу, чтобы подстричься, он сказал, что подыскивает кого-нибудь на роль сына Чарли Чаня для нового сериала о китайском детективе. Себринг предложил ему встретиться с Брюсом Ли.

Первого февраля 1965 года в оклендском родильном доме Линда родила сына — Брэндона Брюса Ли. Через три дня и три бессонных ночи Брюс очутился перед камерами студии «XX век — Фокс», чтобы пройти кинопробы на роль в сериале о Чарли Чане.

Свет загорелся в полную силу. На стуле в центре красиво обставленной комнаты загородного дома (по крайней мере, именно так выглядело помещение) сидел молодой человек в аккуратном черном костюме (который был на размер ему маловат), в белой рубашке и черном галстуке, завязанном тутам маленьким узлом. Его короткие волосы аккуратно причесаны.

Ноги скрещены, руки сжаты. Скромный и тихий молодой человек, лицо которого еще не утратило юношеской пухлости.

Вдруг он оглянулся через левое плечо, в направлении, откуда донесся голос из темноты:

— А сейчас, Брюс, посмотри в объектив камеры и назови свое имя, возраст, место рождения.

— Мое имя — Ли. Брюс Ли. Я родился в Сан-Франциско.

Сейчас мне двадцать четыре года.

— И ты работал в гонконгской кинематографии?

— Да, с шести лет.

— И когда ты уехал из Гонконга?

— В 1959 году, когда мне было девятнадцать.

— Хорошо. А теперь смотри на меня, когда говоришь, — продолжал режиссер. — Я понимаю, что у тебя недавно родился сын и последние дни ты немного недосыпал.

— Да, — засмеялся Брюс — Три ночи.

В его голосе появилась нервная дрожь, а выражение лица казалось слегка неестественным.

— Сегодня ты мне сказал, что каратэ и джиу-джитсу не являются самыми эффективными видами восточных единоборств, — продолжал режиссер. — Что же ты считаешь

лучшим?

— Скажем, кунг-фу — неплохая система, — последовал нехарактерно скромный ответ. — Кунг-фу наиболее полная и гибкая система.

Вспоминая тот день, когда Ип Мэн отослал его из школы, чтобы он мог обдумать многие вещи, Брюс сравнил принципы кунг-фу с природой воды. «Ты не можешь ударить ее или ухватить ее, ты не можешь причинить ей боль или завладеть ею.

Каждый мастер кунг-фу стремится к этому — стать гибким, приспособиться к противнику.

— Какая разница между ударами в каратэ и кунг-фу?

— Ну, скажем, получить удар от мастера каратэ — это все равно что тебя ударили железным брусом — хак! Ну, а получить удар от мастера кунг-фу, — Брюс на минуту остановился и улыбнулся, — все равно что получить удар железным ядром, подвешенным на железную цепь. Баммм! Это сильнее пробирает… изнутри.

После того как камера была заряжена новой пленкой, Брюс показал некоторые персонажи из классического китайского театра: ученого, воина с их характерными движениями и жестами.

— А сейчас покажи нам некоторые приемы кунг-фу, — сказал режиссер.

— Это непросто сделать без партнера, но я попробую.

Член съемочной группы, седовласый человек средних лет в очках, согласился быть «добровольцем» — к немалой радости коллег. Брюс оценил атмосферу и тут же решил успокоить своего «партнера». «Обычно без жертв не обходится», — улыбнулся он.

«Существует много видов боев, — стал объяснять Брюс. — Все зависит от того, куда вы направляете удары и какое оружие используете. В глаза вы будете бить пальцами». Брюс нанес молниеносный удар бил джи в сторону глаз партнера. Человек в очках испуганно вздрогнул. «Не бойтесь», — успокоил его Брюс и тут же сделал новое неуловимое движение рукой в сторону его глаз.

«А вот как нужно бить по лицу», — рука Брюса со свистом рассекла воздух в нескольких миллиметрах от носа седовласого джентльмена. Затем он объяснил, насколько сокрушающий по силе удар можно нанести на уровне пояса.

Режиссер на минуту появился перед объективом камеры, чтобы развернуть Брюса и его помощника в нужном ракурсе.

Сдавленные смешки съемочной группы переросли в дружный хохот. Брюс заговорщицки подмигнул техникам и прикрыл улыбку рукой. Режиссер, почувствовав отчаяние, накатившее на

несчастного добровольца, попросил Брюса быть немного осторожнее.

«Вы знаете, кунг-фу очень коварно, — ответил Брюс. — Точь-в-точь как и китайцы».

Седовласый мужчина шарахался от Брюса как заяц. «Это всего лишь естественные рефлексы», — оправдывался он.

«Верно, — согласился Брюс и успокаивающе потрепал его по плечу, — Но тот, кто провел в тренировках многие годы, научился замещать эти «человеческие реакции» более полезными рефлексами».

Брюс продолжал демонстрацию, безостановочно комментируя каждый из ударов. Руки Брюса со свистом рассекали воздух над головой «статиста», и, как только тот рефлекторно поднимал свои руки к лицу, кулак Брюса тут же устремлялся к его паху,

«Есть еще и такие удары ногой — прямой удар в пах и круговой удар и удар ногой в голову… Он выглядит немного испуганным», — бесстрастно комментировал Брюс, почувствовав, что овладел ситуацией.

И вдруг каждый из присутствующих понял, с какой невероятной скоростью и точностью направлены эти удары. Техники открыто хохотали. Их смешило положение, в которое попал их товарищ, и радовало, что они стали свидетелями того, чего им никогда прежде видеть не доводилось.

«Парню нечего беспокоиться, — тихо сказал режиссер своему помощнику. — А теперь покажите, пожалуйста, как настоящий мастер кунг-фу заканчивает поединок — холодно кланяется и удаляется».

Но прежде чем Брюс успел это продемонстрировать, пленка закончилась.

Хотя китайцы используют атрибуты различных животных как основу для гороскопов и понимания типов характера, подражание животным в их боевых искусствах скорее наводит на мысль о взаимоотношениях американских индейцев с «животными силы». Американские аборигены традиционно призывали своих животных-союзников, чтобы развить в себе подобные качества — быстроту оленя, зоркость орла или медвежью способность к исцелению. Подобно этому, «животные» формы искусства единоборства происходят от танцев шамана, одержимого духом животного. Как и в любой истинной мифологической традиции, акцент при этом делается не на физической форме животного, а на его жизненной энергии. В шаолиньской традиции «имитации» каждое животное снабжено определенным атрибутом. Например, тигр укрепляет кости; дракон придает силу духа. Впервые Брюс Ли познакомился с «животными» стилями еще в детстве, смотря

фильмы о Мастере Кване.

«Когда практикуешь самостоятельно, то следуешь формам — например, подражаешь журавлю, обезьяне или жуку-богомолу», — объяснял Брюс, когда камера снова заработала. И несмотря на свой узкий костюмчик, он продемонстрировал форму журавля, разведя руки и производя ими плавные движения, одновременно напоминающие и изгибающуюся шею, и распростертые крылья огромной птицы. Внезапно он сделал молниеносный выпад, а затем взмахнул ногой выше головы.

«Бйиаа!» — разнесся пронзительный животный крик, и Брюс нанес мгновенный удар, прежде чем успел приостановиться и чуть ли не поклониться режиссеру, не прерывая представления.

«Отлично, — сказал тот. — Еще одна демонстрация, и мы закончим».

Поправляя пиджак и выбившиеся рукава рубашки, Брюс продолжал демонстрацию, приняв боевую стойку тигра и согнув пальцы как когти.

«Большое вам спасибо».

Через неделю отец Брюса умер в Гонконге. Поскольку в их семье только что появился ребенок, Брюс решил отправиться на похороны один. Когда он был в отъезде, Линда гостила у своей матери, до сих пор еще не смирившейся с их браком.

Когда Линда появилась в Сиэтле с маленьким Брэндоном на руках, мать встретила ее словами: «Как ты могла это сделать?»

Приехав в Гонконг, Брюс первым делом направился в морг, где находились останки его отца. Он прополз по полу от двери до гроба, громко плача и стеная. Китайская традиция требует, чтобы сын каялся, если он не присутствовал при последних минутах жизни отца. Остается надеяться, что громкие раскаяния Брюса принесли мир душе покойного Ли Хой Чуня.

Через две недели, когда Брюс и Линда снова были вместе в Окленде, к ним позвонил Уильям Дозьер, чтобы сообщить, что со съемками сериала о Чарли Чане решили повременить. Но он тут же добавил, что хорошая зрительская реакция на новый сериал «Бэтмен» («Человек — летучая мышь») позволяет ему продолжить ту же линию в совершенно новом фильме «The Green Hornet» («Зеленый шершень») с использованием прежней формулы — героя-авантюриста и его приятеля. Брюс согласился подписать контракт на год.

В мае 1965 года семья Ли взошла на борт самолета, направляющегося в Гонконг. По иронии судьбы (жизнь преподносит, порой, подобные сюрпризы) общая сумма, заплаченная за билеты, составила 1800 долларов. Именно эти деньги Брюс получил к тому времени от Дозьера.

Жизнь на Натан-роуд проходила не совсем гладко. Грэйс Ли до сих пор страдала, не будучи способной смириться с утратой мужа, а Линда страдала, поскольку ребенок постоянно плакал душными ночами. Но в отличие от Брюса, Линде не пришлось столкнуться с расовыми предрассудками со стороны новых родственников, как это было в ее семье. Но, зная лишь несколько китайских слов, она чувствовала себя не в своей тарелке. Брюс старался разрядить обстановку, шутя, что новый член их семьи является единственным на Земле светловолосым китайцем, или обещая всем, что Линда скоро удивит всех своим кулинарным искусством, чем только увеличивал ее проблемы.

«Бэтмен» был тепло встречен публикой, и пора уже было приступать к съемкам фильма «Зеленый шершень», но Уильям Дозьер все еще не знал, когда это должно произойти. Брюс постоянно звонил режиссеру в Америку, пытаясь узнать его планы, но ни разу не попытался переговорить с гонконгскими друзьями и коллегами, хотя те до сих пор активно занимались кинобизнесом. Все это свидетельствует о том, что именно в Америке Брюс решил «кое-чего добиться».

В течение четырех месяцев, проведенных в Гонконге, Брюс занимался делами недвижимости, оставшейся от отца. Иногда они выходили с Линдой за покупками или отправлялись на экскурсии или на море. Брюс как-то отнес Брэндона к Ип Мэну, чтобы тот благословил мальчика.

Хокинз Чун также гостил в это время в Гонконге, и они с Брюсом встретились на улице. Чун рассказывал:

Я уже собирался сказать «привет», но Брюс не дал мне и рта раскрыть. Я поразился, насколько быстрыми были его движения. Его характер совершенно не изменился. Он всегда хотел играть первую скрипку. Брюс сказал мне: «Я должен хорошенько повкалывать, чтобы побить всех своих соперников. Поэтому я и приехал в Гонконг. Я хочу отрепетировать еще парочку техник со стариной Мэном на кукле. Я хочу заснять его, чтобы показывать своим ученикам в Америке. Сейчас я туда и иду».

Через пару дней Брюс выступал в популярном телешоу. Он ничего не сказал ни о вин-чунь, ни о Ип Мэне, и я заподозрил, что их встреча прошла не совсем так, как предполагал Брюс.

Я знал характер Брюса. Если он хотел чего-нибудь, никто не мог остановить его. Если же его все-таки останавливали, Брюс на время скрывался. Затем появлялся, чтобы показать своим оппонентам, где раки зимуют. Затем я выяснил, что старый Мэн отказался сниматься во время формы с куклой.

Его традиционное мышление восстало против западного мышления Брюса.

До последних дней своего пребывания в Гонконге Брюс не прекращал активных тренировок в местном гимнастическом зале. Вспышки активности чередовались с периодами глубокой сосредоточенности. Он задумал полностью порвать с традицией и создать совершенно новый, свой собственный вид боя. Тогда же его стала беспокоить мысль о том, как заработать достаточно денег, чтобы содержать семью.

Глава 10. Зеленый шершень

В сентябре 1965 года Брюс, Линда и маленький Брэндон возвратились в Сиэтл, к родителям Линды. Брэндон все еще плохо спал по ночам. Его крики в течение дня время от времени сливались с ворчанием матери Линды, которая усвоила привычку рассуждать вслух о том, когда же Брюс найдет себе приличную работу.

Для Брюса настало время обратить мысли вглубь себя, хотя амбиции, толкавшие его вперед, становились все более сильными. Он читал все, что мог найти о различных видах единоборств, не забывая в то же время изучать учение Будды, Лао-цзы и Кришнамурти. Во время этого вынужденного бездействия у Брюса начались боли в спине.

Не успело еще семейство Ли вновь обосноваться в оклендском доме Джеймса Ли, как позвонил Уильям Дозьер, чтобы сообщить, что «Бэтмен» оказался настоящим хитом и что он через три месяца приступает к съемкам «Зеленого шершня».

В марте 1966 года Ли переехали в Лос-Анджелес, в маленькую квартиру на Вествуде, в дорогой западной части города.

Это был первый собственный дом Брюса и Линды. Узнав, что теперь за участие в каждом из эпизодов нового сериала ему будут платить по 400 долларов, Брюс сделал то, что на его месте сделал бы каждый мужчина, — отправился в автомобильный магазин и купил новую машину — скромную синюю «chevy nova».

«Зеленый шершень» был самым популярным радиосериалом еще с 1930 года. Сценарий написал Джорж Трендл. Главный герой приходился племянником другому вымышленному персонажу — Дэну Рейду, больше известному как Одинокий рейнджер из другого популярного сериала, принадлежащего перу того же автора. По ночам Бритт Рейд (которого играл Бан Уильямс), менял свой деловой костюм на зеленые одежды и маску, чтобы стать грозой всех преступников. Брюс играл шофера и друга героя, Като. Он носил черный костюм и черную маску и водил автомобиль «черная красавица».

Тридцать получасовых эпизодов были уже распланированы. Естественно, Брюса больше всего волновал вопрос о том, как будут поставлены острые моменты. Вначале драки решили снимать в тяжеловесной манере вестернов. Брюс отказался следовать подобной традиции (очевидно, вспомнив свой бой с Вон Джак Манем), заявив, что сутью кунг-фу является эффективность. И тут же предложил компромисс — для этих сцен

будет применена замедленная съемка (скоро этот прием стали повторять многократно). Однако, когда дело дошло до самих съемок, Брюса попросили замедлить темп движений, так как на пленке появлялось только смазанное изображение, когда он работал со своей нормальной скоростью. Брюс снизошел к просьбам режиссера и согласился продемонстрировать несколько эффектных ударов в полете, но только после того, как объяснил, что в настоящем бою это может привести лишь к большим неприятностям.

Премьера сериала намечалась на 9 сентября 1966 года. И вот, под аккомпанемент джазовой версии «Полета шмеля» разнесся исполненный драматизма голос: «Еще одно испытание для Зеленого шершня, его друга Като и их крепости на колесах — «черной красавицы»! Полиция бессильна поймать матерого преступника. Зеленый шершень — не кто иной, как Бритт Рейд, владелец и издатель газеты «Дейли Сентинэл».[9] Его второе лицо известно только его личному секретарю и окружному прокурору. И вот, чтобы защитить покой мирных граждан, мчится, как вихрь, Зеленый шершень!» Этот голос принадлежал самому режиссеру, Уильяму Дозьеру.

Первый эпизод знакомил американского зрителя с кунгфу. В первой сцене второго акта Шершень и Като замечают трёх подозрительных типов в надвинутых капюшонах. Шершень опрокидывает в их сторону деревянный ящик. Возникает замешательство, и этого времени как раз достаточно, чтобы начать действовать. Драка короткая и впечатляющая — несколько быстрых ударов ногами и мощный удар кулаком. В следующей сцене Като одерживает верх над двумя вооруженными пистолетами преступниками, метая в них отравленные дротики. Кроме дротиков у друзей имеется пистолет, стреляющий сильнодействующим, но не смертельным газом. «Жало» Шершня — это складное устройство, излучающее ультразвуковой пучок достаточной силы, чтобы разнести металлический лист в куски. Като пускает в ход в основном кулаки и ноги, но в одном из эпизодов он знакомит зрителя с китайским оружием — нунчаку, представляющим две короткие палочки, соединенные крепкой веревкой. «Крепость на колесах», на которой разъезжали друзья, представляла собой матовый черный «крайслер империал», приобретенный Голливудом за 50 000 долларов. Машина была оснащена ракетами и другим оружием массового поражения.

Передние фары были зелеными, что позволяло героям видеть при помощи специальной камеры ночью то, что происходит за четыре мили впереди. Машина скрывалась в подземном гараже Бритта Рейда, подвешенная на вращающейся платформе в

перевернутом состоянии, но готовая в любую минуту быть приведенной в полную боевую готовность, если Шершень собирался в путь. Вход в «замок» Шершня открывался через щель в рекламном щите мятных карамелей (одна из первых попыток скрытой рекламы в кинематографе).

Сериал отличало то, что искусство кунг-фу впервые было столь широко представлено на Западе. До этого подобную технику можно было видеть только в кинотеатрах китайских кварталов. Подростки были поражены увиденным. Настоящая звезда сериала «Зеленый шершень», Брюс Ли, скоро стал разъезжать по всей стране, иногда посещая по несколько городов за один день. Он проделывал обычный раунд — посещал местное радио, выступал в телешоу, посещал выставки, ярмарки и принимал участие в открытии супермаркетов. Он появлялся в парках и на соревнованиях по различным видам единоборств.

Брюс Ли был прирожденным шоуменом и даже позером, но все же определил для себя границы, в которых демонстрировал свои таланты, хотя и получал за каждое появление на публике кругленькую сумму в тысячу долларов. Он объяснял снова и снова, что у него нет времени на «трюки» по разбиванию досок и добавлял: — «Доска никогда не даст сдачи». Хотя его, где бы он ни появлялся, всегда окружали молодые «фаны», его лицо вряд ли стало широко известным благодаря роли Като, никогда не снимающего маску!

Удивительно, но почти половину восторженных писем он получал от молодых девушек. На одно из таких писем Брюс ответил:

> Дорогая Вики! Искусство, которое ты видела по телевизору, — вовсе не каратэ. Это предшественник каратэ — гунфу. Оно китайского происхождения (как, впрочем, и каратэ).
>
> Разбивание досок и кирпичей — это просто трюки, которым никому не стоит учиться, особенно девочкам вроде тебя.
>
> Техника — это не главная цель, к которой нужно стремиться, и если ты хочешь что-то разбить — примени лучше молоток.
>
> Спасибо, что написала. Я очень обрадовался твоему письму.

И хотя молодежь восхищалась этим шоу, взрослые восприняли фильм более сдержанно, предпочитая более банальный «Бэтмен». Никто не мог всерьез воспринимать образы Като и Зеленого шершня. Несколько иронично говорилось, что

впервые боксерское мастерство показывают по телевизору не на боксерском ринге.

Демонстрация сериала «Зеленый шершень» заканчивалась 14 июля 1967 года на двадцать шестой серии, в которой Шершень и Като встретились с Бэтменом и Робином (как прелюдия к запуску второго «бэтменского» сериала).

Вначале Шершень и Като поколотили Бэтмена и Робина (кто может сравниться с двумя непревзойденными мастерами кулачного боя!) Но затем режиссер, из уважения к симпатиям поклонников более раннего сериала, позволил Бэтмену и Робину дать ответный бой, в котором не поздоровилось уже Шершню и Като. Померившись силами, вся четверка объединилась для борьбы с негодяем и грабителем, клейменным ворюгой полковником Гаммом. Когда Брюс читал последние страницы этого сценария, то не смог скрыть иронической ухмылки.

В день съемок Брюс хранил ледяное молчание, но глаза его горели сквозь прорези маски, красовавшейся на его лице. Пару раз актер Берт Уард, исполняющий роль Робина, делал слабые попытки шутить. Когда начали снимать сцену боя, Брюс стал медленно и зловеще наступать на своего противника. Уард отступал, повторяя дрожащим голосом, что это только телешоу.

Брюс игнорировал его слова и продолжал сокращать расстояние. Где-то сзади раздался истерический возглас. Брюс расхохотался. Не в состоянии больше играть, он сказал с кривой усмешкой: «Тебе повезло, что это только телешоу».

Шершень и Като еще раз появились на телевидении в «Шоу Мильтона Берли» (1966–1967 гг.). Это был пародийный фильм, где Берли играл роль каскадера, якобы снимавшегося в сериале «Зеленый шершень».

Съемки завершились, и семейство Ли снова ожидал переезд, Брюс присмотрел большую квартиру на двадцать третьем этаже в соседнем квартале и, хотя снимать ее было немного не по карману, договорился с хозяином о снижении аренды в обмен на уроки кунг-фу.

Брюс собрал почти всю почту, приходящую в ответ на сериал «Зеленый шершень», но новая роль ему пока не светила.

Он чувствовал себя так, словно сделал шаг назад. Время от времени он появлялся на публике в роли Като, но основную энергию направлял на то, что знал и умел лучше всего, — на преподавание кунг-фу.

Задача Брюса-учителя заключалась в том, чтобы открыть ученику его уязвимость. Но сам он не хотел мириться со своей уязвимостью. Сосредоточение и бездействие сменились успехом, а затем снова разочарованием. Снова и снова Брюсу приходилось

играть с неустойчивым равновесием между собственными амбициями и собственным искусством.

Глава 11. Джит Кюн До

Однажды Брюс и Дэн Иносенто ехали на машине, обсуждая искусство фехтования на шпагах. Брюс сказал, что самым эффективным способом контратаки в фехтовании является так называемый «стоп-удар», то есть отражение выпада и контрудар, соединенные в одном движении. Идея заключается в том, что самый экономный способ нанести ответный удар — это прервать действия противника в их кульминационной точке.

«Мы должны назвать этот способ "стилем кулачного стоп-удара" или "стилем опережающего кулака", — предложил Брюс.

«А как это будет звучать по-китайски?» — спросил Иносенто.

«Это будет называться джит кюн до», — ответил Брюс.

Не раз впоследствии Брюсу Ли приходилось сожалеть о том, что он изобрел термин джит кюн до. «Это только термин, — говорил он. — Не стоит обращать на него слишком много внимания. Нет такой вещи, как стиль, если ты понимаешь саму суть боя». Брюс Ли совершенно не собирался создавать новый стиль единоборства.

Однажды кто-то сказал о религиях следующее: «Соберите Великих Учителей в одной комнате — и они во всем придут к согласию. Соберите их учеников в этой же комнате — и они будут спорить из-за всего!» Это же можно сказать и о боевых искусствах. Брюс Ли предвидел, что та же судьба может ожидать и его учение. Он часто говорил о сходстве между религией и боевыми искусствами. Он считал классическое искусство столь же ограничивающим и оторванным от жизни, как и догмы ортодоксальных религий.

Точно так же Брюс не считал, что один человек должен навязывать свою веру остальным или, напротив, пассивно ждать, когда ему покажут истинный путь. Нет, человек должен нести ответственность за свою жизнь. Когда его однажды спросили, верит ли он в Бога, Брюс ответил: «Если Бог есть, то Он — в каждом из нас. Вы не можете просить Бога дать вам какую-то вещь, Бог — для вашего внутреннего мира».

Брюс строил свое отношение к жизни на вечных принципах даосизма и буддизма и больше всего его занимала мысль о воплощении живого духа, которым пронизаны подлинное искусство, религия и философия. Но этот дух жив только в тот момент, когда ты соприкасаешься с ним. Духовное просветление или философское озарение могут быть поняты человеком только в момент непосредственного переживания, а не при чтении о чьем-то чужом опыте. Брюс Ли знал, что искусство боя может

быть постигнуто только через непосредственный опыт. Не следует никакое описание (в том числе и это) принимать за жизненный опыт.

В основе этого опыта лежат интимные взаимоотношения между физическим и духовным аспектами энергии (для которых Брюс изобрел выражение «чувство тела») — отражение учения Бодхидхармы о нераздельности духа и тела.

Первым условием является развитие полноценного чувства расслабления. Если вы сбросите напряжение с каждой части своего тела, то тем самым позволите ему ощутить самые тонкие энергии мира. В конечном счете это и есть процесс медитации, которую вы можете практиковать, находясь в покое и в движении, даже во время спарринга и боя. Для этого следует изначально практиковать релаксацию — чтобы прочувствовать ее, и практиковать как можно чаще, чтобы входить в это состояние по желанию, даже в самых стрессовых ситуациях.

Задолго до того, как Брюс открыл все это для себя, врачи и психотерапевты западной школы, Вильгельм Райх и Ф. М. Александер уже поняли, что откровения духа происходят в теле. Осознание позы и осанки, а также ощущение грациозности или неуклюжести служит критерием оценки психического состояния. Любопытно, что английское слово «grace» означает как легкость движений, так и нисхождение духовной энергии. Как сказано в «И-Цзине»: «Принимая определенную физическую позу мы задеваем звучную струну Духа».

Брюс Ли описывал, как человек, изучающий искусство единоборства, проходит через три стадии. На первой стадии он понимает лишь немногое в этом искусстве. Все блоки или удары ученика во время боя являются лишь «инстинктивными», или автоматическими реакциями, они неконтролируемы и в большинстве случаев неточны. Например, при неожиданном нападении на темной улице бесконтрольная реакция проявляется либо в беспомощном отступлении, либо в безрассудной контратаке, — нетренированный человек застывает на месте или наносит удары вслепую, но никогда не защищается эффективно. На этой стадии действия проявляются не более чем реакциями злости или испуга.

Вторая стадия включает в себя длительный период тренировок, на которых ученик овладевает техникой всевозможных ударов и блоков. Ученик начинает осознавать, что должен начать двигаться и дышать совершенно по-новому, и это значит, что должен измениться также его способ ощущать и мыслить.

Во время боев или спаррингов возникают состояния

«остановки психики», то есть ученик на мгновение замирает, чтобы оценить ситуацию или осмыслить ответ. В этот период ученик теряет способность драться «инстинктивно».

Окончательная стадия, на которой нужные движения возникают автоматически, включает в себя ряд факторов. Переход от некоординированных усилий к умению осуществляется только через постоянную практику данной техники. Это открывает, а затем и улучшает работу определенных биоэлектрических цепей нервной системы. Прежде чем просто думать о возможной стратегии боя, следует овладеть основной техникой и способностью к релаксации.

И хотя релаксация является психическим состоянием, она происходит только тогда, когда разум направлен на тело. Как релаксация, так и повторения могут дать нужный эффект только в сочетании с еще более важным фактором — вниманием.

Разум должен относиться с вниманием к физическим движениям, чтобы те не стали чисто механическими жестами. Таким образом, движения могут стать более отточенными и более действенными.

Внимание также помогает развитию «телесного чувства». В конечном счете оно должно распространиться и на окружающий мир. Это «периферическое внимание» может лечь в основу стратегии боя. Только после этого внимание может быть посвящено решению задач, касающихся атак и защиты противника.

Внимание все реже встречается в наши дни. Музыкальные клипы и короткие выпуски новостей, постоянно транслируемые по телевидению, рассчитаны на тех, кто либо не может, либо не хочет по-настоящему смотреть или слушать. Брюс Ли знал, что главным для мастера боя является длительный и трудный процесс развития внимания.

Мастерство зависит от способности регистрировать изменение степени внимания (а следовательно, и изменения намерений) противника, благодаря которой боец сознает, когда следует защищаться или атаковать. Стратегия полностью зависит от способности контролировать тело соперника и его внимание. Но пока мы не развили свое собственное осознание, как мы можем влиять на чужое?

Подводя итог, можно сказать, что цель тренировки — заменить плохие или неподходящие рефлексы хорошими или правильными. Вначале ученик сможет наносить удары только по-старому. Затем в результате долгой практики он откроет для себя новый способ наносить удары. В итоге новый способ станет для него инстинктивным.

Это и является основным смыслом афоризма, который Брюс позаимствовал непосредственно из дзэнской традиции (просто заменив облака и горы ударами и блоками):

До того как я стал практиковать Путь, гора была для меня просто горой, а облако облаком. Когда я изучил Путь, гора перестала быть горой, а облако облаком. Сейчас же, когда я понимаю Путь, гора снова стала просто горой, а облако просто облаком.

Три стадии обучения относятся не только к боевым искусствам. Каждый, научившийся работать на персональном компьютере, водить машину или играть на музыкальном инструменте, может вспомнить, как происходил этот процесс.

Поначалу человек не может ничего; разве что извлечь несколько неблагозвучных звуков из инструмента или до боли медленно напечатать коротенькое письмо. После выслушивания советов и с некоторой практикой положение начнет понемногу исправляться. Но движения все равно останутся скованными, излишне продуманными и напряженными. Будут также наступать моменты, когда человек будет останавливаться и задумываться о том, что делает. На этой стадии музыкант выучивает гаммы и может воспроизводить простые отрывки, повторить несколько простых музыкальных фраз из разных произведений и, возможно, даже умудриться связать пару из них вместе, если они окажутся близки по темпу.

С хорошей практикой и опытом процессом начинает овладевать подсознание. Когда я веду машину и кто-то внезапно выбегает на дорогу, мне не приходится раздумывать о том, как нажать на тормоза или резко вывернуть руль. Я делаю это рефлекторно. В обычной ситуации я не задумываюсь над тем, что делаю; я могу поддерживать разговор и в то же время прекрасно осознавать, что происходит вокруг и что ожидает меня впереди на дороге.

На этой же стадии музыкант уже может импровизировать, окрашивая музыку различными настроениями, или играть чужие произведения с индивидуальным выражением. У него даже может выработаться свой собственный стиль. Теперь, когда он играет простой отрывок, это не звучит задавленно или неуклюже. В игре ощущается легкость и мастерство, а возможно, и духовность. Возможно, музыкант может удивить сам себя, вдруг сыграв нечто такое, чего никогда раньше не слышал. Возможно, он даже научится чувствовать-знать, что в некоторых местах следует сделать паузу.

Дэн Иносенто сравнивал этот процесс с обучением чтению.

«Внезапно вы обнаруживаете, что способны сразу

воспринимать целые группы слов. Там, где ученик видит три различных движения, опытный боец видит только одно, так как он воспринимает весь поток энергии».

Один профессиональный игрок в гольф говорил во время своего последнего интервью, что ему удается выигрывать, так как он «видит линии энергии», идущие от шара к ямке.

Брюс Ли старался постепенно развивать в своих учениках физическую, эмоциональную и психическую координацию, которая позволила бы им совершать спонтанные и одухотворенные действия во время боя. Короче говоря, он хотел, чтобы люди дрались столь же естественно, как и ловили брошенный в них мяч.

На этом уровне совершенства мастер единоборства стоит выше простою «исполнения» техник: все просто перетекает прямо и непосредственно, согласно той тренировке, которую он прошел. Здесь уже нет различий между бойцом и самим боем.

Мне вспоминается строка из поэмы Уильяма Йитса,[10] который спрашивал:

«Как отличить танцора от танца?» Ответ: «Никак». Так как же может сам танцор или танцовщица провести границу между собственным опытом танца и самим танцем? И снова мы приходим к выводу, что такой границы не существует. То же относится и к бою.

На этом уровне техника и стратегия должны применяться для сражения с самими движениями и намерениями противника. При этом вы не должны идти напролом, противопоставляя его атаке слишком большие усилия, но и не должны постоянно отступать. Гибкий как пружина, боец становится дополнением энергии противника. Осознав и пережив этот переход энергии, мастер уже не может отделить себя ни от своего соперника, ни от боя. Он больше не сражается и не сопротивляется, он просто сливается с другой половиной, создавая единое целое, общий танец. Боец и бой обретают качество неделимости, где нет места для собственного «я» и бой разрешается сам по себе, в соответствии с природой.

Это уровень развития, который невозможно ни предугадать, не предвидеть, он должен раскрыться самостоятельно, изнутри. На него невозможно выйти просто изучая все больше и больше техник. Здесь нужно достичь совершенно нового измерения восприятия — при котором суть вещей кажется гораздо проще.

Брюс Ли полностью отвергал идею о том, что в основе обучения лежит процесс простого накопления. Мастерство достигается не путем обретения все больших знаний, но благодаря отбрасыванию прочь второстепенного. Скульптор,

работающий с камнем (в отличие от того, кто работает с глиной), очищает его с помощью своего резца от всего ненужного и таким образом открывает форму, скрытую внутри материала. Развивая эту аналогию, Брюс всегда говорил об ударах как об «инструментах».

Брюс находил обучение «с нуля» как трудным, так и угнетающим процессом. Искусство джит кюн до являло собой концептуальный подход — философию. Оно было полезно опытным бойцам, желавшим продвигаться дальше в своем развитии.

Глава 12. Ученик — Мастер

Переменив в течение месяца несколько временных пристанищ, Брюс Ли открыл свою третью школу в феврале 1967 года на Колледж-стрит, 628, в Лос-Анджелесе. Институт располагался в анонимном доме, без всяких вывесок (точно так же, как и Институты в Сиэтле и Окленде). По распоряжению Брюса никакие случайные посетители туда не допускались. Чтобы полностью защититься от посторонних взглядов, оконные стекла были закрашены красной эмалевой краской. Дэн Иносенто был назначен ассистентом Брюса, и в школу допускались только те, кто могли доказать свой талант. Если Брюс находил, что новый ученик имеет достаточные навыки или может использовать то, что ему предлагают, то готов был учить его бесплатно.

Джери Потит, один из первых лос-анджелесских учеников, вспоминает: «У меня не было лишних денег, и я не мог платить за тренировки. Брюс написал мне письмо: "Приходи к нам, забудь пока об оплате. Заплатишь, когда сможешь, ты искренен, а это главное"».

Брюс убедил своих учеников проводить тренировки в обычной одежде, так как скорее всего они будут одеты именно так, если будут втянуты в драку. И хотя он любил свободную, дружескую обстановку, Брюс умел быть строгим, если того требовали обстоятельства. Однажды он обратился ко всему классу со словами: «Я знаю, что вне школы мы друзья и я для вас «Брюс». Но здесь называйте меня сифу. Дисциплина должна быть и при неформальных отношениях. Если бы такая школа находилась в Китае, то многие ученики недосчитались бы передних зубов».

При изучении классических искусств единоборства от ученика требуется не только развитие силы, но его искренность и терпение проверяют тем, как долго он может простоять в широкой и глубокой «позе всадника». Но Брюсу подобная практика казалась далекой от реальной ситуации боя, и он считал ее столь же бессмысленной, как и «обучение плаванию на суше».

Однако в течение первых месяцев тренировки ученики проходили подобный испытательный период. Занятия по изнуряющей физической подготовке проводились систематически, и только немногие могли выдержать их до конца. Серьезное учение проводилось только для тех, кто оставался.

Дэн Ли, работающий ныне инструктором по тайцзи, в 1967 году был инженером и одним из первых учеников лос-

анджелесской школы Брюса. «Частью высоких стандартов, которые соблюдал Брюс, — вспоминает Дэн, — была индивидуальная программа физической подготовки. Он смотрел на тебя и видел, над чем тебе следует поработать в первую очередь. Он знал свое дело и очень тяжело работал сам. Это был один из самых уважаемых мною людей. Он был прямолинеен, очень целеустремлен, но в первую очередь — честен. Он не припрятывал от нас никаких ударов».

Последнее замечание Дэна Ли было несколько двузначным. Борясь за дисциплину в классе, Брюс также старался обуздать свой вспыльчивый нрав. Однажды вечером после занятий Дэн Ли, Дэн Иносенто и Брюс собрались на кухне у Брюса. Брюс достал боксерские перчатки и предложил Дэну Ли обменяться парочкой ударов. Они немного побоксировали, и Дэну удалось «достать» Брюса. Тогда Брюс принялся за Дэна Ли всерьез и, как вспоминает Дэн Иносенто, «сломал ему челюсть, нанеся серию коротких прямых ударов, и не прекращал бить, пока тот не свалился на пол. Он нанес около пятнадцати или двадцати ударов, по крайней мере, мне так показалось. Все произошло невероятно быстро. Но он при этом контролировал удары».

«Да, все это было именно так, — подтверждает Дэн Ли. — Сколько воды утекло с тех пор! Мне повезло, что я работал с Брюсом».

«Но у Брюса был один недостаток, — прибавляет Дэн Иносенто, — это его характер. Он объяснял свою вспыльчивость тем, что вынужден спешить обучить людей, чтобы получить нужный результат».

У Брюса не было возможности тратить столько времени на закладку той базы, которую он в свое время получил в Гонконге. Он просто не мог обучать людей упражнениям с приклеивающимися руками, чтобы те развили необходимое внимание. С того момента, как ученик появлялся в двери, Брюс начинал работать с ним на высшем уровне. Если у того не было необходимой подготовки, ему приходилось очень нелегко.

И все же Брюс умел проявить сострадательность. «Я был в спортивном магазине с Брюсом, — вспоминает Дэн Иносенто, — и вдруг увидел нужный мне набор гантелей. Я порылся в карманах, и оказалось, что у меня с собой только двадцать долларов. Брюс сказал, что раз уж пришел сюда, то, наверное, возьмет набор гантелей для Брэндона. Я подумал: «Он немного торопится. Брэндон слишком мал, чтобы работать с гантелями». Позже, когда мы зашли ко мне, Брюс сказал: «Я купил этот набор для тебя. Так что можешь начинать качаться». Я чуть не заплакал от его щедрости».

Оклендская история повторилась и в Лос-Анджелесе; сразу же после открытия школы двое местных мастеров рукопашного боя захотели сразиться с Брюсом. Брюс объяснил задирам, что те прерывают его занятия, и если они так хотят драться, то им придется дождаться конца урока. Он быстро перегруппировал класс, так, чтобы Дэн Ли, один из лучших учеников, оказался прямо перед конкурентами. Во время перерыва в занятиях Брюс лениво подошел к гостям и сказал, что если те до сих пор хотят драться, то могут вначале испробовать себя на одном из учеников. Гости вежливо отклонили предложение и удалились.

Брюс применил здесь новый вид стратегии — «искусство побеждать без боя», как говорил Дэн Ли.

Так как Брюс мог вести только маленькие классы, он решил увеличить свой доход, проводя индивидуальные занятия с людьми, которые могли заплатить по 50 долларов за урок.

Джэй Сербинг уже свел Брюса Ли со Стивом Мак-Куином, знаменитым киноактером, ставшим первым из «прославленных» учеников Брюса. То, что Брюсу также удалось привлечь для специальных тренировок многих профессиональных бойцов, в том числе и нескольких чемпионов по каратэ, говорило о его растущей репутации.

Каратэ пришло в Америку благодаря американским военным, находившимся на Дальнем Востоке во время Второй мировой войны и обучившимся там этому искусству. Первая американская школа каратэ была открыта Робертом Трайсом в 1946 году. Десятью годами позже каратэ было популяризировано Эдом Паркером, организовавшим тот самый чемпионат на Лонг-Бич, на котором ценители восточных единоборств «открыли» для себя Брюса. С тех пор даже западные учителя старались изо всех сил как можно точнее придерживаться классических восточных традиций, которые они передавали своим ученикам. Отбросив в сторону традиции, Брюс открыл новую страницу в истории развития боевого искусства. Традиционно смешение различных боевых стилей не получало одобрения мастеров. Но положение изменилось, когда Чак Норрис смешал корейские и японские приемы и доказал преимущества нового стиля.

Джо Льюис встретился с Брюсом Ли в вашингтонской гостинице «Мэйфлауэр». Оба они были гостями национального чемпионата по каратэ 1967 года. Брюс появился там как Като, Льюис же защищал свой титул чемпиона. Но возможность поговорить им представилась не раньше их возращения в Калифорнию. Они разговорились на автомобильной стоянке возле издательства журнала, специализирующегося на боевых искусствах. Джо Льюис вспоминает:

Когда я, выйдя из здания, направлялся к своей машине, Брюс Ли окликнул меня и предложил стать моим инструктором. Он показал мне несколько разнообразных приемов.

Этот маленький паренек пытался поразить меня своим искусством в кунг-фу. Я сказал себе: «Я чемпион мира по каратэ и этот парень хочет научить меня, как нужно драться!»

Все, что тот говорил, просто влетало мне в одно ухо и вылетало через другое. Он потратил немало времени, пытаясь уговорить меня. Но я просто отгородился защитным экраном.

Но у меня были партнеры Боб Уолл и Майк Стоун (тоже чемпионы по каратэ), и вот однажды Майк стал рассказывать нам о Брюсе Ли, называя его феноменальным парнем во всех отношениях. Для меня странным было слышать комплименты из уст Майка, особенно по поводу такого малоизвестного бойца, как Брюс Ли. Я вообще не слышал, чтобы Майк Стоун хоть раз хвалил кого-то. Майк рассказал мне о теории Брюса, пытающегося объединить прыжки фехтовальщика и приемы вин-чунь, чтобы применить это в кикбоксинге, которым я тогда занимался.

Так что Брюс устроил все так, чтобы Майк Стоун, Чак Норрис и я посещали его дважды в неделю. Он продемонстрировал мне множество принципов боя и подчеркивал важность работы ног, а также соблюдение дистанции и подвижности при столкновении с противником.

У Брюса были сотни книг, посвященных боевым искусствам, и десятки фильмов по боксу и борьбе. Он часто анализировал эти фильмы при просмотре.

Самым любимым зрелищем Брюса был бой между Уилли Пепом и Сэнди Сэддлером на чемпионате 1951 года. Во время этой встречи Пеп использовал интересную работу ног, заимствованную у дзюдо. В ходе поединка, который Пеп проигрывал, он не брезговал бить открытой перчаткой, так, чтобы попадать в глаз противника большим пальцем. Раз или два, за спиной у рефери, он использовал дзюдоистскую подножку, чтобы выбить противника из равновесия, да и различные другие «небоксерские» приемы.

Джо Льюис продолжает:

Мы изучали киноленты и ходили на различные состязания, чтобы понаблюдать, как дерутся ребята. После этого я сам выходил на ринг и проверял, насколько все это эффективно.

Трудно представить себе лучшую манеру тренировок. Это был великолепнейший период в моей жизни. Я не думаю, что переживал подобное раньше, и сомневаюсь, что буду переживать впредь.

Брюс обладал шармом, который невозможно увидеть на

экране. Я думаю, что здесь уместно слово «магия». Что означает слово «магия»? В разуме каждого жива искра энтузиазма. Брюс умел зажечь такую искру. Он мог разжечь и ваше воображение. Тогда вы только говорили: «Ого! Так в этом и заключается искусство боя. Да, Брюс, ты прав на все сто!» Он мог просто вдохновить вас на любовь к боевому искусству.

Тут уместно слово «вдохновение». Он был невероятно вдохновляющей искрой энергии.

Следует отметить, что эти «ученики» Брюса Ли были непревзойденными бойцами еще до встречи с ним. Джо Льюис завоевал «черный пояс» каратэ и стал победителем национального чемпионата 1966 года за семь месяцев своего пребывания в Окинаве — беспрецедентно короткий срок! Брюс Ли утверждал, что даже великие мастера рукопашного боя признавали его гений, и был совершенно прав. Но он также был достаточно проницателен, чтобы понять, что может научиться у своих «учеников» не меньшему, чем те у него.

Джо Льюис говорит:

Брюс Ли хотел работать с людьми, которые могут выступать и продемонстрировать то, что он хотел доказать. Он рассчитал, что может коллекционировать величайшие имена своего времени и этим подтвердить свою славу инструктора.

Мастера классической системы кунг-фу смотрели на него сверху вниз. Брюса возмущало такое отношение. Ведь он знал, что все эти авторитеты не смогут выдержать настоящий бой. Я думаю, что он хотел добиться престижа тем, что мог сказать: «Я учитель, а мои ученики — великие чемпионы». Он не испытывал никакого уважения к этим мастерам кунг-фу и чувствовал себя непонятым окружающими. Он нуждался во внимании и признании своего значения со стороны других. Он не хотел, чтобы на него взирали просто как на эксперта кунг-фу. Это был тот ярлык, который он хотел стряхнуть с себя.

Он как-то пришел ко мне и сказал: «Джо, я не мастер, я ученик-мастер. У меня есть опыт мастера, но я до сих пор учусь. Следовательно, я ученик-мастер». Эти слова я услышал из его уст.

А вот что говорил по этому поводу Дэн Иносенто: «Брюс никогда не верил в значимость этого слова — «мастер». Он считал, что на мастере можно поставить крест. Не думаю, что он хотел считаться мастером, так как он понимал это».

Брюс Ли занимался кунг-фу уже большую часть своей жизни и достиг того уровня «мастерства», когда только горстка людей во всем мире могла составить ему конкуренцию. Однако многие традиционалисты единоборств смотрели на Брюса Ли как на выскочку, который сумел добиться немногим большего, чем

прославить стиль уличной потасовки. Брюс, безусловно, не страдал неспособностью оценить свои истинные возможности и с большим наслаждением выставлял на вид несовершенство и ограниченность классического боевого искусства. В его школе был установлен бутафорский надгробный камень, на котором красовалась надпись: «Вечная память некогда свободному и ловкому человеку, парализованному и изувеченному классической чушью».

В письме к Дэну Иносенто Брюс писал: «Прибегай к своему здравому смыслу, чтобы отличать настоящее от простого урока рутинного танца. Гунфу — это прямое выражение чувств с минимальной затратой энергии и максимальной простотой линий».

Однажды он продемонстрировал Дэну Иносенто, что именно он подразумевал под этим. Брюс без предупреждения бросил в того какой-то предмет. После того как его друг мгновенно отреагировал, поймав этот предмет, Брюс объяснил, что так всегда и нужно действовать в любой ситуации. Ведь для этого не стоило принимать определенную позу или надевать униформу.

Брюс с самого начала заявлял, что тренировки должны как можно плотнее приближаться к реальным условиям боя и к тем ситуациям, которые могут возникать на улице. При этом следует использовать самые простые и действенные приемы. Он также говорил, что самый простой способ отработать сильный удар — это постоянно бить. Согласно тому же принципу, наилучшей подготовкой к бою является сам бой или, по крайней мере, жесткий спарринг. В этом нет ничего мудреного и, естественно, никаких правил.

Когда его исключали из множества традиционных братств мастеров рукопашного боя как драчуна, Брюс объяснял, что тот факт, что он не придерживается классических путей, еще не означает его неумелости или «плохой формы». Это значило, что он не ограничивался тем, чему научился, но все время импровизировал и применял новое.

Отношение Брюса к бою заставляет вспомнить сцену из фильма «Батч Кассиди и Санданс Кид». Кассиди, роль которого сыграл Пол Ньюмэн, собирается сразиться с соперником за лидерство в банде. В тот момент, когда они готовы схватиться, Ньюмэн невинно спрашивает: «А какие правила боя?» «Никаких правил», — отвечает его крутой соперник. Как только прозвучали эти слова, Ньюмэн изо всех сил бьет его ногой в пах.

Соперник, корчась на полу от боли, отчаянно пытается сказать, что имел в виду нечто другое. К физической боли примешивается еще и нестерпимое осознание, что его

перехитрили. Брюсу Ли обязательно бы понравилась эта сцена.

Разница между классическим искусством единоборств и тем стилем, который создал Брюс Ли, практически та же, что и разница между правилами ведения войны восемнадцатого века, когда пехотинцы выстраивались в стройные шеренги, и методами современных партизан. Брюс Ли практиковал и учил тому, что было необходимо для победы, — просто и научно.

В течение шестидесятых годов Брюс сумел ассимилировать такое количество знаний и опыта, какое только мог. Он собрал огромную библиотеку, выкладывая по 400 долларов за редкую книгу. Если книга хоть как-то затрагивала тему боев, Брюс готов был приобрести ее. Он очень ценил свои книги, видя в них не просто вещи, а сокровищницу знаний. Он напряженно изучал новую книгу, анализировал техники боя и определял их слабые стороны, проигрывая их. И хотя он никогда не практиковал каратэ, Брюс знал все названия техник по-японски и мог продемонстрировать их. Однако круг его интересов не ограничивался только книгами по всем видам рукопашного боя. В его библиотеке были книги по стрельбе из лука, балету и фехтованию. Читаемые им книги по философии не исчерпывались откровениями китайских мудрецов, подобных Конфуцию и Лао-цзы; он интересовался также трудами Кришнамурти и Спинозы. А «Пророк» Калила Джебрана соседствовал с брошюрами по популярной психологии о пользе положительного мышления, принадлежащих перу таких авторов, как Наполеон Хилл и Норман Винсент Пеле.

У Брюса также была коллекция фильмов о Джо Льюисе, Максе Баере, Джеке Демпси, Мухаммеде Али и других великих боксерах. Брюс мог пересматривать фильмы об Али по много раз, чтобы анализировать его движения и имитировать их. Будучи ортодоксальным боксером, Али выставлял вперед левую руку. Поскольку Брюс экспериментировал со стойками, где вперед выставлялась правая сторона туловища, он наблюдал за движениями Али через зеркало.

Когда Брюс-подросток впервые надел боксерские перчатки, он сразу же завоевал и удерживал титул чемпиона в течение трех лет. Он также фехтовал с братом и занимался тайцзи со своим отцом. Он интенсивно практиковал вин-чунь, ежедневно ввязываясь в уличные драки. Прежде чем отправиться в Америку, он изучил формы иных видов кунг-фу — такие, как «жук-богомол» (*чой ли фут*) и «орлиный коготь» (*хун гар*). В Штатах он практиковал дзюдо с Хаки Кимурой, «Фредом» Сато и Джесси Гловером. Он обучался филиппинским приемам единоборства у Дэна Иносенто и предпринимал путешествия, чтобы

повстречаться с инструкторами в иных стилях. Чемпион по борьбе Джин ла Белл играл роль простака вместе с Брюсом в фильме «Зеленый шершень», и оба они, сдружившись, делились друг с другом опытом. Брюс также встречался с Уолли Джэем, мастером и новатором в сфере дзюдо и джиу-джитсу.

Он работал с чемпионами по каратэ — Чаком Норрисом, Майком Стоуном и Джо Льюисом. Он занимался таиландским боксом, английским боксом, *savate* (французским боем ногами) и для ровного счета выучился еще нескольким грязным трюкам.

Из этого крепкого коктейля разнообразных влияний и выкристаллизовался его неортодоксальный метод рукопашного боя.

Вот что говорил Дуг Палмер:

> Когда я отправился обратно в колледж, а Брюс переехал, мы виделись только от случая к случаю во время каникул. Но каждый раз, встречая Брюса, я замечал в нем видимую перемену. Я наблюдал за его эволюцией в течение многих лет. Я не мог представить, как можно достигнуть чего-то большего, чем он уже достиг, но каждый раз у него появлялись новые теории и техники, ставшие частью его видения мира.

Дэн Иносенто добавил:

> Но Брюс занимался еще многими вещами, о которых мало кто знал… Он развивал в себе энергию ци. Первым пунктом в его расписании была медитация. Что я хочу этим сказать?
>
> То, что он указывал своим ученикам одно направление, а сам шел в противоположном. Он глубоко ушел в то, что я называю «эзотерическими занятиями». Я знаю, что у него была обширная литература по этим предметам. Он изучал акупунктуру, но не распространялся об этом.
>
> Он также программировал свой разум, все время повторяя аффирмации (позитивные утверждения). Этим он хотел еще больше поднять уровень своего мастерства. Он показал мне как-то аффирмацию, сделанную в 1970 году. Она состояла в том, что он станет самым великим киноактером-китайцем в мире и заработает десять миллионов долларов.

Тот факт, что Брюс Ли мог учить одновременно только небольшую группу людей, говорит о том, что он давным-давно

отказался от идеи открыть общенациональную сеть «Гунфу Академии Като». И пока Брюс стремился усовершенствовать собственное искусство и передать его суть другим, амбиции вновь увлекли его.

Он осознавал, что должен отказаться от преподавания и продемонстрировать свое искусство перед более широкой аудиторией. Он знал, что сможет сделать это как киноактер.

Глава 13. Воин

Вместе со своим партнером Томом Куном Фред Вейнтрауб руководит независимой кинокомпанией в Сенчери Сити, Лос-Анджелес. В 1968 году Вейнтрауб возглавлял в «Уорнер Бразерс» отделение киносъемки, а Кун заведовал отделом телепередач.

«В то время, — рассказывает Вейнтрауб, — я посвящал свое время просмотру китайских фильмов. Они длились по четыре часа и были до чертиков скучны, зато за полчаса до конца фильма выходил парень в белом и наголову разбивал всех негодяев. Увидев такой мой интерес, друзья представили меня Брюсу Ли, и у нас завязались дружеские отношения. Я нанял двух молодых сценаристов (Эда Спилмэна и Говарда Фрайендера) в попытке создать кинокартину с Брюсом, но сдвинуть телегу с места так и не удалось».

Сам Брюс тогда уже обдумывал идею сценария, в основе которого лежали бы приключения шаолиньского монаха-воина, применявшего свое искусство владения кунг-фу в борьбе против преступников Дикого Запада. В конце концов эта идея попала к Тому Куну, и он предложил снять телевизионный фильм под названием «Воин» в качестве пробы для возможного сериала.

К этому времени в ученики к Брюсу Ли попало еще несколько знаменитостей, в том числе актер Джеймс Кобурн и сценаристы Стерлинг Силлифэнт и Джо Хаймс. Силлифэнт был одним из наиболее уважаемых и преуспевающих сценаристов и продюсеров в Голливуде. Телевизионный сериал «Маршрут-66», снятый по его сценарию, вызывал у части зрителей почти религиозную приверженность, а будущими достижениями Силлифэнта еще станут «Башни ада», «Приключения Посейдона» и «В сердце ночи», получивший Оскара.

Сейчас Силлифэнт на пенсии и время от времени работает.

Он живет в Бангкоке со своей женой Тианой. Несмотря на то что ему в своей жизни приходилось приглашать на работу массу актеров, Силлифэнту, по его словам, было нелегко установить первый контакт с Брюсом. Чтобы стать его учеником, ему фактически пришлось пройти через тестирование.

Впервые в поле зрения Силлифэнта Брюс Ли попал благодаря истории, о которой много говорили в Голливуде. Рассказывали, что после одного из выступлений певца Вика Даммоне Брюс встретился с ним в его гостиничном номере в Лас-Вегасе.

Даммоне интересовался боевыми искусствами, но придерживался мнения, что крепкий итальянец, любящий поскандалить на улице, всегда подомнет под себя хрупкого

восточного бойца.

У Даммоне было два огромных телохранителя, которые также были невысокого мнения о восточных методах ведения боя и завербовались доказать это на деле. Брюс согласился на такую проверку. Он попросил одного телохранителя стоять за дверью в номер, а второго — в пяти футах за ним, с сигаретой в зубах.

Брюс сказал, что, когда он войдет в дверь, первый человек должен попытаться остановить его. Сигарета должна была представлять зачехленный пистолет. Брюс сказал Даммоне, что, прежде чем тот успеет досчитать до пяти, он уже окажется внутри и выбьет сигарету изо рта второго парня — «обезоружит» его. Брюс продолжал подробное описание того, что будет делать, тем самым лишая себя преимущества неожиданности нападения.

«Если у меня получится, — сказал Брюс, — будет ли это для вас достаточным доказательством эффективности восточной борьбы?»

«Ну-ну, посмотрим!» — последовал презрительный ответ.

Брюс вышел из комнаты. Певец попросил телохранителей быть полегче с маленьким китайцем. «Просто сбейте его на задницу одним хорошим ударом».

Внезапно раздался ужасающий грохот — упали слетевшая с петель дверь и с ней первый телохранитель, а в это время одним прыжком влетел Брюс и выбил сигарету изо рта второго, все еще стоявшего как вкопанный. «Ни хрена себе!» — только и вымолвил певец.

После трехмесячных розысков Силлифэнту наконец удалось выйти на Брюса через продюсера «Зеленого шершня» Уильяма Дозьера.

Когда они в конце концов встретились, Брюс был недоволен тем, что писателю уже пятьдесят, хотя он согласился, что Силлифэнт все еще в хорошей форме. Признав, что в Китае есть люди, которые начинают заниматься боевыми искусствами и в шестьдесят, Брюс все же не слишком хотел тренировать кого-либо в таком возрасте, добавив, что это будет зависеть от скорости реакции писателя и серьезности его отношения. Брюс не знал, что в молодости Силлифэнт был чемпионом университетской команды по фехтованию, у него быстрая реакция и он умеет побеждать. Он сказал Брюсу, что он — «победитель».

Смягчившись, Брюс проверил его способности и взял в ученики.

Чтобы отвязаться от знаменитостей-дилетантов, Брюс назначал высокую цену за обучение. Сначала было решено, что Силлифэнт будет заниматься вместе со своим приятелем, писателем Джо Хаймсом, который тоже недавно познакомился с

Брюсом, и они вместе будут оплачивать стодолларовые частные уроки у Брюса. «Если бы я тренировался непосредственно с Брюсом, — рассказывает Силлифэнт, — от этого было бы мало толку. Именно по этой причине Брюс предложил мне тренироваться вместе с Джо Хаймсом».

Вскоре плата за уроки у Брюса начала неуклонно расти, пока не достигла 250$ в час, хотя занималось у него всего несколько человек. Брюс летал пару раз в Швейцарию для проведения частных уроков с режиссером Романом Полански. Он не делал бы этого, если бы ему так не нужны были деньги.

Вероятно, эти уроки были столь же неприятными для него, как и бесплодными для Полански. Человек, регулярно тренировавшийся на протяжении нескольких лет, может получить пользу от занятий с таким мастером, как Брюс. Но для полного новичка думать, что он может купить хотя бы поверхностное понимание мастерства Брюса, — столь же нереалистично, как и рассчитывать, что виртуозным музыкантом можно стать, просто купив гитару и договорившись с Эриком Клэптоном о часовом уроке.

Такие ученики, как Кобурн и Силлифэнт, приложили больше усилий и достигли большего понимания. Брюс Ли объяснял, что изучение боевых искусств заставляет обратиться к собственному Я и что это путь самопознания, ведущий в конечном счете к познанию самого себя. Например, возьмем задачу — пробиться сквозь ряд противников, не получив ударов. Кобурн обнаружил, что здесь нужно не только решить физическую проблему, но и преодолеть определенные ментальные и эмоциональные барьеры. Силлифэнт даже заговорил о «звонкой струне», зазвучавшей в его душе, когда обнаружил, что стал лучше писать благодаря тренировкам, которые позволили ему глубже понять природу человеческих эмоций.

Когда предпринимается сознательная попытка по осознаванию движения и энергии, не только боевые техники работают лучше, но и вся жизнь начинает изменяться. Уровень внешнего мастерства практикующего и его внутреннее состояние взаимосвязаны. Понятое подробным образом, любое искусство и мастерство может стать способом внутреннего развития.

У японцев есть поговорка: «*Стрельба из лука и танцы, искусство составления букетов и пение, чайная церемония и борьба — все это одно и то же*». С точки зрения обычного человека это высказывание лишено смысла, но если попытаться понять его значение, смысл становится прозрачным.

В 1968 и 1969 годах ученики Брюса Ли, работающие в киноиндустрии, нашли для него работу — играть маленькие

роли.

Он исполнял роли незначительных персонажей в телевизионном детективном сериале «Айронсайд» (в котором он играл роль учителя боевых искусств) и в комедии «Блонди». В «А вот и невесты» он играл небоевую роль гостя в эпизоде под названием «Женитьба, китайский стиль». Действие сериала происходило в 1870-е годы, когда Сиэтл был деревушкой с населением около 150 человек, мужское население поселка импортировало с Востока суда с женщинами для создания семьи. Брюс также был техническим консультантом детективного триллера «Команда, потерпевшая крушение» Мэтта Хельма, главные роли в котором сыграли Дин Мартин и жена Романа Полански, Шерон Тейт.

Знакомые Брюса старались помочь ему, но для этого существовало не так уж много возможностей. Слишком мало было в Голливуде ролей для китайских актеров, которые бы выходили за рамки стереотипов. В частности, Стерлинг Силлифэнт понял, что сначала нужно, чтобы что-то было написано специально для Брюса. Потом им надо будет решить проблему, как найти студию, чтобы реализовать идею.

Тем временем Силлифэнт написал «Прогулку под весенним дождем» для «Коламбия-пикчерс», с Энтони Куинном и Ингрид Бергман в главных ролях. Хотя это была любовная история, писатель включил в сценарий несколько боевых сцен.

Проблема была в том, что действие происходило в горах Теннесси, где китайские мастера боя на каждом шагу не встречаются! Силлифэнту удалось привлечь к работе Брюса Ли, сделав его хореографом боевых сцен. Это было не только на пользу Брюсу, но и Силлифэнт мог благодаря этому продолжать свою тренировочную практику.

Так же как и в случае с двумя телохранителями Вика Даммоне, способности Брюса Ли были открыто поставлены под сомнение двумя грубыми деревенскими парнями, постановку драки которых поручено было Брюсу. Силлифэнт решил немедленно прояснить некоторые вещи и организовал небольшую демонстрацию: два коротких удара ногой, и каскадеры друг за другом перелетели на другой край бассейна.

Силлифэнту таки удалось написать игровую роль для Брюса, это была роль Уинслоу Бона в детективном художественном фильме «Марлоу», снятом в 1969 году. Главную роль в фильме исполнял Джеймс Гарнер — он играл прожженного частного детектива Филипа Марлоу по сценарию, написанному по роману Рэймонда Чандлера «Сестричка».

По сюжету Брюс работает телохранителем главного

отрицательного героя. Одна сцена была специально написана, чтобы продемонстрировать атлетизм Брюса: он появляется, чтобы разгромить офис Гарнера, кульминация — потрясающий удар ногой выше головы, от которого вдребезги разлетается люстра.

После этого эпизода то, как Марлоу обходится с героем Брюса Ли, выглядит достаточно нереалистично.

Стоя на краю балкона, он насмехается над Боном, сообщая ему, что он думает о его мужских достоинствах, а потом просто делает шаг в сторону, уворачиваясь от удара, сделанного в прыжке, и Вон вылетает с крыши навстречу своей смерти. После сцены с нападением на офис, в которой поражала точность агрессивных действий Вона, зрители скорее смеялись над неубедительностью этой сцены, чем радовались ловкости Марлоу. И хотя Брюс сыграл всего в паре эпизодов, его первое появление в полнометражной голливудской кинокартине было замечено.

Кроме этих подработок в кино, подкинутых Стерлингом Силлифэнтом, весь доход Брюса составляли поступления за частные уроки да какие-то крохи от «Зеленого шершня». И все же, несмотря на финансовые трудности и новую беременность Линды, как раз в это время Брюс решил купить дом. Сначала он предполагал, что на это потребуется 30 000 долларов, но вскоре понял, что этого никак не хватит на такой дом, какой ему бы хотелось. Брюс чувствовал потребность обеспечить хорошие условия для своей растущей семьи, и признать то, что это ему не по карману, было тяжело. Он чувствовал, что его путь, как и у его друзей, — в кинобизнесе. Размышляя, что его присоединение к ним — лишь дело времени, он отправился осматривать бунгало, расположенное в одном из престижных районов Бель Эйр.

Малхолланд-драйв вьется на протяжении двадцати миль вдоль гребня хребта, идущего от Голливуда к тихоокеанскому побережью Малибу, спускаясь через один из популярнейших районов Лос-Анджелеса. К северу открывается вид на долину Сан-Фернандо, а к югу видны каньоны и во всем великолепии стелется город, а за ним — океан. Въезд в Бель Эйр — через бульвар Сансет или Малхолланд-драйв. По сторонам дороги Роскомаре разбросаны уединенные бунгало с посадками кипариса и гибискуса. Тротуара здесь нет, потому что никто не ходит в Бель Эйр пешком. Воздух тихий и теплый, в нем разлиты покой и ощущение простора. Вряд ли найдешь лучше место, чтобы жить в этом городе.

Хоть это и требовало заработков, Брюс купил бунгало по адресу 2551, Роскомаре, и развесил свои тренировочные груши позади дома под карнизом. Но 50 000 долларов за дом были явно не по карману, и вскоре ему пришлось столкнуться с трудностями

по уплате процентов за закладную. Вдобавок, эксплуатационные расходы оказались значительно выше, чем он предполагал. На то, чтобы обставить дом как следует, денег уже не хватало. А налоговая полиция уже стучалась в двери — которые еще не перекрасили. И все же, получив неожиданный доход в размере 8 000 долларов от продажи одного из владений своего отца в Гонконге, Брюс не приобрел мебель и не пошел расплачиваться с кредиторами, а купил красный «порше» и стал разъезжать по Малхолланд со Стивом Мак-Куином.

В письме от 6-го января 1969 г. Брюс пишет Уильяму Чуну, живущему в Австралии:

> В течение последних десяти лет китайские боевые искусства были основным предметом моей деятельности, но сейчас я в новой для меня сфере — сфере актерской игры. Мои достижения в боевых искусствах вполне удовлетворительны, и слово «китайский» все прочнее входит в словарь любителей восточной борьбы благодаря тому, что все три чемпиона США по каратэ в свободном стиле тренируются у меня. Уильям, я потерял веру в китайские классические стили борьбы — хотя все еще называю свой стиль китайским, — ведь, в сущности, все эти стили есть результат, так сказать, «плавания на суше», даже школа вин-чунь. Поэтому мои тренировки направлены скорее на повышение эффективности уличного боя со всем, что случается под рукой, при надетых шлеме, перчатках, защитных щитках на груди, голенях и коленях и т. д. Последние пять лет я особенно усиленно и целенаправленно тренировался. Бегаю каждый день, иногда до шести миль. Я назвал свой стиль джит кюн до (путь опережающего кулака). Я решил не привязываться к вин-чунь — просто чувствую, что этот стиль гораздо больше может дать в плане эффективности. Пишу обо всем этом, потому что это самое главное, что происходит в моей жизни, и [я хотел бы] сообщить тебе об этом.
>
> Неплохо продвигаюсь также в плане актерской игры. Не знаю, видел ли ты мой телесериал «Зеленый шершень» в Австралии. Работал над ним в течение года, закладывая хорошую основу. Время от времени появляюсь в кино и по телевидению. Последний фильм, в котором я снимался, — «Сестричка» с Джеймсом Гарнером — выйдет на экраны через пару месяцев. Я в процессе создания кинокомпании, которую будут

поддерживать несколько важных лиц здесь, в Штатах, направленной на производство кинокартин и телесериалов по боевым искусствам.

Недавно купил полуакровое имение в Бель Эйр на вершине холма — масса свежего воздуха — живешь как в деревне, зато ноги хорошо работают, пока побегаешь вокруг холма.

Что ж, мой друг, в общем-то, это все, что произошло со мной…

Несмотря на оптимистический тон письма, Брюс слишком хорошо понимал: мало просто убедить старых друзей, что сейчас он на вершине успеха. Он всегда занимал активно положительную позицию по отношению к своей жизни, но как называть это — верой, уверенностью, решительным настроем, устремленностью или видением, что все сложится к лучшему, — уже не имело значения. Брюс Ли посвятил шестнадцать лет своей жизни развитию и совершенствованию своего искусства, но пока лишь горстка людей смогли получить от этого пользу.

И вот он только что истратил 47 000 долларов на покупку нового дома, Теперь дела просто обязаны были идти хорошо.

Глава 14. Безмолвная флейта

По привычке предрекать свое будущее, Брюс как-то сказал, что добьется, чтобы весь мир узнал о кунг-фу. Без сомнения, он понимал, что единственный способ осуществить это — снимать фильмы. У Брюса была и устремленность, и союзники, и все соглашались, что он обладает необходимыми способностями. И все же возможности проявить эти способности и осуществить замыслы не было, и от этого было только хуже. А еще Брюсу было свойственно говорить именно то, что он думает, — в кинокругах так же, как это принято среди бойцов. Такая черта характера вряд ли способствует привлечению на свою сторону новых союзников в киноиндустрии, колеса которой вращаются быстрее, если их подмазать лестью. Никто толком не знал, что с ним делать. Точнее, никто не хотел ставить большие деньги на неизвестного актера, который к тому же еще и китаец. Наверное, это не раз заставляло Брюса задуматься в те времена, когда он боролся со своими соотечественниками за право обучать кунг-фу людей Запада.

Если уж возможности сами по себе не возникают, то как его целеустремленность создала его мастерство, он так же создаст и возможности его применения. Короче, он пойдет в Голливуд с предложением о фильме. Брюс понимал, что нечего и говорить о главной роли, но думал, что сильная второстепенная роль, подобная той, которую он сыграл в «Марлоу», достаточно продемонстрировала бы его талант, чтобы открыть дорогу дальше. У него уже была идея фильма, которая в буквальном смысле слова ему приснилась.

В течение нескольких лет Брюсу снился один и тот же сон, герою которого, «искателю», удалось познать себя. Впечатление от сна было таким сильным, что Брюс даже попытался записать его. Брюс хотел использовать эти записи как основу для создания сценария, с просьбой о написании которого он обратился к Стерлингу Силлифэнту.

Фильм должен был называться «Безмолвная флейта».

Флейта — символ зова души, который лишь немногие люди способны слышать. Это был сюжет «поиск героя», который прослеживал развитие мастера боевых искусств в его самопознании. На этом пути героя ждали испытания и откровения, битвы с противниками и битвы с собственными страхами и сомнениями. Брюс знал, что единственный способ запустить этот фильм — это согласиться на второстепенную роль. И он решил сыграть несколько второстепенных ролей, например

персонификации животных и стихий, которые герою предстояло преодолеть в его путешествии. Брюс также появлялся бы в разные моменты как лидер героя, играющий на флейте. Сначала только животные могли слышать пение флейты, но в конце фильма и сам герой, искатель по имени Корд, мог услышать его. Хотя главную роль должен был играть актер с именем, было ясно, что Брюс наполнит все действие своим присутствием.

Брюс хотел, чтобы Стив Мак-Куин сыграл роль Корда, и он вместе с Силлифэнтом отправился поговорить с актером. Мак-Куин, никогда вплотную не занимавшийся тренировками с Брюсом, сказал, что слишком занят. Брюс все больше горячился и настаивал, чтобы тот принял участие в фильме, а тем временем всплыла и настоящая причина отказа.

«Если честно, — сказал Мак-Куин, — то этот фильм делается, чтобы сделать Брюса Ли звездой. Ты мне нравишься, но я здесь не для того, чтобы выводить тебя в звезды. Я не собираюсь подставлять тебе свою спину».

Брюс ничего не сказал, и вскоре они с Силлифэнтом откланялись. Сказанное Мак-Куином глубоко запало в душу Брюсу, этого ему уже не забыть. На улице он обернулся к Силлифэнту и сказал: «Я добьюсь большего, чем он». Потом, уже спокойнее, он повторил клятву про себя.

Они зашли к Джеймсу Кобурну и рассказали о том, что произошло. Кобурн сказал: «Я — с вами», имея в виду, что согласен сыграть эту роль. Но теперь пришел черед Силлифэнта струсить и сделать попытку отказаться от проекта, ссылаясь на то, что у него дел со сценариями и так по горло.

Первоначальная идея состояла просто в том, чтобы создать «Безмолвную флейту» как фильм, посвященный боевому искусству, который дал бы Брюсу возможность приобрести столь необходимую ему известность. Теперь же подключились другие факторы, и ставка возросла. Теперь Брюса волновало не только его появление на экране, но и получение чека на приличную сумму денег, чтобы расплатиться за приобретенный участок, иначе он мог потерять дом. «Безмолвная флейта» начала превращаться из интересной мысли в необходимость, а потом даже в навязчивую идею. Когда проект стал разваливаться, Брюс просто обезумел. Еще немного, и он потеряет и шанс стать известным киноактером, и возможность обеспечивать семью. Он всегда старался рисовать в воображении наилучший исход любой ситуации и не задерживаться на пугающих возможностях. Но рождение дочери Шеннон 19-го апреля 1969 года еще сильнее подхлестнуло его беспокойство.

В попытке распутать проблемы, решили нанять сценариста,

который бы развил идеи Брюса, деньги на 12 000-долларовый гонорар вносили Силлифэнт и Кобурн. Писатель умудрился растерять большую часть сюжета, придуманного Брюсом, превратив его в историю, построенную на научной фантастике и сексе. Его уволили, и следующая попытка была предпринята племянником Силлифэнта. И опять полученный результат никого из троих не воодушевил.

Видя, что Брюс постепенно приходит в отчаяние, Силлифэнт в конце концов сдался. Он предложил устроить регулярные ночные собрания три раза в неделю и надиктовывать идеи секретарю. Предлоги для пропуска не принимались ни под каким видом. Хотя работа эта была совершенно экспериментальной, они встречались в назначенные дни, не пропустив ни разу. Вскоре история стала приобретать плоть и кровь, в воздухе запахло вдохновением.

* * *

Несмотря на постоянную угрозу финансового кризиса, дела продвигались хорошо. Но однажды утром, начав свою ежедневную тренировку, Брюс внезапно ощутил резкую боль в пояснице, и штанга с грохотом покатилась с его плеч на пол. В последующие дни ни прогревание, ни массаж не принесли облегчения. Боль усиливалась, пока не стало ясно, что необходим осмотр у врача. Диагноз сулил мало хорошего, — поражение крестцового нерва и сильный мышечный спазм. Брюс задал естественный вопрос: как скоро можно будет снова начать тренироваться? В ответ доктор посоветовал «полный покой».

Травма была не только физической, она была тотальной.

Брюс оказался прикованным к кровати, не способным даже сидеть, не то что обеспечивать семью, — и все это в доме, по которому накапливались неоплаченные счета. Для Брюса это была не просто невозможность больше тренироваться или практиковать боевые искусства, он чувствовал, что для него потеряно будущее. Для любого человека, не говоря уже о Брюсе с его энергичностью и честолюбием, такая ситуация показалась бы ночным кошмаром. Возможно, впервые в жизни Брюс по-настоящему испугался.

Всего несколько месяцев назад Голливуду было непонятно, что делать с Брюсом Ли. Теперь уже сам Брюс не знал, что делать с самим собой. Несколько недель провел он между кроватью и креслом у своего стола, пытаясь перебороть депрессию тем, что разрабатывал чертежи улучшенной кровати, которая бы обеспечивала максимальный покой поврежденному месту.

Не имея возможности бороться физически, Брюсу

приходилось теперь бороться со своими собственными страхами и сомнениями, прибегая к силе своей воли и чувств, так же как это делал герой «Безмолвной флейты». Он считал, что только благодаря его вере когда-нибудь у него все получится. И вот Брюс вступал в схватку с каждой возникающей отрицательной мыслью: он старался «увидеть» ее написанной на бумаге, которую затем комкал в шарики сжигал дотла. Каждый внутренний голос говоривший «не могу», был заменен на «могу». Каждый образ провала заменялся образом успеха. Брюс однажды сказал Джо Хаймсу, что ум — это как плодородный сад, в котором все посаженное — цветы или сорная трава — хорошо растет. Брюс пытался признать и ассимилировать свою травму, а не сопротивляться ей, он чувствовал, что его независимость и самооценка разрушаются. Временами ему казалось, что он готов взорваться от раздражения.

Брюс превратил препятствие в преимущество: не имея возможности тренироваться, он стал использовать это время, записывая на бумагу те принципы, которыми он руководствовался в своей жизни и тренировках. За годы жизни в Америке его способность выражать свои мысли выросла почти до неузнаваемости. Он стал сравнивать свои заметки, записанные обычно в виде кратких абзацев, содержавших как его собственный опыт, так и мысли, почерпнутые из книг, в которых он находил ценную для себя информацию или вдохновение.

Когда ситуация стала для Брюса невыносимой, он начал тренироваться и обучать снова. И когда все считали его уже выздоровевшим, он все еще постоянно испытывал сильнейшую боль. Он просто приказал себе своей волей действовать так, «как будто» все уже было хорошо.

Где-то в это время «Безмолвную флейту» представили в кинокомпанию «Уорнер Бразерс». Студия готова была попытаться сделать этот фильм, но поставила условие, что фильм должен быть снят в Индии, с целью использовать деньги, принесенные предыдущими картинами «Уорнер», которые Индийское правительство не выпускало за пределы страны. Брюс начал планировать поездку в Индию; Кобурн и Силлифэнт переглянулись.

Спустя почти год после зарождения идеи фильма Брюс, Кобурн и Силлифэнт вылетели в Индию для поиска съемочных площадок. Они сделали пересадку в Бомбее, прилетели в Нью-Дели, а потом наняли машину с водителем, который повез их на север по грязным дорогам среди палящего зноя. С самого первого момента они знали, что для подгонки сценария под то, что они увидели, предстоит ввести в него массу изменений. Немного

погодя зловещее ощущение стало закрадываться в души Силлифэнта и Кобурна. Исходя из своего обширного опыта, они должны были признать, что проводить съемки в Индии — дело безнадежное. Брюс никогда раньше не выезжал за пределы Гонконга или Западного Берега, он не имел ни малейшего представления о проблемах, с которыми сталкиваются продюсеры, и ни за что не позволил бы другим переубедить его. Он только нетерпеливо предлагал продолжать поиски. Они продолжили путь на север. Долгие часы езды по ухабистым дорогам, по жаре и в пыли, Брюс страдал от постоянной боли в спине, а Кобурн и Силлифэнт сидели с тяжестью на сердце. Когда перебрасывание дружескими шутками набивало оскомину, они проваливались в неглубокий сон, пока Брюс опять не заговаривал о фильме.

Трения между друзьями начали выходить на поверхность.

Всю поездку Джеймс Кобурн сидел впереди с водителем, а сзади сидели Силлифэнт и Брюс. Брюс имел обычай тихонько напевать про себя все долгие часы дороги. В то время его любимой мелодией была «Yesterday» — и, без сомнения, он думал о временах, когда сам он был так далек от всяческих проблем.

Кобурн долго терпел мычание Брюса, пока наконец не сорвался: «Хватит! У меня уже крыша едет от твоих песен!»

Брюс отшутился похвалами сочности голоса Кобурна, не уступающего любому полковнику, но стоило Кобурну повернуться лицом к уходящей вдаль дороге, Брюс показал ему за спиной кулак. Чем дальше длилось путешествие, тем более неприязненными становились отношения этих двоих.

Достигнув северной границы Индии, Силлифэнт и Кобурн были готовы признать поражение. Но только не Брюс. Он был в отчаянии; все — карьера, мечты, вся его жизнь, — все было поставлено на карту. По этой причине двое других сели вместе с ним на самолет и отправились в Мадрас, где, он был уверен, найдутся подходящие места для съемки. Из Мадраса они поехали в Гоа; все, что они нашли там, — это хиппи, понаехавшие со всего мира, чтобы жить без плавок на пляже.

Боевые искусства были принесены в Китай индийским монахом Бодхидхармой, но столетия спустя в Индии нелегко сыскать сколько-нибудь стоящих мастеров боя. Когда Брюс устроил некую импровизированную демонстрацию своего мастерства для местных «мастеров боевых искусств», те глядели на него, не веря своим глазам. В своих выступлениях они падали на землю из-за неумения, теперь же они буквально попадали на колени, выражая свой восторг.

Какие бы зрители ни собирались вокруг него, в Брюсе тут же

просыпался артист. Из-за этого отношения с Кобурном становились еще более напряженными. Кобурн предпочитал держаться незаметно, тогда как Брюс пользовался любой возможностью порисоваться. Если Кобурн в аэропортах сидел и спокойно читал, то Брюс находил себе аудиторию в виде местных сорванцов и показывал короткое шоу — боевые приемы и ловкие трюки. Непривычная к виду китайцев, детвора не отрывала от Брюса глаз, а после взрывалась аплодисментами.

Страдая от невыносимой боли в спине и видя, как его будущее рассыпается на глазах, Брюс должен был делать хоть что-то, чтобы доказать себе, что он все еще кое-что может. Эти «спектакли» раскрывают еще одну сторону его личности: если Джеймс Кобурн был просто актером и кинозвездой, Брюсу Ли был присущ естественный актерский талант, благодаря которому он мог развлекать кого угодно и где угодно, и сценарий тут был совершенно не обязателен.

Троица возвратилась из Боа в Бомбей и поселилась в гостинице «Тадж Махал». Брюс получил номер, по размерам немногим превосходящий кладовку, просторная же комната Кобурна была больше, чем обеденный зал гостиницы. Кобурн — кинозвезда международной величины, ему привычно такое обращение со стороны управляющих гостиницами. Но Брюс более не мог выносить удары по самолюбию, видя свою ситуацию и понимая, как далека желаемая цель. В тот вечер Брюс поклялся, что станет кинозвездой покруче Стива Мак-Куина и Джеймса Кобурна вместе взятых.

За истекший месяц трое изъездили Индию вдоль и поперек. Теперь, когда они уже отправлялись домой, было очевидно, что поездка в Индию не удалась. Но если Стерлинг Силлифэнт и Джеймс Кобурн по возвращению должны были продолжить успешную карьеру, Брюса не ожидало дома ничего хорошего. Теперь его отчаяние стало еще глубже; единственная надежда не осуществилась. Черт с ними, со съемочными площадками, сказал он, одним своим намерением он заставит дело продвигаться. Джеймс Кобурн был против того, чтобы снимать картину в Индии, приводя актерские причины. Стерлинг Силлифэнт все еще думал, что можно было бы попробовать что-то соорудить, поскольку интуиция подсказывала ему, что снимать фильм о боевых искусствах — самое время. Брюсу же эта кинокартина была просто необходима — любой ценой. В результате решение Джеймса Кобурна выйти из состава вызвало отказ «Уорнер Бразерс» продолжать работу.

Дома, в Америке, при полном отсутствии денежных поступлений жизнь повернулась к Брюсу еще более мрачной

стороной. И Кобурн, и Силлифэнт предлагали финансовую помощь, но он не мог ее принять. Следующий удар по самолюбию был нанесен, когда Линда сказала, что единственный выход из создавшегося положения — пойти работать ей. Для самолюбия китайца предложение благодеяния плюс неспособность содержать семью — вдвойне болезненно. В конце концов пришлось согласиться, что иного выхода нет. Принятое решение было прикрыто ухищренной системой конспирации, — чтобы честь Брюса не страдала и в дальнейшем. Без профессии и опыта Линда могла получить только низкооплачиваемую работу.

После дня домашней работы и занятий с детьми она выходила на вечернюю работу. Здоровье Линды вскоре стало ухудшаться.

Уложив Брэндона и Шеннон спать, Брюс проводил долгие вечера в одиночестве, предаваясь чтению, письму или интенсивным медитациям, а боль в спине все не проходила.

Это были не лучшие времена.

Глава 15. Лонгстрит

Несмотря на неудавшуюся поездку в Индию, Стерлинг Силлифэнт опять сделал попытку помочь Брюсу в его продвижении по карьере и написал для него роль в пробном шоу для нового телесериала под названием «Лонгстрит». Фактически, Силлифэнт начал работать над сценарием для Брюса еще до отъезда в Индию, когда Брюс все еще переживал по поводу «Воина». Эта серия «Лонгстрита» даже носила название «Путь Опережающего Кулака». Брюс принимал участие в написании сценария, и сюжет состоял в том, что он, как учитель боевых искусств, учит слепого следователя защищаться.

Силлифэнт затем обратился к директору «Парамаунт-ТВ». Тому Танненбауму, заведовавшему съемками этого сериала.

Танненбаум тренировался в каратэ у Эда Паркера и видел показательное выступление Брюса Ли на турнире в Лонг Бич в 1966 году. «Меня очень впечатлило его выступление, и я хотел с ним встретиться», — рассказывает Танненбаум.

То, что он делал тогда, — называется это кунг-фу или джит кюн до, — мне никогда не доводилось видеть ничего подобного ранее. Кто-то в киноиндустрии видел его выступление на предыдущем турнире и проверил его для роли в «Зеленом шершне». Я достал копию этой кинопробы, — и опять был очень впечатлен. От него исходило ощущение силы и уверенности в себе.

Я позвонил ему и сказал, что хотел бы брать у него уроки.

Брюс ответил: «Приходите в мою школу в Чайнатауне в девять утра в воскресенье. Дважды постучитесь в дверь». Я пришел. Брюс впустил меня через маленький вырез в двери.

Занималась небольшая группа. Ожидая, я заметил на столе плакатик со словами: «Покажите мне традиционного каратэиста, и я покажу вам мертвеца».

По сценарию Силлифэнта Майк Лонгсгрит (которого играет Джеймс Франсискус) оказывается свидетелем убийства, но он слепой и не может узнать преступника, полагаясь только на свой слух. Он выслеживает убийцу, грубого докера, и собирается раскрыть его преступление. Брюс играет торговца антиквариатом по имени Ли. Он защищает слепого следователя от банды, которая намерена прогнать его из дока. Лонгсгрит хочет узнать, как Ли удалось это сделать, и хочет научиться драться, как он, чтобы дальше преследовать убийцу. Ли отказывает ему, ссылаясь на то, что у следователя неверные мотивы для обучения. Но по мере развития сюжета Ли все же начинает учить Лонгстрита,

работая как над его общим подходом к жизни, так и над приемами борьбы, готовит его к предстоящей схватке.

Теперь все, что оставалось делать Брюсу — в который раз, — это ожидать начала съемок фильма.

Пока суд да дело, Брюс с Брэндоном отправился в Гонконг, чтобы забрать свою мать в Штаты. Прибыв в Гонконг, он был ошеломлен оказанным ему приемом. Кинокомпания «XX век — Фокс», торопясь получить прибыль от телесериала «Зеленый шершень», имевшего сравнительный неуспех в Штатах, продала его недавно в Гонконг и во все страны Юго-Восточной Азии Затем он подошел и сказал: «Я буду держать боксерскую перчатку, а ты ударь ее». Кстати, весил я двести фунтов, а Брюс в то время весил около 132. Я ударил, и ударил хорошо.

Тогда Брюс сказал: «Теперь ты держи ее». Даже не заводя ударную руку назад, используя только вращающий момент своего тела, он буквально отправил меня в полет через всю комнату. Фактически, я так здорово влетел в стену, что с нее упала картина. Весь класс смотрел на меня, и я был весьма смущен. И все же это очаровало меня, потому что я никогда не видел, чтобы человек легче меня почти на семьдесят фунтов так отбросил меня через всю комнату. Брюс сказал:

«Это сила. Теперь я покажу тебе скорость». Он положил мне в ладонь пятицентовик и сказал: «Сожми пальцы быстрее, чем я заберу ее у тебя». Он сделал молниеносное движение, а я быстро сжал кулак. Когда я раскрыл ладонь, вместо пятицентовика там было десять центов. Вот все, что я видел.

Я сказал: «О'кей, я — твой». И я начал тренироваться с Брюсом, — через три года после того, как он впервые появился на экранах в Америке. Продублированный на китайский, фильм вошел в число наиболее популярных фильмов в Сингапуре и Филиппинах, а признанной звездой кинофильма оказался Като, а не Шершень. К великому своему удивлению, спустившись с трапа самолета, Брюс оказался окруженным кинорепортерами и газетчиками, готовыми расхваливать местного парня, который так высоко взлетел.

Гонконгские корреспонденты газет, радио и телевидения умоляли об интервью. Брюс вместе с Брэндоном появлялся на телевизионных встречах на обеих гонконгских телестудиях. Ведущий одной из передач уговорил Брюса преодолеть (в который раз!) его нелюбовь к «трюкам», и Брюс делал прыжки и удары ногой, и даже разбил четыре подвешенные дощечки, в дюйм толщиной каждая. Затем пятилетний Брэндон разбил одну размером почти с него. После года вынужденной пассивности и волнений о том, что дела идут не так, как надо, все очарование,

остроумие и качества кинозвезды, присущие Брюсу, вдруг вновь нашли себе публику.

Воспользовавшись моментом, Брюс сразу же послал своего друга детства Единорога прощупать почву насчет возможных предложениях об актерской работе в киностудию «Шоу Бразерс». Брюс выдал Единорогу информацию о своих школах и копии журнальных статей о нем, чтобы показать все это братьям Шоу. Но так как информация эта была на английском, Единорогу сначала нужно было отдать ее в перевод.

В гонконгской киноиндустрии фильмы создавались примерно так же, как Детройт производил автомобили, — на конвейере. Фильм делался за три дня. Какая-нибудь дорогая экстравагантная картина, возможно, потребовала бы недели.

Братья Шоу — Ранжи, Ранме и Ран Ран — почти единолично владели киноиндустрией в Гонконге. Киностудия «Шоу Бразеро представляла собой соединение специальных съемочных площадок и студий звукозаписи; все — от пагод до концентрационных лагерей — было расположено на ветреных склонах холма, возвышающегося над Заливом Чистой Воды.

«Шоу Бразерс» была крупнейшей киностудией после Голливуда и производила две трети всех «китайских» фильмов в мире. В среднем семь картин снималось одновременно, студии звукозаписи, где происходило озвучивание, работали по плотному расписанию в три смены.

Секретом успеха киностудии была коммерческая стратегия, завязанная на скорость и экономичность. Фильмы снимались почти без звука, а потом, как итальянские «спагетти-вестерны», озвучивались на требуемом языке. Съемки часто делались без написанного сценария, действие по ходу придумывалось командой и «редактировалось» тут же с небольшими пересъемками. Сюжеты брались прямо из западных фильмов с небольшой адаптацией, и то не всегда, — то, что китайцы называют «подогретый вчерашний рис». Акцент делался на «кулаке и постели» — насилии и сексе. Режиссер был просто счастлив, если получал за фильм половину денег, истраченных на ведра фальшивой крови, требующейся для сцен насилия. Как и режиссеры, сценаристы и технический персонал, актеры и актрисы были перегружены работой и сидели на мизерных ставках.

Несмотря на это, местные перспективы были настолько скудны, что актеры, желающие играть по контракту, стояли в очереди к братьям Шоу. За неплохую плату Ран Ран Шоу зачислял потенциальных актеров в Южную драматическую школу (его собственную «актерскую академию»). Актеры должны были сами

организовывать себе обед и добираться до места съемок за свой счет. Контракты были железные, разорвать контракт можно было, только оставив актерскую профессию или уехав из страны. Всем видом своим показывая отеческую заботу, Ран Ран Шоу сказал на одном интервью, что ряд самоубийств и нервных срывов среди актеров в течение последних лет был вызван внезапным давлением славы, добавив, что он всегда был готов помочь, если видел, что что-то подобное может случиться с кем-то из его ведущих актеров.

Фильмам «Шоу Бразерс» была гарантирована хорошая распродажа, поскольку киностудия имела в собственности 140 кинотеатров по всему Гонконгу, Сингапуру, Индонезии, Малайзии, Тайваню, части Вьетнама и Бирмы — называемых для удобства «мандарин-ареал». Студия также делала заказы в 500 театрах, в том числе в Чайнатауне в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Нью-Йорке. Династия Шоу также владела тридцатью или сорока компаниями по всей Юго-Восточной Азии, получая проценты от залога недвижимости, банковского дела, страхования, пивоварения и увеселительных парков. В 1970 году они стоили между 40 и 200 миллионов долларов.

Базирующаяся в Сингапуре организация «Катей» была единственным серьезным соперником «Шоу Бразерс» в киноделе. «Катей» всегда выглядела жизнестойким соперником, пока авиакатастрофа над Таиландом не унесла с собой жизни нескольких директоров «Катей».

Хрупкий, щеголеватый человек в очках, скользкий в общении, Ран Ран Шоу имел прилизанную и гладкую внешность.

Он управлял всей империей из глубины обитого шелком кресла за великанским столом в элегантном строгом офисе, украшенном произведениями современной китайской живописи. Элегантным движением руки отодвигая в сторону обвинения в низких зарплатах и плохих условиях работы, Шоу весьма просто формулировал свой подход к созданию фильмов: «Если аудитория хочет насилия, мы дадим ей насилие. Если аудитория хочет секса, мы дадим ей секс. Все, что публика ни пожелает, она получит».

К сожалению, похоже, что Ран Ран не спешил применять тот же простой лозунг к своим собственным потребностям. Он сожалел, что не может уделить достаточно времени внучатам, поскольку сильное ощущение долга перед компанией обязывало его проводить массу времени со своими актрисами. Расточительные приемы регулярно гремели в доме, окруженном роскошными садами на тихом углу участка, принадлежащего киностудии. У Шоу было несколько домов и загородных вилл, так

что естественным образом ему требовалось несколько «роллс-ройсов», «кадиллаков» и «линкольнов-континенталь». Шоу поговаривал со свойственной ему мудростью, что может ездить только в одном автомобиле за раз.

С переведенными материалами о Брюсе Ли Единорог подошел к одной из руководителей компании, Моне Фонг. Она ничего не слышала о Брюсе Ли так же, как и директор, находившийся в ее офисе. Поэтому Единорог отправился прямо к Ран Рану с предложением Брюса снять одну картину для киностудии за плату 10 000 долларов. Кроме того, Брюс настаивал на праве вносить в сценарий изменения там, где это необходимо, и нести единоличную ответственность за постановку любых боев в фильме. Ошеломленный магнат не знал, как реагировать на предложение, написанное таким решительным языком, — это было далеко за пределами его опыта.

Ирония состоит в том, что если в Голливуде считали, что Брюс Ли слишком не похож на других, то в гонконгской киностудии решили, что он такой же, как и все другие актеры, играющие в китайских боевиках — обычной продукции киностудии.

Когда Шоу ответил на его предложение, Брюс уже возвратился в Штаты. Брюс получил по телеграфу встречное предложение от киностудии, в котором Шоу тонко упоминал «скромный» успех Брюса в Штатах и предлагал контракт на семь лет с оплатой в 2 000 долларов за фильм — иными словами, стандартный контракт молодого актера. Брюс вежливо отказался.

Теперь Брюс начал работать над своим эпизодом из «Лонгстрита». Практически, он играет самого себя — большая часть сценария представляет собой, по существу, уроки по его способу борьбы и философии. Этот фильм является одной из наиболее важных его работ на экране.

Майк Лонгстрит получает урок по боковому удару ногой.

Ли просит Лонгстрита подержать грушу так, чтобы он мог почувствовать всю глубину удара. Коллега Лонгстрита входит как раз вовремя, чтобы увидеть, как следователь пролетает мимо него и приземляется в цветнике.

«И как именно называется эта штука — то, что ты делаешь?» — спрашивает коллега.

«На кантонском наречии, — отвечает Ли, — это звучит как джит кюн до — Путь опережающего кулака».

«…опережающего кулака?»

«…или ноги, — добавляет Ли. — Ну давай, попробуй дотронуться до меня, как сможешь». Как только его противник делает шаг вперед, чтобы нанести удар, Ли делает низкий

боковой удар ногой в коленную чашечку. «Видишь, — объясняет Ли, — чтобы достать меня, тебе нужно придвинуться ко мне,

Твое нападение позволяет мне перехватить тебя. В данном случае я использовал свое самое длинное оружие, боковой удар ногой, против твоей ближайшей уязвимой точки — коленной чашечки. Это можно сравнить с левым тычком в боксе, за исключением того, что этот удар наносит гораздо более сильное повреждение».

«Ага, — сказал друг небрежно. — Ну, что касается левого тычка…»

Но Ли блокирует неожиданный удар, прочитав намерение на долю секунды раньше, чем он был нанесен. «На этот раз я перехватил твою эмоциональную напряженность. Видишь, как много времени прошло, пока твоя мысль привела в действие кулак».

Брюс часто объяснял своим ученикам, что многие стили борьбы учат действовать в два приема — блок, удар, в то время как наиболее эффективной является техника, когда блокировка и нанесение удара производятся одновременно. На еще более высоком уровне мастерства сознание настолько настроено, что любое движение противника приводит к его перехватыванию и удару. Если пройти еще дальше, то само намерение противника атаковать можно почувствовать и нейтрализовать еще до того, как сама атака началась.

В фильме Брюс также учит Лонгсгрита прислушиваться к тому, что происходит вокруг него, не просто двигаться ради того, чтобы двигаться, а ощущать связь с тем, что происходит.

Ли спрашивает Лонгсгрита, слышит ли он тихое птичье пение за окном во время их разговора. Поскольку Лонгстрит слеп, Брюс не может научить его расширить периферийное зрение, но он может расширить его осознавание благодаря более внимательному слушанию.

При создании сценария «Лонгсгрита» Силлифэнт в описании уроков слепого следователя базировался на собственном опыте работы с Брюсом. «Первое, что он попросил меня сделать, — рассказывает Силлифэнт, — это сосредоточиться на движениях тела и почувствовать взаимосвязь между собой и противником. Сначала Брюс завязал мне глаза и заставил меня двигаться в соответствии с моими ощущениями его движений во все стороны. Мы практиковали это неделями, прежде чем взялись за сколько-нибудь конкретные упражнения».

Другое упражнение, которому обучал герой Ли слепого следователя, также было на развитие осознания своего тела — касаться друг друга руками с завязанными глазами; точно так же

Брюс заставлял работать на тренировках Силлифэнта и Джо Хаймса. В какой-то момент Лонгстрит отмечает: «Удивительно то, что за пределами боевого искусства, за пределами схватки я ощущаю мир внутри себя, как будто, если бы я владел джит кюн до, этого было бы достаточно — просто знать его и не использовать».

На одной из последующих тренировок Лонгстрит все же оказывается в ситуации, когда он не может применить то, чему его учили. Ли хочет, чтобы он отработал пальцевый удар в глаза. «Не беспокойся, я прикрыл их», — говорит Ли, надев защитные очки.

«Я не могу этого сделать», — отвечает следователь.

«Почему?»

«Не знаю, просто не могу!»

«Но почему? Потому что ты слепой? Но пальцевый удар в глаза — один из самых эффективных приемов…»

«Давай просто оставим этот прием, а?»

«Человек, который будет атаковать тебя, — говорит Ли, — усомнится ли он выколоть глаза тебе?»

«Что ж, это его проблема!»

«Любая птица или кот сделали бы это без тени колебания — не думая».

«Но я ведь не птица, и не кот, — говорит Лонгстрит. — Да, я думаю».

«Ну, это твоя проблема», — отвечает Ли.

Позже Лонгстрит все еще пытается «помнить» все, чему его научили.

«Если ты пытаешься «помнить», ты проиграешь, — говорит Ли. — Сделай свой ум пустым. Будь как вода. Налей воду в чашу, и она станет чашей, налей ее в чайник, и она будет чайником. Вода может течь и ползти, капать или разбиваться в брызги! Стань водой, мой друг».

Лонгстрит спрашивает, почему он не может просто встать перед противником и повторить то, что Ли только что рассказал ему. «Может, он потеряет сознание или утонет».

«Ты еще не готов», — говорит Ли.

«Я знаю».

«Как любой человек, ты хочешь научиться побеждать, но не принимаешь поражения. Принимать поражение — научиться умирать — значит освободиться от него. Итак, когда наступит завтрашний день, тебе нужно будет освободить свой честолюбивый ум и учиться искусству умирать. До завтра, Майк».

* * *

Теперь, более чем когда-либо прежде, несмотря на все препятствия, с которыми ему пришлось встретиться, Брюс Ли был убежден, что его будущее — в Америке. Руководству «Парамаунт» понравился «Лонгстрит», и было решено, что именно этот фильм откроет осенний сезон. В то же время гонконгские радиостанции все еще звонили Брюсу и передавали разговоры с ним на 8 000 миль вдаль. Одним из тех, кто слушал эти передачи, был Рэймонд Чжоу из киностудии «Голден Харвест». Чжоу был бывшим работником Ран Рана Шоу, который теперь стал его жесточайшим врагом.

В течение нескольких лет Рэймонд Чжоу был одним из руководителей в «Шоу Бразерс». Когда Ран Ран исполнял свое «чувство долга» с молоденькой певицей по имени Мона Фонг, она вскоре настолько поразила его своей приверженностью к своей карьере, что он нашел для нее новую работу — в компании. Вскоре Фонг стала ловко продвигаться в руководство, пока не оказалась в конце концов непосредственным начальником Чжоу. Это спровоцировало Чжоу оставить работу в компании и собрать капитал для создания своей собственной кинокомпании. Но Чжоу и его партнер Леонард Хо едва держались на плаву из-за того, что фактическая монополия Шоу мешала им добиться показа своих фильмов. Киностудия «Голден Харвест» представляла собой немногом больше, чем груду лачуг, выросших на склоне холма Коулун. Пока что Чжоу был не в том положении, чтобы улучшать свою территорию или наносить Шоу ответный удар, но он видел в Брюсе Ли шанс все это изменить.

Чжоу послал одного из своих старших продюсеров, Лю Лянь Хуа, сделать Брюсу предложение. Лю была также миссис Ло Вэй, женой одного из режиссеров, которого Чжоу сманил у «Шоу Бразерс». Чжоу улучшил предложение Шоу ровно настолько, чтобы заставить Брюса клюнуть. Это была простая сделка: две картины за 15 000 долларов. Чжоу также расщедрился на билет на самолет в одну сторону, включив его в условия сделки. Кобурн и Силлифэнт отговаривали Брюса от принятия предложения, говоря, что он может выжать больше. Но Брюс устал от ожидания. Помня, как ускользали от него предыдущие возможности, он был решительно настроен этот шанс не упускать. Он подписал контракт.

Брюс выполнил свое домашнее задание и пересмотрел всю последнюю партию фильмов «Голден Харвест». Затем позвонил Рэймонду Чжоу и спросил его, являются ли эти фильмы лучшим, на что он способен. Единственное, в чем Брюс всегда был абсолютно уверен, — это то, что все люди дерутся по-разному. Вся его философия боевого искусства основывалась именно на

этом наблюдении. Беспокоило его то, что фильмы, которые он только что просмотрел, были столь одномерными.

У Брюса же никогда не было проблемы, чтобы драться и играть героя одновременно. Не имело значения — игра это или действие.

Услышав о решении Брюса работать с «Голден Харвест», Ран Ран Шоу обратился к нему с улучшенным предложением.

Но Брюс уже подписал контракт и намеревался его придерживаться. Однако обеспокоенный Чжоу пытался настоять, чтобы Брюс летел прямым рейсом в Бангкок, чтобы не рисковать «соблазном» при перелете через Гонконг.

По прибытию в Бангкок Брюса отвезли на север на съемочную площадку в отдаленной деревушке Пак Чон. В разгар жаркого сезона маленькая гостиница казалась настоящим адом — полное отсутствие кондиционеров, которые могли бы смягчить палящий зной и влажность, грязная вода, свежих продуктов не достать; а о почте и говорить не приходится. Пак Чон было местом, о котором могли бы мечтать разве что большие любители насекомых. И все же Брюс не жаловался. Он здесь, чтобы снять фильм под названием «Большой босс», и этого уже довольно.

Глава 16. Большой босс

Мария И, ведущая актриса в «Большом боссе», слегка удивленно выглядывала из окна своего номера. Уже несколько раз она видела Брюса Ли загорающим в плавках возле бассейна, но почему-то он ни разу не купался. Она не знала, что Брюс так никогда и не смог превозмочь свой детский страх воды, который появился, когда его сестра подержала его голову под водой после того, как он сбросил ее в бассейн.

Позже за ужином Мария наблюдала, как Брюс воевал с безвкусной отбивной, такой же твердой, как и тарелка, на которой ее принесли; тут ему пришлось сдаться. Несколькими днями позже Брюс раздавил в руке стакан, получив глубокий порез; понадобилось десять швов, чтобы зашить рану. В больнице в Бангкоке он подхватил лихорадку и быстро сбросил десять фунтов. Теперь, с перевязанной правой рукой, он держал вилку в левой и торопился закончить еду раньше, чем ящерицы и тараканы доберутся до нее.

* * *

Простой сюжет «Большого босса» посвящен борьбе китайской общины в Бангкоке, живущей в постоянном страхе перед таиландскими гангстерами, которыми заправляет японский босс. Денег на съемки было выделено менее 100 000 долларов, чего в те времена не хватило бы даже на шестидесятисекундную телерекламу в Штатах.

В «Большом боссе»[11] Брюс Ли играет Чен Чао Ана, который оставил беспокойную жизнь в Китае, чтобы начать ее сначала в Таиланде. Переворачивая новую страницу своей жизни, Чен поклялся своей матери, что больше не будет принимать участие в драках. В напоминание о своей клятве он носит на груди материнский медальон. Чена встречает в Таиланде его двоюродный брат, которого играет Джеймс Тьен. Остановившись в придорожном кафе утолить жажду, они наблюдают, как банда хамья издевается над официанткой (Нора Майо). Пока его двоюродный брат прогоняет хулиганов, Чен сжимает медальон, опустив тоскливый взгляд. Прибыв в дом своего дяди, Чен встречает свою двоюродную сестру, хорошенькую Мэй Лин (Мария И).

Расположившись в доме, Чен получает работу на местном хладокомбинате. Вскоре после этого двое рабочих обнаруживают, что некоторые из ледяных блоков используются для транспортировки наркотиков. Когда они отказываются

присоединиться к операции, их убивают. Чуя, что с их коллегами случилось что-то неладное, рабочие устраивают забастовку, требуя от руководства объяснения их исчезновения. Большой босс хладокомбината (негодяя японца звали Ми) вызывает своих таиландских головорезов для подавления строптивых рабочих, и разражается драка между таиландцами и китайцами. Сначала Чен разрывается между желанием помочь своим приятелям рабочим и клятвой, которую он дал своей матери. Но когда один из головорезов ударяет его железным крюком, он присоединяется к драке и рядом блестяще поставленных движений сметает врага. Когда схватка закончилась, Чен находит медальон — разбитый надвое.

Это превращает Чена в героя в глазах рабочих, но хитрый директор фабрики повышает его в должности и позже приглашает на вечеринку в дом Ми. Затем следует комическая сцена: наивный Чен напивается и приударяет за проститутками, нанятыми директором, гоняясь за ними вокруг стола. Кончается все это тем, что он оказывается в спальне вместе с женщиной, но засыпает он раньше, чем она успевает раздеться, и просыпается утром, обнимая ее, как плюшевого медвежонка.

После этого рабочие стали избегать Чена, считая, что он продал их. Позже эта женщина приводит Чена в публичный дом, где она работает, и раскрывает ему правду про деятельность Ми. Возвратившись на фабрику, Чен обнаруживает, что некоторые блоки льда и вправду содержат упаковки наркотиков. В двух других блоках он находит замерзшие тела пропавших рабочих.

В этот момент появляется сын Ми со своей бандой. Чен, теперь уже один, бьется против десяти головорезов, вооруженных ножами, дубинками и цепями, в серии замечательно поставленных схваток. Моменты кровавого насилия (он убивает одного из громил, разломив ему голову пилой) перемежаются с насилием, вызывающим смех, — как в мультфильмах: Чен толкает противника в деревянный забор с такой силой, что тот оставляет в нем дырку в форме человеческой фигуры.

Потом Чен возвращается к дому Ми, и начинается последняя битва на лужайке перед домом. В ножевой драке, которая следует после того, как с Чена срывают рубаху, он получает ранение от главного злодея. Он приостанавливается и пробует кровь из раны на вкус перед кульминационной и катарсической финальной сценой. Уничтожив всех людей Ми, Чен понимает, что он должен платить за это. В завершающих сценах он сдается прибывшей полиции.

В первую неделю съемок Брюсу было все труднее и труднее сдерживать свое нетерпение. Кинооборудование было старым и в

плохом состоянии, а сценарий сводился к нескольким основным идеям, начерканным на клочках бумаги. Режиссер Ву обладал необычайно буйным темпераментом и орал и покрывал бранью весь актерский и технический состав. Наконец директор картины, — все та же миссис Ло Вэй, которая пригласила Брюса Ли на эту работу, — не выдержала. Она позвонила Рэймонду Чжоу и потребовала замещения Ву. По счастливому совпадению один из режиссеров Чжоу, некий мистер Ло Вэй, как раз закончил работу над фильмом на Тайване и был в должном порядке направлен в Таиланд для работы над «Большим боссом». Однако новый режиссер оказался ничем не лучше старого.

Азартный игрок, уже не способный бросить это занятие, Ло Вэй больше беспокоился о том, что происходит на бегах, чем о происходящем на съемочной площадке. Поскольку звуковое сопровождение не записывалось одновременно со съемками сценического действия, Ло Вэй устроил так, чтобы комментарий о бегах гремел на всю съемочную площадку в то время, как актеры пытались играть сцену. Отсутствие заинтересованности Ло Вэя в работе над кинокартиной приводило Брюса в бешенство.

Неудачно приземлившись после прыжка, Брюс сильно растянул щиколотку. Ему тяжело было двигаться, его мучили сильные боли и лихорадка, он едва удерживался от рвоты. Но несмотря ни на что, съемки продолжались. Из-за подвернутой ноги он прихрамывал, поэтому в нескольких сценах его пришлось снимать крупным планом. Порез на его руке все еще не зажил, а из-за больной спины после каждой сцены нужны были уколы и отдых. Ло Вэй позже отметил, что он решил, что Брюс — ипохондрик.

В то же время Брюс по ходу пытался улучшить сценарий.

Хотя Хань Ин Чи, актер, игравший босса, был также официальным постановщиком всех боевых сцен, Брюс почти немедленно взял боевые сцены со своим участием в свои руки. Если возникали какие-то разногласия, он прерывал съемки, используя одну из своих тактик, — например, «терял» контактную линзу во время съемок на хладокомбинате, где на полу были тысячи осколков льда!

Другие сцены снимались в местном публичном доме — вонь и грязь. Проституткам, привыкшим получать меньше доллара с клиента, было выплачено по десять только затем, чтобы не приставали. По крайней мере, они смогут вспомнить один рабочий день в своей жизни, проведенный без секса.

Пока Брюс Ли глубоко закопался в Таиланде, «Лонгстрит» открыл осенний телевизионный сезон в Штатах хорошими отзывами. Наконец Брюсу Ли и Стерлингу Силлифэнту удалось

воплотить в жизнь хоть малую толику их совместных замыслов, которые они вынашивали много лет. Этому фильму было посвящено больше зрительской почты, чем всем другим сериалам, и большая часть писем была адресована Брюсу. Стерлинг Силлифэнт был вполне прав, сказав, что это был первый удачный фильм Брюса и одно из лучших шоу, посвященных боевым искусствам, когда-либо появлявшихся на телеэкране.

Том Танненбаум фазу попытался связаться с Брюсом, чтобы договориться о его участии в следующих сериях «Лонгстрита», но добраться до него было невозможно, — он был в нескольких часах езды от ближайшего телефона. Эта ситуация сработала на пользу Брюсу. По мере того как телеграммы все прибывали, руководство «Голден Харвест» не замедлило отметить, что за их новым актером гоняются американские продюсеры.

Разгребая ожидавшую его в Гонконге кипу телеграмм, Брюс обнаружил предложения на участие в трех последующих сериях «Лонгстрита» по тысяче долларов за серию. Зная, что вторая кинокартина для «Голден Харвест» уже в кармане, Брюс попросил удвоить цену и получил согласие. Теперь Линда могла бросить свою работу, но с оплатой дома у них все еще были большие проблемы.

По возвращении в Лос-Анджелес оказалось, что сценарии к трем сериям «Лонгстрита», о которых шла речь, уже давно были написаны, и, учитывая неожиданный успех Брюса в первой серии, «Парамаунт» попытался быстренько втиснуть его в дальнейший ход действия. Эпизоды, в которых играл Брюс, оказались короткими, наскоро написанными, это были немногим больше, чем просто немые роли.

Несмотря на это, Брюса не покидало ощущение, что вот-вот должно что-то произойти. «Парамаунт» сделал еще одно предложение. «Уорнерс» оживил перспективу создания телевизионного сериала с его участием. Какой лучше взять курс? Как зрители примут «Большого босса»? Нужно ли пока оставить свой выбор открытым? Все больше вопросов ждало своего решения. У Брюса росло ощущение уверенности в том, что его время пришло.

Только группа бойскаутов приветствовала Брюса при его возвращении в Гонконг, но журналистов набежало столько, что было понятно: что-то происходит, хотя «Большой босс еще не увидел свет. В октябре 1971 года вместе с Рэймондом Чжоу и его партнером Леонардом Хо Брюс и Линда сидели в темноте кинозала в ожидании начала вечерней премьеры фильма. Пытались перебрасываться шутками, стараясь смягчить внутреннее беспокойство. Гонконгская публика будет открыто

издеваться над фильмом, который придется ей не по вкусу; известны случаи, когда зрители атаковали с ножами сиденья после просмотра по-настоящему неудавшегося фильма.

Когда фильм закончился, на несколько секунд воцарилась изумленная тишина, после которой последовал взрыв полного восторга. На выходе из кинотеатра Брюса буквально осаждали поклонники. На следующий день пресса была просто в экстазе.

С первых же титров видно, что «Большой босс» сделан на минимальном бюджете. Даже титры начертаны слегка трясущейся рукой, а в самом фильме достаточно шатких кадров, чтобы предположить, что большая его часть снималась без каких-либо пересъемок. Записанное музыкальное сопровождение типа «джаз-коктейль» придает странное очарование сценам смерти. Но «Большой босс был гораздо лучше сыгран и поставлен, чем любой другой подобный фильм, и содержал полуреалистическую сюжетную линию, связывающую воедино вполне похожие на реальные события.

С точки зрения западных вкусов, китайские фильмы то недооценивались, то представлялись просто невероятными.

Просматривая «китайские» фильмы Брюса Ли, следует иметь в виду, что они не игрались «реалистически», как на Западе. Создание фильмов на Востоке берет исток в давней традиции театра. Сюжет, декорации, костюмы, жесты, выражения — все это уходит корнями в традиции пантомимы в таких театрах, как Кантонская Опера, в которой играл еще отец Брюса, тоже пытаясь сделать карьеру киноактера. Если вообще допустимо какое-либо сравнение, то похожие элементы можно найти в немых фильмах, снятых в первые дни Голливуда.

Западному человеку «Большой босс» может показаться еще одним из длинной вереницы дешевых фильмов, играющих на временном интересе к Азии. Но в контексте гонконгской киноиндустрии, чей основной продукт — нереалистичные кулачные бои и реки крови на экране, этот фильм был просто революционным. Брюс использовал опыт, приобретенный в Америке, и оделил своих героев чертами реальных людей. То, что западному человеку показалось бы преувеличенным, неуклюжим и даже манерным, для азиатского мира было ближайшим воплощением реализма, когда-либо сделанным в киноискусстве.

Еще более важно было то, что у кинозрителей мандаринского округа появилась настоящая кинозвезда. Брюс Ли не был актером, играющим для заработка и обученным по стандартам драматической школы Шоу, — он был естествен в своей игре. У Брюса Ли была харизма, — то, что сделало Джеймса Дина звездой, и без которой кто-то вроде Роберта де Ниро — всего

лишь хороший актер.

Даже самих по себе боевых сцен было бы достаточно, чтобы сделать Брюса кинозвездой на Востоке. Все боевые приемы выполнялись с необычайной точностью и безупречностью, будучи отработаны в течение почти двадцатилетней практики.

Чтобы доказать, что боевые сцены не являются результатом трюков кинооператора или гладкого редактирования, Брюс настаивал на длинных кадрах, держа камеру на одном кадре до полминуты. И хотя преувеличенные подвиги в духе традиционных фильмов в старом мандаринском стиле все же присутствуют, Брюсу удалось лучше организовать ход действия и уменьшить акцент на оружии, чтобы продемонстрировать приемы, ранее невиданные на киноэкране.

Через три недели после премьеры «Большой босо превзошел все ожидания, принеся доход в три миллиона гонконгских долларов. Фильм был показан в Гонконге 875 раз, а затем отправился побивать рекорды по всему мандариноязычному округу. По реакции зрителей на премьере Брюс знал, что фильм принесет неплохой доход, но то, что он превратится в такой хит, предположить не мог. Не мог такого предвидеть и Ран Ран Шоу, оставленный оплакивать свою неудачливую судьбу. Он мог только тяжело вздыхать: «Брюс был просто одним из актеров. Ну откуда я мог знать?»

Пока Брюс продолжал подготовку к съемкам второго фильма, «Голден Харвест» предоставил ему небольшие меблированные аппартаменты по 2 Мэн Ван Роуд в районе Ватерлоо-Хилл в Коулуне. Лифт в здании почти не работал, и Брюс превратил для себя и своих посетителей подъем на тринадцатый этаж в «игру» — забег на двадцать шесть лестничных пролетов.

Ву Нган, названный брат Брюса, поселился вместе с ними и вскоре стал менеджером Брюса. Позже, когда Ву Нган женился, его жена присоединилась к ним. Двухлетняя Шеннон начала ходить в местные ясли, а шестилетний Брэндон был зачислен в Ля Залль, школу, из которой много лет назад исключили его отца.

Глава 17. Яростный кулак

В 1971 году, перед премьерой «Большого босса», Брюс Ли уже начал работу над вторым фильмом. «Яростный кулак»[12] — это воспевание мести, фильм играет на глубоком чувстве вражды между китайцами и японцами, называвшими китайцев «больными азиатами». Отношения между китайцами и японцами напоминают отношения греков и турков, их вражда очень похожа на вражду католиков и протестантов в Ирландии.

Отправной точкой сюжета послужило реальное историческое событие — смерть китайского учителя боевого искусства Хо Юаня Чиа в 1908 году. В начале столетия Япония установила сильное политическое присутствие в Шанхае. Хо был докером необычайных силы и способностей и однажды разгромил целую банду японцев. Брюс Ли играет Чень Ченя, бывшего ученика старого мастера, который приезжает в школу Чин Ву, чтобы выразить уважение своему бывшему учителю, и обнаруживает, что тот только что умер. На похоронах обезумевший от горя Чень бросается в могилу, пытаясь отворить гроб учителя. «Как могло случиться, чтобы умер человек с таким прекрасным здоровьем?» — вопрошает он.

Память мастера оскорблена, когда господин Ву, пресмыкающийся перед японцами китаец, работающий переводчиком в японской ассоциации боевых искусств, представляет ученикам школы табличку с надписью «Больной нации Восточной Азии».

Его слова: «Что случилось, ты что — трус?» подталкивают Ченя к мести. Но в то же время эта фраза — ужасный непреднамеренный каламбур, возникший в процессе дублирования.[13] Ченя это оскорбление приводит в такую ярость, что он, нарушая кодекс поведения своего учителя, отправляется в японский клуб, где единолично сметает весь членский состав и рушит оскорбительный лозунг. Президент японской ассоциации требует ареста Ченя, и тому приходится скрываться.

Тем временем Чень раскрывает двух «шпионов», приложивших руки к отравлению его учителя. Каким образом это удается Ченю, не совсем очевидно для западной аудитории: он знает разницу между китайским и японским стилями нижней одежды. Чень убивает шпионов и вешает их тела на уличном фонаре возле дома японского консула. Пока Чень скрывается на кладбище, питаясь жареной кошатиной, японцы нападают на китайскую школу, не милуя даже учениц-женщин, и оскверняют святилище памяти мастера. Невеста Ченя находит его на

кладбище, и они строят совместные планы о побеге и о том, как они начнут новую жизнь. Но позже Чень решает, что его долг — отыскать провокатора и отомстить за смерть учителя.

Ло Вэй, который опять режиссировал фильм, играл также следователя на судебном процессе Ченя. Тем временем японская школа проводит прием в честь приезда русского борца (Боба Бэйкера), который счел необходимым покинуть свою страну. Ухмыляясь танцовщицам и заливаясь саке, они оскорбляют китайского коллаборациониста, господина Ву, который уползает с вечеринки пьяный в стельку. На улице он, пошатываясь, подходит к рикше, которым случайно оказывается прячущийся под видом рикши Чень. Чень поднимает тележку вместе с севшим в нее пассажиром в воздух на несколько футов в высоту и выслушивает признание о том, что приказ об убийстве учителя был отдан Сузуки, главой японской школы. Перед смертью Ву, хныкая, произносит еще ужаснее переведенную фразу: «Ну отчего все всегда выбирают меня?», после чего тоже оказывается повешенным на уличном фонаре.

После этого, переодетый в костюм работника телефонной службы, Чень проходит в японскую школу. (То, как Брюс изображал японца, привело китайских фанов в неописуемый восторг). Пробравшись внутрь школы, Чень прорывается мимо мечника и русского борца во внутренний кабинет, где в схватке с Сузуки убивает его, осуществляя месть за смерть учителя.

Вернувшись в свою школу, Чень видит, что там идет настоящая бойня, но когда прибывает полиция, угрожая закрыть школу из-за сильного давления японских властей, Чень выходит из своего убежища и сдается шанхайской полиции с условием, что ученики его школы будут освобождены и честь школы останется незапятнанной.

У ворот школы ряд вооруженных полицейских поднимает на него ружья. С раскрытой грудью, всем видом показывая свое презрение к смерти, Чень бежит прямо на них, взлетая в последнем смертельном прыжке под град пуль своих преследователей.

Как и в случае с «Большим боссом», вторая картина начала сниматься по сценарию, который давал лишь самую общую картину того, как могло бы развиваться действие. Оборудование и материалы в «Голден Харвест» были немногим лучше, чем в Таиланде. Уже ранее напряженные взаимоотношения Брюса с Ло Вэем продолжали ухудшаться. Брюса просто выводило из себя полное отсутствие интереса к работе. Молчаливая терпеливость — не самое выдающееся качество Брюса, и во время съемок стычки с режиссером случались не раз. В Таиланде это не

принесло большого вреда, но теперь, когда Брюс стал местной кинозвездой, а съемки происходили в самом сердце Гонконга, местная пресса не замедлила оповестить об этом публику ядовитыми заметками.

Сам Ло Вэй начал работать в киноиндустрии в 1948 году как актер, а режиссером стал с 1957 года. Он поставил более восьмидесяти дешевых художественных фильмов, большую часть из них для «Шоу Бразерс», перед тем, как Чоу пригласил его в «Голден Харвест». Он не собирался терпеть ситуацию, когда какой-то желторотый начинающий, который делает только второй фильм, рассказывает ему что и как делать. Вскоре эти двое не могли договориться уже ни до чего.

И все же «Яростный кулак» был закончен за шесть недель.

Многие лица, знакомые по «Большому боссу», опять появились на экране. Как и предыдущий фильм, «Яростный кулак» был сделан за 100 000 долларов. Большая часть бюджета была потрачена на устройство двух японских зданий и садиков с мостами и прудами. Неделю съемки проходили в близлежащем парке. Там Ло Вэю пришлось удовлетворить требования местной уличной банды, чьи заправилы требовали платы за использование «их участка дороги». Деньги «за защиту» обычно выплачивались к большому раздражению Брюса, которого пришлось удерживать, чтобы он не атаковал мошенников.

На оформление картины было потрачено больше денег, чем в «Большом боссе». Было добавлено музыкальное сопровождение по типу фильмов «спагетти-вестерн». Но самыми интересными были звуки, издаваемые Брюсом в боевых сценах, в которых «кулак» из названия фильма почти имеет свою собственную волю. Хотя за пределами съемок Брюс дрался с молчаливой молниеносностью, в «Кулаке ярости» он издает по-странному прекрасные крики, подобные крикам дикого кота или птицы, которые дополняют его звериную грацию. В версии, продублированной на английский, часть эффекта потеряна из-за смехотворного голоса, дублирующего текст, но, по крайней мере, эти крики — Брюса.

Каскадерные трюки (типа десятифутового прыжка с трамплина в «Большом боссе») опять были включены по настоянию Ло Вэя. Это также отвлекает внимание зрителей от настоящего мастерства Брюса. Сцена, в которой он, переодетый рикшей, поднимает в воздух тележку вместе с пассажиром и держит на высоте нескольких футов, — фантастический подвиг, и это затмевает его реальные возможности, — которые сами по себе почти чудо.

Вдобавок к силе боевых действий Брюса и его криков, выражение его лица несет в себе порой почти силу самой стихии.

Иногда на лице его изображается необыкновенная смесь эмоций: шок от того, что он забрал у кого-то жизнь, экстаз воздаяния мести, сожаление, что все должно быть именно так, странное выражение, которое появляется в его глазах, когда он убивает противника. Однако все эти вещи бледнеют в сравнении с впечатлением, которое произвело новое оружие, примененное Брюсом Ли, — наверное, оно всегда теперь будет ассоциироваться с его именем, — нунчаку. Хотя нунчаку уже появлялось ненадолго в сериале «Зеленый шершень», именно в «Яростном кулаке» они впервые по-настоящему используются в фильме.

Нунчаку — это две короткие палочки из твердого дерева, связанные гибкой цепью или струной. Если схватиться за одну из палочек, то, раскрутив вторую, можно нанести удар с силой до 1 600 фунтов в точке удара. Отдача такого удара не передается палочке, зажатой в руке, благодаря изолирующему действию короткой связывающей струны.

Нунчаку, которые Брюс использует в «Яростном кулаке», легче, чем тяжелое деревянное оружие, обычно используемое для поединков. Эти более легкие «палочки» можно вращать еще быстрее, что только усиливает восторг зрителей. Когда позже свистящий звук рассекаемого воздуха перекрыл дубляж, сцены оказались еще более впечатляющими. Хотя Брюс не был официальным постановщиком схваток, его влияние ощущается сразу, и особенно — в сценах с нунчаку.[14]

«Палочки» появились на белый свет в качестве орудия труда, а не оружия. Первоначально их использовали крестьяне на острове Окинава, расположенном в Южно-Китайском море, при молотьбе риса, — чтобы отделять зерно от шелухи. Когда японцы завоевали Окинаву, они конфисковали все оружие у островитян, чтобы предотвратить месть. Островитяне, люди смешанной крови, живущие на перекрестке нескольких торговых путей, в течение столетий сочетали китайские боевые методы с развитыми в азиатских культурах. И теперь они проявили находчивость, разработав систему борьбы, в которой использовали свои орудия труда в качестве боевого оружия. На острове жило немало китайских семей, в том числе там обосновались и несколько монахов. Окинавские повстанцы уговорили этих монахов обучить их секретам китайского рукопашного боя.

В конце концов японцы обнаружили этот метод и ассимилировали подобные боевые техники в своей собственной культуре. К тридцатым годам двадцатого столетия боевые школы размножились по всей Японии. Этот новый стиль назывался каратэ, в буквальном переводе — «китайская рука», хотя позднее значение было изменено и слово стало значить «пустая рука».

Тот факт, что каратэ, которому было от силы двадцать лет, гораздо лучше известно в Америке, чем кунг-фу, развивавшееся не одно столетие, объясняется тем, что «каратэ» принесли в США военные после Второй мировой войны. То, что каратэ берет начало от шаолиньских монахов, обучивших своему искусству жителей Окинавы, чтобы помочь им сбросить гнет японских завоевателей, не прошло мимо внимания Брюса Ли.

Первые же сцены «Яростного кулака» затрагивают самые глубокие чувства китайского народа. Веками китайцев грабили и эксплуатировали более сильные иностранные державы. Столетия отношения между Китаем и Японией были открыто враждебными, прерываясь регулярными периодами войны.

Япония повинна в территориальном разделе Китая в начале этого столетия, и она продолжала унижать Китай, Гонконг и остальную Азию в течение Второй мировой войны. Чувства часто были спрятаны под приветливыми улыбками для туристов, но глубокая обида на японцев была затаена. Несмотря на годы, проведенные в Соединенных Штатах, Брюс хорошо знал национальные чувства и беззастенчиво сыграл на них. Сам он также получал некоего рода удовлетворение, изображая сцену, где один мастер кунг-фу сметает целую школу каратэистов.

Когда Брюс Ли неспешно переводил взгляд на японских противников и провозглашал: «Эй вы, слушайте меня! Я покажу вам, что мы — не больная нация», публика просто шалела, вскакивая с мест или на сиденья, чтобы громко выразить свое одобрение и восторг.

Еще одна ключевая сцена в концентрированном виде выражает настроение картины: Брюс срывает знак «Собакам и китайцам вход воспрещен» с главного входа в Шанхайский парк и, в прыжке забросив ногу выше головы, разбивает его вдребезги. Это не кинематографическая ложь: такой знак действительно там висел. Вдобавок ко всему этому, он еще побеждает русского борца, которого сыграл Боб Бэйкер, перед тем, как фильм достигнет своей кульминации и Брюс расправится с самураем, убившим его учителя.

К концу показа второго фильма Брюс превратился из превосходного бойца, который на экране умел драться так же хорошо, как и в жизни, в что-то значительно большее. Он сделал то, о чем мечтает каждый политик, — его имя было у всех на устах. Он стал национальным героем.

В первые недели после выхода на экран «Яростного кулака» атмосфера на улицах Гонконга, наверное, напоминала то, что происходило в Англии, когда английская футбольная команда выиграла матч у немцев в финале кубка мира в 1966 году. Это

был не просто выигранный футбольный матч, точно так же происходящее на улицах Гонконга в 1971 году было не просто реакцией публики на увлекательный новый фильм. Это было проявление национальной гордости — триумф над давним врагом. В этом смысле «Кулак ярости» ничем не уступал тому наводнению послевоенных фильмов, вышедших в пятидесятые годы, в которых немцы и японцы изображались не иначе как в виде злобных карикатур.

Брюс нанес ответный удар, заявляя во все горло, что он китаец. Сказать, что публика сходила с ума, не будет преувеличением: он задел нерв, идущий в самое сердце своих соотечественников. Он заменил ощущение неполноценности и сомнения в себе чувством достоинства, самоуважения победителя. И новый герой гонконгских китайцев к их изумлению был китайцем!

За первые четыре недели показа «Яростный кулак» побил рекорды, поставленные «Большим боссом», принеся доход в четыре миллиона гонконгских долларов. На руках билеты стоили до 50 долларов. В Сингапуре показ фильма пришлось отложить на неделю, чтобы дорожная полиция смогла разобраться с потоком людей, спешащих посмотреть фильм. В Филлипинах правительство сняло фильм с показа, чтобы местные кинопроизводители также могли получить какой-то доход.

Хотя вряд ли кто-нибудь на Западе осознавал это, без сомнения, Брюс Ли был самой быстро взошедшей кинозвездой в мире, а вместе с тем и самой желанной собственностью в киноиндустрии. Внезапно оказалось, что он уже не может просто пройти по улице или поесть в ресторане без того, чтобы вокруг него не образовалась толпа поклонников. Если все молодые парни в Юго-Восточной Азии хотели быть похожими на Брюса Ли, то любая девушка, казалось, мечтала о том, чтобы выйти за него замуж. Но не только молодежь оценила уникальное мастерство Брюса. Один пожилой англичанин, одетый в строгий деловой костюм, ответил на вопрос корреспондента после просмотра кинофильма так: «Он ни на кого не похож. Его успех — в его умении двигаться, хореографии и умении выбрать время, в выходе за пределы человеческих возможностей».

Были и не слишком приятные аспекты внезапной известности Брюса, в частности, каждый уличный панк считал своим долгом вызвать Брюса на поединок, мечтая о моменте победы.

Фотографии Брюса Ли ежедневно появлялись в китайских газетах над статейками, вскрывающими его отношения с какой-нибудь местной кинозвездой или выдавая последние подробности в происходящей борьбе с Ло Вэем. Режиссер же принялся теперь

называть себя первым «директором-миллионером», объявляя успех фильмов Брюса своей собственной заслугой. Ло Вэю удалось превзойти все границы возможного доверия: он заявил, что учил Брюса бою при постановке «Большого босса», говоря, что, хотя Брюс и был неплохим уличным бойцом, его пришлось учить, как драться при съемках фильма.

Настоящей правдой было то, что Брюс не только поднял Ло Вэя к его десятиминутной славе, но и единоручно вывел «Голден Харвест» и Рэймонда Чжоу на свет из неизвестности. И теперь Брюс выполнил контракт на две картины для Чжоу и был свободен заключать новый. Продюсеры со всей Юго-Восточной Азии с ног сбивались, пытаясь получить его подпись под контрактом. Люди останавливали Брюса на улице и вручали ему чеки на большие суммы, которые он незамедлительно разрывал в клочья, зная, что, если он поддастся соблазну обналичить хоть один из них, наверняка окажется, что он уже связан обязательствами с каким-либо проектом. Ран Ран Шоу, который всего год назад считал, что 10 000 долларов для Брюса будет слишком много, теперь сделал ему самое быстро выросшее предложение в истории — в двадцать раз больше. Когда Брюс отказался, последовал незаполненный чек. Некоторые продюсеры обещали 10 000 долларов любому, кому удастся просто получить подпись Брюса под контрактом. Один из отдаленных родственников Брюса вдруг почувствовал вдохновение разыскать давно потерянного двоюродного брата. Все это привело только к тому, что Брюс стал очень осмотрительным, — внезапно он понял, что уже не знает, кому можно доверять, а кто хочет его использовать.

Одно было несомненно ясно: Брюс Ли уже не будет наемным работником за зарплату. Он встретился с Рэймондом Чжоу и предложил стать партнерами. Помня, что Ран Ран Шоу все еще поджидает Брюса прямо за поворотом, тот точно прикинул, что половина прибыли вместе с Брюсом — безусловно значительно лучше, чем совсем никакой. Двое партнеров образовали кинокомпанию «Конкорд Продакшинс», в которой Брюс отвечал за творческие решения, а Чжоу решал текущие вопросы.

К сожалению, первым решением Чжоу было предложить Ло Вэю режиссировать новый фильм с Брюсом. Фильм назывался «Тигр с желтой мордой», съемки решено было начать в Японии в январе 1972 года. Опять-таки, никакого сценария не было, и Брюс отказался брать на себя обязательства, пока его не предоставят. Хотя они и прошли через шараду нескольких неудавшихся встреч, посвященных планированию, на самом деле у Брюса не было ни малейшего намерения подпускать Ло Вэя сколько-нибудь близко

к своим картинам, и он уже публично заявлял об этом. Брюс заявил, что хочет писать свои собственные сценарии, хочет сам ставить свои фильмы и хочет также получать долю прибыли от проката фильма, потому что это именно его идеи и именно его появление на экране собирают толпы. Ни один гонконгский актер ранее не осмеливался на такое. Брюс сделал это не потому, что считал себя лучшим писателем или актером в округе, а потому, что не имел никакого доверия или уважения к режиссерам-халтурщикам. Брюс был уверен, что его собственный энтузиазм даст в результате лучший фильм, чем конвейерный метод Ло Вэя.

Когда Брюс начал писать для себя сценарий и готовиться к постановке фильма с предполагаемым названием «Путь дракона», круги стали расходиться по всей гонконговской киноиндустрии. До того как Брюс принял решение сам писать и режиссировать, актеры всегда просто получали свою зарплату и делали то, что им говорили. Не важно, какой доход приносил прокат фильма, только продюсеры видели прибыль; все остальные получали зарплату, и как правило, не очень высокую. А теперь, когда Брюс проторил дорогу, другие ведущие актеры стали требовать лучшей оплаты и условий труда, — и это новое веяние просочилось по всей пирамиде вплоть до технического персонала и съемочных групп. Брюс не только считал, что справедливо, чтобы ответственные за создание фильма люди участвовали в распределении прибыли, он также думал, что это повысит заинтересованность и энтузиазм всех участвующих в проекте, что, в свою очередь, повысит качество производимых фильмов.

То, что фильмы Брюса Ли завоевали международное признание, а гонконгские фильмы стали производиться более профессионально, в большой степени произошло благодаря оживляющему воздействию Брюса на киноиндустрию, чьи методы были устаревшими и поверхностными. Как отметила одна из гонконгских газет, «Брюс — безусловно, ценность для отечественной киноиндустрии, которая является банкротом во всем, кроме количества». Как раз в этот период Брюс давал много интервью и писал статьи для дальневосточной прессы. Если взять все это вместе, можно понять и его устремления, и его проблемы.

Брюсу пришлось отвечать против обвинений в восхвалении насилия за такие сцены, как в «Большом боссе», когда он проламывает противнику голову пилой (сцена была вырезана в британской версии). Брюс объяснял, что то, что он изображает, основывается на фантазии. Настоящее насилие, утверждал он, — это бойня, происходившая во Вьетнаме. Для Брюса проблема состояла в том, что все, что хотел от него его зритель, — это действие, и он воспринимался просто как «супергерой». Брюс

выражал свое сожаление в интервью с «Гонконг Стандарт», что, если бы он действительно выражал то, что хотел, в своих фильмах, аудитория просто не понимала бы его большую часть времени. Он говорил, что стремится к тому, чтобы создавать такие фильмы, которые были бы и серьезными, и философскими, и развлекательными в одно и то же время, — и что хотел бы взять на себя ответственность за повышение культурного уровня своей аудитории.

Брюс видел, что главной проблемой киноиндустрии Гонконга является низкое качество фильмов, отсутствие заинтересованности и профессиональной базы. Он считал, что роли в фильмах в мандаринском стиле переигрываются, а сценарии оставляют желать лучшего. Он сказал в интервью с «Нью Нейшин» (англоязычной газете в Сингапуре), что нередко оказывается единственным человеком, пришедшим на работу вовремя, тогда как остальные подходят с опозданием до часа. Он заявлял, что в дело кинопроизводства он готов вложить столько же энергии, сколько вложил в совершенствование боевого мастерства. Он рассматривал двенадцать лет, проведенных в Америке, как период подготовки и роста. Тем же, кто все объяснял его «удачливостью», Брюс отвечал, что сам создал свою «удачливость», осознавая свои возможности и используя их — и проводя тысячи и тысячи дней в оттачивании своего мастерства.

Ко даже несмотря на то, что Брюс купался в лучах всеобщего внимания, продолжая разъяснять свои намерения и изливать свои устремления прессе (называвшей его «королем Гонконга»), в начале 1972 года ему все-таки пришлось продать дом в Бель Эйр, на который денег уходило больше, чем их успевали зарабатывать. Дом, нуждающийся в некотором ремонте, был продан с небольшой прибылью.

Глава 18. Путь дракона

Брюс Ли сделал два успешных фильма на Востоке, но в своих намерениях он все равно смотрел в сторону Запада. Даже планируя третий фильм, он с беспокойством дожидался решения «Уорнерс» и телесети ABC насчет «Воина». Он так сильно хотел сыграть эту роль, так настроился на нее, что даже сказал друзьям и представителям местной прессы, что дело уже практически улажено.

Но к концу 1971 года интервью, которое Брюс давал канадской телекомпании, показало, что дела шли вовсе не так, как ему бы хотелось. Канадский корреспондент новостей Пьер Бертон, который одним из первых на Западе осознал, что возникло нечто новое, вылетел в Гонконг, чтобы провести интервью с Брюсом.

Бертон: Вы собираетесь оставаться в Гонконге и быть знаменитым или едете в США, чтобы стать знаменитым там?

Брюс: И то, и другое. Я уже решил, что что-то восточное, я хочу сказать — по-настоящему восточное, должно быть показано на американском экране.

Бертон: Голливуд, похоже, так не считает.

Брюс: Ты лучше послушай меня. В Голливуде всегда одно — хвостик крючком, подбежать с этой стороны, заглянуть с той, знаете ли, глазки стыдливо опущены, и все такое прочее.

Бертон: Я хотел бы спросить тебя о проблемах, с которыми ты сталкиваешься, будучи китайским героем в американских сериалах. Говорят ли тебе люди из киноиндустрии: «Понимаешь, мы не знаем, как аудитория отреагирует на неамериканца».

Брюс: Такой вопрос возникал. Фактически, это обсуждалось, и именно поэтому, вероятно, «Воин» не будет пущен в дело…

Они считают, что с коммерческой точки зрения это риск. И я не могу обвинять их… Был бы я человеком с деньгами, я бы сам решал, примет зритель мои фильмы или нет.

Бертон: А как насчет другой стороны монеты: может ли быть так, что для восточной аудитории ты — скажем, достаточно современный и американизированный человек — слишком вестернизирован?

Брюс: За это меня уже критиковали.

Седьмого декабря 1972 года Брюс получил телеграмму из «Уорнерс», которая сообщала, что «в связи с требованиями по поводу актерского состава, он отстранен от дальнейшего участия в съемках телесериала «Воин», переименованного теперь в "Кунг-фу"».

Вот вам действие, разворачивающееся на китайском фоне, с главным героем — китайцем, и одной из причин, приведенных для увольнения Брюса, было то, что он выглядит слишком по-китайски! Были приведены и другие причины: слишком низкого роста, слишком сильный китайский акцент, недостаточно известное имя, чтобы играть в еженедельном шоу, мало опыта. Как признался заведующий отделом телепередач Том Кун, «хотя мы знали, что Брюс Ли хочет играть эту роль, его кандидатура никогда серьезно не рассматривалась».

Двадцать второго февраля 1972 года на экраны вышел «Фильм недели», который был пробным фильмом телекомпании ABC для сериала «Кунг-фу». Соответствующие материалы в прессе объясняли тему сериала:

Квай Чан Кейн, китайский американец, бежавший из императорского Китая из-за обвинения в убийстве, становится супергероем кули, участвующих в строительстве трансконтинентальной железной дороги, благодаря своему знанию древней науки-религии.

«Кунг-фу» показывал историю странствующего шаолиньского монаха, человека, желающего только мира, но способного принести мгновенную смерть. Эта история напоминает знакомую тему: герой пытается любой ценой воздержаться от вступления в бой, пока у него не остается выбора.

Главная роль в сериале была предложена актеру и танцовщику Дэвиду Карредайну (который совсем чуть-чуть был похож на китайца) несмотря на то, что все знание Карредайна о кунг-фу сводилось к тому, что он слышал это название — целых два раза. Фактически, в первых сериях исполнялись приемы дзюдо, поскольку технический консультант Дэвид Чжоу тоже не слишком был сведущ в кунг-фу. В конце концов пригласили нового технического постановщика, Кам Юня.

Джо Левис, кинозвезда каратэ, также тренировавшийся с Брюсом Ли, вспоминает, как выглядела первоначальная идея первых сцен сериала «Кунг-фу», принадлежавшая Брюсу Ли: разукрашенная карета китайского вида въезжает на пыльную мостовую центральной улицы. Местные ковбои подходят рассмотреть, что это такое, и вдруг распахиваются двери и оттуда выпрыгивает человек в костюме кунг-фу. Левис рассказывает, что, когда «Уорнерс» отдали роль Дэвиду Карредайну, Брюс решил сосредоточить силы на Гонконге для начала восхождения к успеху. Точно так же и Клинту Иствуду, и Чарльзу Бронсону нужно было сначала уехать в Европу, чтобы стать кинозвездами, Левис добавляет: «Брюса очень огорчило то, что ему не удалось участвовать в сериале «Кунг-фу». Ему пришлось пережить много

отказов».

Брюс Ли размышлял о сценариях и режиссуре задолго до того, как приехал в Гонконг снимать свой первый фильм для «Голден Харвест». Джо Левис рассказывает, что на протяжении того времени, что они с Чаком Норрисом тренировались у Брюса, он неоднократно говорил про свои идеи для фильмов.

Несмотря на то что Джо Левис и Брюс работали вместе над постановкой боевых сцен в «Команде, потерпевшей крушение», Левис отклонил предложение Брюса о дальнейшей совместной работе. Левис считал, что в задуманном фильме Брюс ставит своей целью показать, что восточный мастер боя сильнее представителя белой расы.

Левис говорил, что Брюс хотел, чтобы он сыграл «большого, сильного, накачанного, голубоглазого, очень американского блондина — этакую боксерскую грушу». На что Брюс отвечал, что проблема была в том, чтобы найти западного бойца (а почти все они были большего веса) с достаточно быстрой реакцией, чтобы поединки с ним выглядели убедительно. Брюс сказал, что предложил Чаку Норрису сыграть эту роль в «Пути дракона» потому, что Норрис — один из немногих бойцов, кто может драться на большой скорости. Брюс заметил, что он работал на своей собственной скорости, потому что боец в меньшем весе, который делает замах быстрее, делает удар такой же сильный, как и боец в большем весе, замахивающийся медленнее.

«А кроме того, — добавил он, — не искать же карликов для поединка».

По-видимому, Джо Левис считал, что мощь сильного и более тяжелого западного бойца возьмет верх над скоростью быстрого и более легкого восточного бойца — и что ему придется играть против этого.

«Брюс знал, что он предлагает мне сыграть в фильме, в котором я должен буду получить по голове от маленького 128-фунтового китайского парня, который ни разу даже не был на ринге», — продолжает Левис.

Краткое замечание матери Брюса показывает, что Джо Левис был не так уж далек от правды. Грэйс Ли вспоминает: «Брюс сказал мне: «Мама, я — человек с Востока, поэтому я должен разгромить всех белых в фильме». Не думаю, чтобы Брюс говорил что-то подобное Чаку Норрису».

Джо Левис и Брюс Ли никогда не вступали в поединок всерьез, так что остается только гадать, каким бы вышел исход такого поединка. Однако Левис признается, как ему удалось выйти победителем из поединка с чемпионом каратэ в тяжелой весовой категории Грегом Бейнсом в Лос-Анджелесе 17 января

1970 года: «Я использовал многое из того, что показал мне Брюс Ли».

Афроамериканский мусульманин, рельефность мускулатуры которого сразу свидетельствовала о годах напряженных тренировок, Бейнс был фаворитом. Когда схватка началась, Бейнс принял традиционную глубокую, широкую стойку каратэка.

Послышались подавленные смешки, когда Левис начал подпрыгивать вокруг него, делая броски вперед и назад и набирая очки против почти неподвижного Бейнса. Каждый раз, когда Бейнс собирался сделать удар ногой, Левис успевал перехватить движение и зажать бьющую ногу, а затем быстро парировал последовательностью ударов кулаком. Когда Бейнс выбрасывал руку для удара каратэ, Левис захватывал бьющую руку с одновременным ответным ударом. Зрители сначала оторопели, а потом пришли в полное изумление.

В следующем раунде повторилось то же самое. Хотя Бейнс все делал правильно согласно традиционным методам каратэ, Левис никаких традиций не придерживался. Его стойка была легкой и подвижной, он отклонял удары, вместо того чтобы блокировать их. Он держал руки высоко, а не низко. И вместо того, чтобы жестко выпрямлять руку в локте — «как железную палку», он быстро наносил хлещущие удары — «как железный мячик на стальной цепочке — УАНГ!» Затем беспрецедентным приемом Левис притворился, что нападает в одном направлении, но потом изменил его и бросил Бейнса на помост.

Левис рассказывает: «Сначала я нанес парню прямой удар рукой, которому Брюс научил меня в джит кюн до, а затем сделал старый боксерский круговой удар правой. На этом матч и закончился».

Никто в аудитории уже не мог оправдать превалирования традиционного каратэ. Некоторые не хотели видеть очевидное и обвиняли Бейнса в отсутствии силы духа, хотя все дело было в применявшейся технике, а не в Бейнсе. Так же как приостановилась карьера чемпиона каратэ, так и самодовольное высокомерие традиционалистов поубавило силу.

В начале 1972 года при подготовке к съемкам фильма «Путь дракона»[15] Брюс купил и прочитал дюжину книг, посвященных всем аспектам кинодела. Ставя необыкновенно высокие требования к самому себе, он намеревался практически сделать весь фильм самостоятельно: писать сценарий, организовывать съемки, режиссировать и играть в нем главную роль; разыскивать места для съемок, набирать актерскую труппу, выбирать костюмы и ставить боевые сцены. В процессе он потерял несколько фунтов веса, набранного с таким трудом.

Сюжет Брюс придумал, основываясь на своих воспоминаниях о переезде из Гонконга в Сан-Франциско в 1958 году и своем опыте работы официантом в ресторане Раби Чжоу. Впервые прибыв в Соединенные Штаты, Брюс купил китайско-английский словарь; теперь он пользовался этим же словарем для перевода нужных слов с английского на китайский, а не наоборот, чтобы объяснить свои идеи ассистентам на собрании по планированию.

«Путь дракона» был первым гонконгским фильмом, снятым в Европе. Бюджет фильма (130 000 долларов) был немного выше, чем у предыдущих фильмов, но производственные издержки были покрыты предоплатой, полученной из Тайваня.

Четвертого мая 1972 года первая группа прибыла в Рим; в нее входили Брюс, Рэймонд Чжоу и Нашимото Тадаси. Брюс нанял оператором японца, считая, что японцы более компетентны в технических вопросах. Тремя днями позже в Рим прибыли ведущая актриса Нора Майо и другие актеры и члены съемочной группы. Они провели девятнадцать часов в самолете, летевшем через Таиланд, Индию и Израиль.

Брюс дал своей группе несколько дней на отдых. Но когда с десятого числа начались съемки, он оказался требовательным режиссером, который предполагал, что все должны прикладывать так же много усилий для создания фильма, как и он сам. В последующие дни они быстро обошли Рим, остановившись для нелегальных съемок под Колизеем. У фонтана Треви они задержались достаточно для того, чтобы Брюс успел бросить монету и загадать желание. Какое — догадаться нетрудно.

Сняв мизансцены, Брюс теперь мог приняться за главное: боевые сцены. Только что он гонял труппу по Риму, снимая до шестидесяти сцен в день, а теперь сорок пять часов снимал одну лишь сцену своего поединка с Чаком Норрисом. Инструкции Брюса по постановке этой сцены занимали почти четверть всего сценария. Как он всегда поступал с боевыми сценами, Брюс просматривал отснятые за день пленки; если находился хоть один неубедительный момент, назавтра вся сцена переснималась заново. Зная, как все это выглядит на пленке, Брюс много времени посвятил тому, чтобы научить актеров играть убедительно.

Ко времени завершения съемок Брюс нашел себе еще одно применение в киноделе: он играл на ударниках при записи музыкального сопровождения фильма.

* * *

В «Пути дракона» Брюс Ли играет такого себе деревенского парня по имени Тан Лун («Китайский дракон»), который покидает

Гонконг и приезжает в Рим. Ожидая, пока его встретят в аэропорту, он заходит в местный ресторан, и его неудачная попытка установить контакт с официанткой заканчивается выполненным заказом на четыре тарелки супа. Потом Тана встречает его двоюродная сестра (которую играет Нора Майо), и по дороге к себе домой она рассказывает ему о своих проблемах. Ей достался в наследство ресторан, но на эту землю предъявляет претензии мафия. Но больше места в сцене уделено проблемам самого Тана, который пытается найти туалет, — что, по-видимому, вызывало взрывы хохота зрительской аудитории в Гонконге.

«Путь дракона» сыгран как комедия. Фильм смонтирован с длинными паузами, учитывающими реакцию зрителей, а звуковое сопровождение прерывается комическими звуками «уа-уа» и ударами в литавры — «бум!». И все же в постановке Брюса выделяются две замечательные боевые сцены и даже один или два отличных урока кунг-фу.

Все официанты в ресторане учатся каратэ, чтобы противостоять головорезам, которые травят их и прогоняют посетителей. Тан приходит на тренировку, где один из официантов (старый друг Брюса Единорог) натаскивает других (в том числе названого брата Брюса Ву Нгана). Начинается спор о преимуществах различных боевых систем. «Не имеет значения, какого происхождения система, — говорит Тан, — главное — научиться ее использовать».

Позже, когда громилы опять приходят запугивать посетителей, Так вступает с ними на улице в схватку. Это производит такое впечатление на официантов, что они уговаривают Тана дать им еще один урок. На этом уроке Брюс делает боковой удар ногой по груше и, точно так же, как в «Лонгстрите», отправляет парня, державшего ее, в далекий полет. Все официанты клянутся бросить каратэ и учиться китайской борьбе.

Дальнейшая конфронтация Брюса и громил разыгрывается в основном, чтобы насмешить зрителя, но есть там и великолепные боевые последовательности, особенно хороши те, где Брюс использует нунчаку.[16] Брюс комически обыгрывает тот факт, что это оружие в неумелых руках может оказаться опаснее для владельца, чем для его противника. Когда одному из итальянских бандитов удается схватить пару нунчаку, он, помня, с какой небрежной грацией держал их Тан, начинает воображать, что он тоже наделен сверхъестественной силой магического меча Эскалибура просто потому, что держит его в руках. Собираясь нанести удар Тану, он сам себя сбивает с ног.

Сколь бы ни был искусен мастер, с пулей ему не совладать.

Фильмы, посвященные кунг-фу, выглядели более правдоподобно на Востоке, где боевые традиции в таких странах, как Гонконг или Сингапур, сочетались с британской традицией в основном безоружной полиции. Большинство населения не имело оружия, потому что не имело к нему доступа, да и просто не за что было его купить. Мужчины сражались, используя для борьбы свое тело, врукопашную, или же традиционное оружие и временные приспособления.

В «Пути дракона» у гангстеров были пистолеты, и Брюс попытался разрешить эту проблему так: Тан вырезает отравленные дротики и с безошибочной точностью стреляет ими в руки гангстеров так же, как это делал Като в первой серии «Зеленого шершня». Эти сцены ничем не лучше других попыток остановить отступление жанра боевого искусства и являются наиболее неправдоподобными эпизодами в фильме. Но то, что происходит дальше, компенсирует все.

Теперь, когда Тан уложил всех местных бандитов, «Крестному отцу» приходится импортировать наемников, которых играет Уон Инь Сик, бойцов в стиле корейского хапкидо и каратэ играют Боб Уолл и Чак Норрис. В западном варианте фильма героя Норриса зовут Кольт. Предложив перемирие, банда заманивает Тана в ловушку. Вот упали наземь первые два противника; внезапно действие перемещается из глубинки в центр Рима, и последний бой разыгрывается под арками Коллизея. Тан и последний из оставшихся врагов, англосаксонец Кольт, сходятся в бою со всем достоинством и формальностью, присущими самурайским воинам. Крошечный котенок — единственный свидетель этой сцены. Опять-таки, есть комические моменты, когда, например, Тан сдирает пучок волос с оголенной груди Кольта, но надо сказать, что это, вероятно, лучшая боевая сцена, снятая Брюсом Ли. Хотя Брюс очень старался, чтобы эта схватка не выглядела односторонней, каким будет ее исход, сомнений не возникало.

В первой половине сцены Кольт близок к победе. Несколько раз он сбивает Тана с ног, изо рта Тана появляется струйка крови. Поворотным становится тот момент, когда Тан ускоряет свой ритм ног, а Кольт следует за ним, не осознавая, что инициатива перешла к Тану и теперь он диктует скорость. Тан поднимается на ноги и отпрыгивает назад, и вдруг начинает танцевать и двигаться как Мухаммед Али. Озадаченный Кольт, привыкший к более зажатым техникам каратэ, не знает, как реагировать. Бой далее развивается очень похоже на то, как это было с Джо Левисом и Грегом Бейнсом. Тан обрушивает невероятно быструю комбинацию ударов на Кольта и начинает теснить его. У Кольта

сломаны рука и нога, но он опять поднимается на ноги, чтобы продолжать борьбу. Тан опускает взгляд на разбитую ногу Кольта, как бы говоря: «Послушай, зачем тебе что-то доказывать? Остановись, пока это возможно». Но воинский кодекс Кольта оставляет ему только две возможности: победа или смерть. На лице Кольта возникает какое-то подобие улыбки — он принимает свою судьбу. Он наносит последний шквал ударов, и в конце Тан ломает Кольту шею. На лице Тана появляется странное выражение сожаления. Он осторожно опускает тело Кольта на землю и, выражая свое уважение, кладет куртку и черный пояс Кольта поверх его тела.

Побеждая Норриса на фоне величайшей арены Западного мира, Брюс опять-таки показывал своим зрителям именно то, что они хотели видеть. Но он осознавал, какие чувства он затрагивает, и старался включить и другие послания. То, как он отдает дань чести только что убитому противнику, соответствует одному из принципов воинского кодекса: к сильному противнику относиться с уважением.

Брюс Ли говорил своим друзьям, что «Путь дракона» станет хитом в мандариноязычном округе, но что на Западе он не собирается его показывать. Герой Брюса намного мягче, и его стрижка (зачесанная вниз с подчеркнутыми баками) делает его вид почти эльфийским. Легкий юмор, от которого восточная аудитория просто корчилась от смеха, возможно, не очень изыскан. Но сценарий Брюса основывался на настоящем понимании души китайского народа, и постепенно герой сбрасывает свою поверхностную наивность, обнажая свое истинное лицо героя.

Под недоверчивый хор гонконгской прессы Брюс предсказал, что кинокартина принесет пять миллионов долларов. Подергивая головами от изумления, журналисты также выказывали некоторое раздражение. Одно только прославление успеха Ли было для них малоинтересно, им нужны были недостатки.

Честно сообщая о новой вехе в карьере Брюса, пресса была более обеспокоена тем, с кем же он все-таки спит.

Семья Брюса теперь переехала из маленькой квартиры по Мэн Ван-роуд в один из немногих отдельных двухэтажных домов в Гонконге по Камберленд-роуд, 41, в районе Коулун Тонг.

Хотя дом на одиннадцать комнат воспринимался бы как что-то обычное в Беверли-Хилс, для Гонконга это был настоящий дворец. К большому дому вели ворота из кованой стали, его окружала восьмифутовая каменная стена, скрывавшая большой японский сад, по которому меж деревьями протекал и вливался в пруд с золотыми рыбками ручей, над которым возвышался

украшенный орнаментами мост. Из окна большой комнаты, в которой Брюс установил аудиоаппаратуру, открывался вид на этот сад. В доме было достаточно места, чтобы Брюс мог разместить там и свою огромную библиотеку, и полностью оснащенный гимнастический зал.

Брюс заменил красный «порше», который пришлось оставить в Лос-Анджелесе, новым красным 350-сильным мерседесом, вероятнее всего, это тот же мерседес, который появляется в последних кадрах «Пути дракона». И когда он наконец опять смог носить любимые шелковые костюмы, пресса единодушно провозгласила его «Самым безвкусно одевающимся актером года».

Новый дом появился как раз вовремя. Он стал для Брюса убежищем, — это было единственное место, где он мог наслаждаться относительным спокойствием и уединенностью. Несколько лет назад он любил устраивать импровизированные демонстрации кунг-фу на танцах, отжимаясь на одном пальце, чтобы привлечь внимание зрителей. Теперь же, чтобы просто поесть в ресторане, ему приходилось выбирать столик в углу и садиться спиной ко всем в надежде, что его не заметят. Но стоит официантам начать обслуживание, как вскоре уже выстроится очередь требующих автографы и задающих знакомые вопросы людей. Когда Брюс будет выходить из ресторана, на улице его уже будет ожидать толпа толкающихся фотографов из отдела новостей. И если он выразит хоть какое-то неудовольствие, заголовки газет на следующий день будут кричать о его высокомерии и плохих манерах.

Конечно же, у этой монеты две стороны. Брюс говорил, что теперь он понимает, почему такие звезды, как Стив Мак-Куин, избегали появляться в публичных местах, и сожалел, что не может больше вести нормальную жизнь. И все же, вспоминая свою давнюю «клятву» сделаться более знаменитым, чем Мак-Куин, Брюс не мог удержаться от сравнения себя со старым соперником.

Давление, которое испытывает быстро взошедшая кинозвезда, — стандартное клише в шоу-бизнесе, но это давление достаточно реально. Если другие люди становятся отшельниками или окружают себя телохранителями, в случае с Брюсом возникло другое противоречие. С одной стороны, реакция публики и ее признание приносили ему удовлетворение, а с другой стороны, он уже не имел возможности заниматься совершенствованием своего искусства так, как он делал это раньше. Поверхностная социальная жизнь знаменитости его не интересовала. Этот парадокс проявился на одном из приемов, когда Брюса не узнал гость: со здоровой дозой насмешки над самим собой он протянул

руку, объявляя: «Брюс Ли, кинозвезда».

Старые финансовые проблемы перестали доставать, зато появились новые, делая ситуацию серьезнее, чем когда-либо.

Продюсеры делали крупные предложения, — как правило, много шума и мало реальных ресурсов для их подкрепления, для продюсеров это просто был способ повысить собственный престиж и сделать себе бесплатную рекламу в прессе, «Чайна стар», дешевая гонконгская ежедневная газетенка, печатала сериал, «написанный» Ип Чунем, сыном Ип Мана, который одно время тренировался вместе с Брюсом Ли. В статье приводились слова Ип Чуня о том, что он видел, как Брюса свалил на землю противник на тренировке. Хотя вряд ли кто-то всерьез может ожидать от Брюса, чтобы он был абсолютно непобедим в тринадцатилетнем возрасте, тон статьи так огорчил Брюса, что он разыскал Ип Чуня и спросил его, действительно ли он говорил то, что напечатано. Ип Чунь отрицал все и говорил, что все это дело рук неизвестного автора. Владелец «Стар», прожженный австралиец по имени Грэхэм Дженкинс, проинформировал должным образом своих читателей о том, что Брюс угрожал осведомителю газеты, и Брюс подал на газету в суд. Куда бы он ни шел, за Брюсом следовали фотографы и репортеры, готовые раздуть сенсацию, пользуясь малейшим предлогом.

А вот простые поступки Брюса, выражающие его внимательность к другим людям, — об этом газеты сообщить не позаботились. Вот пример этого — рассказ Боба Уолла:

Мы оба с Брюсом носили контактные линзы, и когда боевые схватки происходили в пыли, дело было в итальянской деревне, линзы все время засорялись. У Брюса был очень хороший лосьон для глаз, и благодаря ему мы успешно провели все поединки. Уже перед посадкой на самолет обратно в Штаты я увидел какое-то движение перед залом ожидания, собралась толпа. Из красного «мерседеса» вышел Брюс, а через несколько минут он появился в зале ожидания. В аэропорт он приехал специально для того, чтобы вручить мне целую упаковку этого лосьона в качестве подарка.

* * *

Брюс Ли никогда не руководствовался только соображениями богатства или статуса. Бомбардируемый приглашениями вручать или принимать всевозможные награды и призы, он предпочитал посвятить это время чтению или тренировкам.

Ни слава, ни деньги сами по себе не являются целью, это лишь побочный продукт хорошо выполненной работы. Самое главное, что давали деньги Брюсу, — независимость, возможность

жить согласно собственным принципам.

Как учитель боевого искусства, Брюс сохранил принципы, которые не позволяли ему превратить свое искусство в просто коммерческое предприятие. Он старался применить те же принципы и к созданию своих фильмов. Вряд ли гоняющиеся за ним продюсеры понимали принципы, которыми он руководствовался. Они просто пытались заманить его на свои съемочные площадки обещаниями больших денег.

Но так же как слава — побочный результат того, что ты — лучший, так и богатство — естественный результат работы, выполненной с полной отдачей. Для Брюса самым главным оставалось качество его работы, и хороший плотник из киностудии получал от него больше уважения, чем такой халтурщик-режиссер, как Ло Вэй.

По следу трех удачных фильмов Брюс Ли планировал запустить еще один фильм — с участием известнейших мастеров боевых искусств мира, отчасти потому, что хотел привлечь своих друзей и отдать дань уважения своим учителям и ученикам.

Фильм «Игра смерти» должен был стать венцом его успеха.

Глава 19. Игра со смертью

Когда Брюсу Ли предоставилась возможность встретиться с баскетболистом-гигантом «Большим Лью» Элсиндором, он подпрыгнул от радости! Его ужасно интересовало «решение проблемы» ведения боя с человеком, чей рост превышает два метра десять сантиметров. После их встречи в 1967 году Большой Лью стал одним из «звездных» учеников Брюса. Он больше известен под именем Карим Абдул Джаббар, которое он принял при обращении в ислам. В качестве центрового «Милуоки Бакс», а позднее «Лос-Анджелес Лейкерс», Джаббар стал одним из самых известных баскетболистов.

По окончании съемок «Пути дракона» вымотанный Брюс собирался немного отдохнуть. Однако услышав, что Джаббар находится в Гонконге, он быстро спланировал несколько сцен боя, которые можно было бы включить в «Игру со смертью».

Целую неделю они провели за спарринговом и съемкой сцен боя.

Для придания убедительности действию Брюс отрабатывал один из ударов ногой около трехсот раз. Результатом его усилий стали несколько интригующие и странным образом элегантные кадры боя Брюса с гигантом, возвышающимся над ним на два фута (60 см).

Сценария «Игры со смертью» еще не существовало, но у Брюса уже сложилось достаточно четкое представление о сюжете, чтобы извлечь пользу из встречи с Джаббаром. Начало фильма виделось ему ясно:

В первых кадрах мы видим обширную равнину, занесенную снегом. Затем камера приближается к группе деревьев, и экран заполняет звук сильной вьюги. На первом плане появляется огромное дерево, обильно занесенное снегом. Внезапно раздается громкий треск, и огромная ветка падает на землю. Она не смогла уступить давлению снега и сломалась.

Затем камера перемещается на иву, согнувшуюся под напором ветра. Она выживает, так как приспосабливается к окружающим условиям. Это подразумевает, что человек должен быть гибким и уметь приспосабливаться, иначе он будет уничтожен.

Дальнейшее развитие сюжета складывалось в воображении Брюса после того, как он побывал на северной границе Индии и увидел храмы Непала. Украдено некое национальное сокровище и спрятано на верхнем этаже пагоды, находящейся на острове у корейского побережья. В качестве главного героя Брюс Ли должен

отыскать и вернуть сокровище. Снаружи пагода охраняется бандой бойцов под руководством громилы, тогда как внутри каждый этаж охраняется мастером одного из боевых искусств. Эта пагода является, по сути, школой различных боевых искусств; каждый этаж отведен определенному виду боя. Первый этаж — каратэ, второй — хапкидо, третий — кунг-фу, четвертый — эскрима и так далее. Самый верхний этаж охраняется гигантом, который сражается непредсказуемо, без каких-либо правил. Схватка Ли — мастера «всего сразу» — с Джаббаром—мастером «без стиля» — должна была стать кульминацией сюжета. Здесь все правила отбрасываются, и каждый целиком полагается на свою хитрость и природные, врожденные боевые способности. Именно эта сцена, названная «Храм Неизвестного», и была уже отснята.

Брюс Ли намеревался сделать компетентность и качество визитной карточкой этого фильма. Он задумал собрать вместе самых талантливых бойцов и уже предложил Дэну Иносенто роль хранителя одного из этажей. Дэн Иносенто представлял эскриму — древнее филиппинское искусство палочного боя, — а также ее варианты кали и арнис. Свое название это искусство получило от испанских завоевателей (эскрима по-испански значит «стычка, схватка»), которые быстро поняли его эффективность и запретили его. В северной части Филиппин это искусство было замаскировано в виде танца и так сохранилось. На юге, где коренные мусульмане изгнали европейцев, оно процветает и по сей день.

Брюс отправил Иносенто билет «Чайна Эйрлайнз», и тот прилетел, как только смог сделать перерыв в своем расписании.

Линда встретила его в аэропорту Кай Так — Брюс не мог туда поехать из-за толп, которые неизбежно образовались бы при его появлении. Пару дней они отрабатывали движения, пользуясь видеокамерой для немедленной проверки — техника, впервые испытанная Брюсом в дни «Зеленого шершня». За несколько дней они разработали основу для боя эскрима, который был назван «Храм тигра».

В этом эпизоде использовались три вида оружия. Сначала мастер эскрима сражается двойными палками, а Брюс — китайским бако, тонкой бамбуковой палкой. В начале боя Иносенто выстукивает своей палкой традиционный вызов. Брюс в насмешку отвечает условным стуком почтальона — «рат-тат-та-тат-тат». При помощи бако Брюс разоружает эскрима, и для последнего, смертельного боя они выбирают нунчаку. Как пользоваться этим оружием, Брюсу объяснил Дэн Иносенто, однако кадры конечного варианта этой сцены свидетельствуют о том, что Брюс овладел нунчаку лучше своего учителя.

Дэн Иносенто вспоминает, что показал Брюсу несколько базовых техник эскрима еще в 1964 году, вскоре после их первой встречи. Тогда это не произвело на Брюса особого впечатления, и Иносенто больше не вспоминал об этом. Во время этой встречи в Гонконге Брюс поделился с Иносенто тем, что ему нравится и что не нравится в эскрима. Иносенто продолжает:

Я был поражен, когда в один прекрасный день он взял в руки палки и сказал: «Ладно, теперь я покажу тебе, что буду делать». Я пристально за ним наблюдал, и безо всякого опыта или тренировки он продемонстрировал стиль эскрима, о существовании которого вряд ли догадывался сам. Я изумленно воскликнул: «Эй, это же ларга мано!» Брюс ответил: «Не знаю, как это называется, но это мой метод».

Дэн Иносенто добавляет, что «Игра со смертью» должна была проиллюстрировать ту же идею — что настоящий мастер боевых искусств должен превосходить традицию. В то время как на Иносенто было традиционное мусульманское одеяние и головная повязка, Брюс был одет в современный желто-черный спортивный костюм. «Брюс хотел показать, как воображение становится выше традиции», — сказал Иносенто, Тогда как в съемках «Пути дракона» Брюс Ли наслаждался импровизацией, в «Игре со смертью» он решил обратиться к «старому стилю». Он даже извлек преимущество из отдельного озвучивания фильма, иногда крича актерам свои указания во время съемок, словно режиссер немого кино.

Планируя сцены схваток, Брюс забывал об отдыхе. Сцена третьего боя была снята с участием Ци Хонь Чжоу, обладателем седьмого дана в корейском боевом искусстве хапкидо, где, как и в тайквондо, основное внимание уделяется работе ног. После съемок этой довольно жесткой сцены кореец заявил, что больше не желает сниматься ни в одном фильме вместе с Брюсом Ли. Тогда Брюс Ли нашел другого мастера хапкидо, Анжелу Мао.

Брюс также планировал пригласить мастера шотокан-каратэ Юн Цзэ, вероятно, на роль громилы, который первым вступает в схватку с главным героем перед пагодой. Он также собирался привлечь других мастеров боевых искусств, в том числе Бон Инь Сика (из «Пути дракона»), Джеймса Тьена (из «Кулака ярости»), выдающегося мастера таэквондо Джуна Ри, а также Хун Кам По, Чака Норриса и Боба Уолла.

Брюс собирался также пригласить актрису Бетти Тинпей и австралийского актера Джорджа Лэйзенби. Ни Брюс, ни тем более сами актеры не имели ни малейшего представления о характере будущих ролей. К Лэйзенби, как и к Брюсу, слава пришла за одну ночь — из актера, снимавшегося в рекламе конфет, он

превратился в актера, который заменил Шона Коннори на роли Джеймса Бонда в фильме «На тайной службе Ее Величества». Однако успех Лэйзенби слегка потускнел с падением интереса к Бонду и его карьере. К счастью, этот фильм только появился в Гонконге, и Лэйзенби выбрал наилучшее время постучаться в двери Рэймонда Чжоу.

В этот период Брюс также связался с Таки Кимура. Говорит Таки:

Он послал мне авиабилет до Гонконга, чтобы я прилетел сниматься в «Игре со смертью». Я сказал ему: «Ты же знаешь, какой я неуклюжий. Я тебе не нужен. Сделай мне одолжение — мне не нужны ни слава, ни деньги. Я счастлив знать, что у тебя все хорошо», Он ответил: «Я — режиссер и продюсер, поэтому в моих фильмах все смотрятся хорошо». Я сказал: «Тогда я, наверное, не смогу отказаться».

Уже более серьезно Таки добавляет: «Я увидел чувство в том, что он делает. Однако в октябре вот-вот должен был пойти бизнес, который я основал, поэтому я не мог отправиться в Гонконг. Потом позвонила Линда и сказала, чтобы я не беспокоился, так как что-то изменилось и съемки «Игры со смертью» откладываются».

В то время у Таки были ужасные личные проблемы, которые опустошили его эмоционально и поставили на грань самоубийства.

За месяц я потерял двух братьев, а потом меня оставила жена. Брюс сказал: «Таки, я не был знаком с твоей женой, но когда-то я дал тебе совет. Для решения проблемы ты должен предпринимать все, что в твоих силах, но в определенный момент ты должен попросту пойти дальше». Я потерял все — когда люди говорят тебе подобные вещи, в них обычно мало убедительности, но когда слышишь это от Брюса…

В какой бы точке земного шара ни находился Брюс, он всегда звонил, чтобы поддержать друга словами: «Иди дальше, Таки. Просто иди дальше».

Когда старый друг Брюса Дуг Палмер снова оказался в Гонконге, в этот раз с женой, ему в конце концов удалось найти Брюса через «Голден Харвест», где он оставил ему сообщение. В своих записях Палмер вспоминает:

Через пять минут зазвонил телефон в нашем номере отеля.

«Ты, чертяка, — заорал Брюс мне в ухо. — Что ты делаешь в Гонконге?»

Он и Линда заехали за нами и забрали с собой в большой дом, в котором еще велись отделочные работы, в привилегированном районе города Коулун Тонг. Дом был обнесен

высокой стеной, усеянной поверху битым стеклом и шипами.

Слава имеет свою цену. Его дети охранялись по дороге в школу и обратно, чтобы их не похитили. Когда моей жене, Норико, понадобилось в туалет, Брюс вытащил огромную связку ключей, так как ванная комната запиралась на замок — очевидно, он держал все комнаты в доме закрытыми, чтобы рабочие ничего не украли.

Пока мы были в его доме, Брюс просмотрел почту и обнаружил письмо от своего старого друга Джеймса Ли из Окленда.

Я видел, как он хмурился по мере чтения, затем услышал, как он шепнул Линде послать Джону пятьсот долларов. Позже Брюс сказал мне, что Джеймс умирает от рака.

Потом мы поехали ужинать. Когда мы останавливались на светофоре, люди на тротуаре или в соседних машинах начинали таращиться на Брюса. Ресторан был заполнен, и у нас не был заказан стол, однако место нам нашли очень быстро.

Я не уверен, что кто-то еще был в тот вечер обслужен в этом ресторане, так как все официанты вертелись вокруг нашего стола.

На следующий день мы посетили киностудию, где велись съемки «Игры со смертью». Недавно Брюс привозил в Гонконг Карима Абдул Джаббара для съемок финальной сцены, которая очень напоминала битву Давида с Голиафом. Брюс ужасно радовался, что эта сцена удалась, в отличие от другой, более недавней, в которой он встретился с мастером из Кореи и был весьма разочарован уровнем его подготовки.

Брюс также рассказал нам несколько историй, приключившихся с Каримом. По прибытии в Гонконг Карим изъявил желание «встретиться» с какой-нибудь женщиной. Брюс попытался организовать эту встречу. Когда девушка появилась и увидела Карима, она наотрез отказалась от продолжения знакомства. Никто не предупреждал ее о размерах Карима.

Карим очень разозлился. «Знаете, он очень чувствителен, когда речь заходит о его весе», — сказал, посмеиваясь, Брюс.

Когда Брюс вернулся в Гонконг в 1970 году и объявил о возможности съемок фильма с «Шоу Бразерс», его друг детства по прозвищу Единорог выступил посредником. Сейчас Единорог попросил Брюса помочь с постановкой сцен схваток в его фильме с очень скудным бюджетом, который он собирался назвать «Ладонь единорога» (или «Кулаки единорога»).

Брюс всегда старался помочь друзьям. Однажды он уже дал Единорогу роль главного официанта в «Пути дракона» и теперь опять согласился помочь другу.

В мае 1972 по просьбе кинокомпании «Синь Хои» Единорог

встретился с ее представителем Тан Ди в отеле «Пенинсулар». Компания решила подключиться к производству внезапно ставших популярными фильмов о боевых искусствах. Тан сдержанно намекнул Единорогу: «Откровенно говоря, ваше имя, конечно, никого не заинтересует; но если вы привлечете «кое-кого», кто сможет вам помочь, фильм не только будет продаваться, но и соберет огромные деньги». Короче говоря, привлечение к фильму Брюса было условием того, что Единорогу достанется в нем главная роль. Когда Единорог выложил это Брюсу, он не ожидал, что тот согласится. Однако Брюс ответил, что, хотя он понимает, что ею используют, он все же поможет Единорогу. Когда Брюс появился на презентации фильма в отеле «Мирамар» в Коулуне, он привлек к себе все внимание так, что даже вынужден был попросить фоторепортеров не забывать Единорога.

Съемки фильма начались в августе 1972 года. Вскоре стало очевидным, что Единорогу не по силам исполнять главную роль, и Брюс вновь пришел на помощь другу. Параллельно с постановкой боев Брюс также предложил несколько идей по сценарию, проведя целый день за пультом во время съемок.

Когда вскоре фильм появился в прокате, Брюсу Ли в нем было отведено главное место. Он был объявлен не только консультантом по боевым искусствам, но и ведущим актером. Кадры, на которых Брюс работает за пультом и репетирует с актерами, умудрились вставить в новую сюжетную линию. В ответ Брюс мог только подать иск против злосчастного проекта. Хотя Брюс после этого продолжал видеться с Единорогом и обучать его актерскому и боевому мастерству, он был разгневан и огорчен инцидентом, который подорвал его доверие и усилил его подозрительность.

Статус суперзвезды делал Брюса уязвимым для различных посягательств. Он обнаруживал свое имя в качестве подписи на товарах, о которых он никогда не слышал. Приписываемые ему отзывы цитировались для рекламы фильмов, которых он никогда не видел. Продюсеры рекламировали свои предложения Брюсу Ли на страницах гонконгской прессы, рекламируя свои имена связью с именем Брюса, пусть даже иллюзорной. Перемены настигли его так быстро, что нормальная жизнь стала больше невозможной. Он мог, проснувшись рано утром, найти в газетах обрывки своего вчерашнего разговора в ресторане.

Пресса становилась все более смешной в своих преувеличениях.

В Соединенных Штатах Карим Абдул Джаббар купил дом, чьи предыдущие жильцы недавно были убиты; первая полоса одной

из гонконгских газет возвещала: «ИМЯ БРЮСА ЛИ СВЯЗЫВАЮТ С МАССОВЫМ УБИЙСТВОМ».

* * *

В шестидесятых годах зрителям наскучили музыкальные эпосы Шоу, и они стали смотреть фильмы про самураев. Следуя спросу, Шоу переключился с музыкальных фильмов на кровавые. Но вскоре и самурайские фильмы пришли к своему концу, который ускорили речи Джу Эньлая, направленные против японского империализма.

Шоу предпринял очередные меры. За отсутствием ковбойских или самурайских традиций, он решил возродить фильмы на основе кунг-фу, начав с «Китайского боксера» — завораживающей комбинации патриотизма, тайных обществ и динамичного сюжета. Следующим был «Король бокса» (американское название: «Пять пальцев смерти»), который собрал около четырех миллионов долларов за первые одиннадцать недель проката в Штатах. За этим фильмом сразу же последовали «Убийца» и «Новый однорукий фехтовальщик» с Ван Ю в главной роли, который вышел за пределы азиатского рынка и стал популярным по всему миру. Пресса Гонконга назвала Шоу «мистером Кунг-фу».

Ван Ю был суперзвездой кунг-фу, сломав контрактную систему Шоу и нанимаясь только на условиях отдельной оплаты за каждый фильм. Он стал первым китайским актером, который мог потребовать двадцать тысяч долларов за фильм. Но зрители быстро поняли, кто является подлинной звездой этого жанра. По иронии судьбы, дверь его основному и более удачливому сопернику также открыл Шоу. Вскоре в «Ньюсуик» появилась заметка со следующим заголовком: «Брюс Ли — яркая звезда, всходящая на Востоке». Журналист «Лос-Анджелес таймс» Роберт Элегант также посвятил Брюсу статью. Рэймонд Чжоу не терял времени, налаживая сбыт.

Единственным напоминанием о прошлых трудностях в жизни Брюса были сломанные очки, которые он хранил в своем офисе на киностудии «Голден Харвест» в память о временах, когда у него не было денег на их починку. Это были те самые очки, которые он носил как часть костюма телефониста в «Кулаке ярости». Теперь Брюс Ли достиг того, чего еще не удавалось достичь ни одному актеру, не говоря уже о китайских.

Потенциально он был наиболее высокооплачиваемым актером в мире; он мог работать в Европе, Соединенных Штатах или Азии и являлся партнером в собственной кинокомпании. Он был завален предложениями, которые продолжали приходить

ежедневно. Кинопродюсер Карло Понти послал Брюсу из Италии каблограмму, в которой предлагал «неопределенно крупную сумму» за съемки в фильме с женой Понти, Софи Лорен. Венгерский продюсер предложил ему два миллиона за два фильма о кунг-фу. Брюс даже отклонил предложение «Метро-Голдвин-Майер» снять картину с Элвисом Пресли — король кунг-фу вместе с королем рок-н-ролла.

Страшно даже подумать о возможности совместной работы Брюса и Элвиса — к тому времени певец напоминал скорее туго набитую тренировочную сумку, чем мастера боевых искусств, которым он мог бы стать. Элвис начал заниматься каратэ во время пребывания с армией США в Германии в 1958 году.

Вернувшись в Америку, он продолжил обучение, сначала с Бобом Уоллом и Чаком Норрисом, а затем с Эдом Паркером.

Элвис перешел к Эду, так как Уолл и Норрис отказывались присуждать ему степени и сражаться с его пассивностью. Эд Паркер был сговорчивее, продвинув Элвиса до черного пояса восьмой степени. Это так обрадовало певца, что в порыве великодушия он подарил Паркеру пятьдесят тысяч и новый «кадиллак». Так как Элвис был самой большой знаменитостью, когда-либо надевавшей костюм для каратэ, в кругах каратэ сочли это полезным для бизнеса и были счастливы ублажить непомерное честолюбие певца.

Боб Уолл и Чак Норрис продолжали тренировать жену Элвиса Присциллу. «Мы тренировали ее до получения зеленого пояса, — говорит Боб Уолл. — Хотя он официально имел черный пояс высокой степени, Присцилла могла бы запросто отлупить Элвиса».

Подлинность заслуг Элвиса в таэквондо также подлежит сомнению. Подарив своему инструктору-корейцу новую машину и пятьдесят тысяч долларов для основания школы (которые инструктор тотчас потратил на новый дом для себя), Элвис получил черный пояс седьмой степени. Вскоре певцу даже удалось постичь нефизические аспекты боевых искусств, и, в то время как другие продолжали грубо тренироваться, Элвис мудро наблюдал за ними, поглощая очередной гамбургер и медитируя на внутреннем покое, доставленном перкоданом и демеролом. К тому времени Присцилла сблизилась с очередным мастером каратэ Майком Стоуном.

В это же время в Голливуде киностудия «Уорнер Бразерс» наконец решилась предпринять совместный проект с Брюсом Ли. Дальнейшие съемки «Игры со смертью» были прерваны предложением, ради которого Брюс работал многие годы: главная роль в американском фильме и полное руководство всеми

сценами схваток в нем.

В дни визита Никсона в Китай в Америке наблюдался подъем интереса к азиатской культуре. Глава азиатского отдела сбыта «Уорнеров» Ричард Мэй решил, что настало время для масштабного показа фильмов о кунг-фу. Вместо того чтобы платить деньги Ран Ран Шоу за его фильмы, Мэй предложил оригинальный проект, сказав, что у него есть парень по имени Брюс Ли. Ричарду Мэю с большим трудом удалось убедить руководство «Уорнеров» в перспективности этой идеи, хотя бюджет будущего фильма приблизительно равнялся сумме, которую компания обычно тратила на рекламный эпизод для телевидения. К счастью, президент «Уорнеров», Тэд Эшли, дал свое согласие. Была образована дочерняя компания под названием «Секвойя», а Фред Вейнтрауб и Пол Хеллер были приняты в качестве сопродюсеров.

Прежде чем стать продюсером, Фред Вейнтрауб был владельцем «Биттер энд» — клуба фолк-музыки в Гринвич-Виллидж, Нью-Йорк. Одно время он также был менеджером Нила Даймонда и Билла Косби. В 1969 он пришел на «Уорнер Бразерс» в качестве исполнительного вице-президента и отвечал за создание многих фильмов, среди которых — «Вудсток» и «Клют». Фред Вейнтрауб несколько лет пытался пробить для Брюса главную роль.

«Когда я отчаялся найти роль для Брюса», — вспоминает Вейнтрауб, я посоветовал ему поехать в Гонконг и снять фильм, который я мог бы показать людям. В конце концов он выслал мне пленку с «Большим боссом», и я пошел с ней к Ричарду Мэю, так как он был единственным, кто что-то понимал в этом жанре. Я также устроил закрытый показ для Тэда Эшли, после которого он сказал: «Что ж, попробуй что-нибудь из этого сделать».

Когда Брюс закончил «Кулак ярости», он также отправил его Вейнтраубу. Теперь на киностудии «Уорнерс» наконец поняли, что Фред Вейнтрауб нашел нечто интересное, хотя он вспоминает: «Особого энтузиазма, тем не менее, никто не проявлял, Никто не верил, что это можно сделать».

Сценарист Майкл Аллин взялся написать сценарий фильма о боевых искусствах под названием «Кровь и сталь», а Вейнтрауб отправился в Гонконг, чтобы обговорить условия продюсерского сотрудничества «Секвойи» и «Конкорда». Это вовсе не оказалось простой формальностью, как надеялся Вейнтрауб.

После двух недель в Гонконге у него все еще не было подписи Чжоу на контракте. Хотя проект Вейнтрауба встретил одобрение Брюса, казалось, что ему никогда не удастся поймать двух партнеров «Конкорда» в одном месте и в одно время. Он уже был

готов все бросить, вернуться домой и отозвать проект, но в вечер накануне возвращения в Соединенные Штаты решил сделать последнюю попытку.

В тот вечер ему удалось встретиться с Брюсом и Рэймондом Чжоу в ресторане. После ужина Вейнтрауб заявил Брюсу, что Чжоу был прав, оберегая его, и что ради попытки выйти на международный рынок не стоит рисковать успешной карьерой, которую он сделал в Гонконге. Он добавил, что все это представляет чисто академический интерес так как он понял, что договора не будет. Брюс посмотрел на Чжоу и сказал ему: «Оформляй договор». Чжоу оставалось только улыбнуться в ответ и сказать, что это была прекрасная идея.

В октябре 1972 Брюс Ли и Рэймонд Чжоу полетели в Штаты Для окончательного подписания контракта и встречи с актерами и режиссером будущего фильма. В отеле «Беверли Уилт-шир» Брюс, не успев распаковать чемодан, бросился звонить Стиву Мак-Куину, чтобы сообщить, что он исполняет главную роль в своем собственном, сделанном в Америке фильме. Он сделал это на случай, если Мак-Куину удалось пропустить многочисленные интервью Брюса, в которых он напоминал ему, что теперь так же известен.

Затем Брюс Ли позвонил Стерлингу Силлифэнту. Договор, недавно заключенный Силлифэнтом с киностудией «XX век — Фокс», включал в себя сценарий «Беззвучной флейты». Писатель думал обрадовать этим Брюса, но тот уже забыл свои страдания в Индии и был далек от того, чтобы благословлять наконец начатый фильм. Вместо этого он заявил Силлифэнту, что теперь он стоит миллион долларов и они не могут себе позволить его участие. Он также продолжил, что если бы «Беззвучную флейту» и удалось когда-нибудь снять, то на ней смог бы заработать и Кобурн. Пользуясь теми же словами, что запали ему в душу так много лет назад, он добавил: «А с какой стати я должен таскать его на своих плечах?»

В эпизодической роли фильма «Лонгстрит», которую Силлифэнт написал для Брюса два года назад, персонаж Брюса говорил слепому детективу такие слова: «Как и все люди, ты хочешь научиться выигрывать. Сначала ты должен научиться проигрывать». Брюсу был хорошо знаком вкус поражения. Теперь, даже ценой враждебности одного из немногих людей, который бескорыстно ему помогал, Брюс хотел насладиться победой своих амбиций. После того как недавно отношения с Единорогом приняли странный оборот, Брюс тщательно жег мосты, соединявшие его остров с остальными людьми.

Все ближайшие друзья Брюса принадлежали к периоду его

жизни, в котором он был прежде всего мастером боевых искусств.

Но теперь эти связи либо ослабли, либо исчезли совсем.

Возможно, поведение Брюса объяснялось ударом, который был вызван осознанием того, что Джеймс Ли умирает от «черного легкого» — производственного заболевания сварщиков.

Джеймсу оставалось жить всего несколько недель, и Брюс пригласил его в Гонконг на премьеру своего фильма «Путь дракона», надеясь, что перед смертью он, по крайней мере, увидит город.

Однако Джеймсу Ли не удалось разделить дальнейший успех Брюса. Он умер 28 декабря 1972 года, оставив Брюса эмоционально опустошенным и полностью потерянным. Брюс знал, что большей частью своего успеха обязан именно помощи и поддержке друга. Было время, когда Джеймс Ли был для Брюса отцом больше, чем его родной отец.

Тем временем состоялась премьера «Пути дракона» и превзошла предсказание Брюса, что фильм соберет пять миллионов долларов, — за первые три недели проката он собрал пять с половиной миллионов долларов.

Глава 20. Стань драконом

Ко времени, когда начались пробные съемки фильма, Брюс убедил киностудию сменить название: вместо «Кровь и сталь» — «Появление дракона». Бюджета в пять тысяч долларов вряд ли хватило бы даже на один эпизод голливудского телевизионного шоу, но в Гонконге этого было достаточно для эпической поэмы.

Роберт Клауз, которого наняли директором картины, начал свою карьеру рекламным фотографом на CBS-TV. Два коротких фильма, которые он составил из отдельных фотоснимков, были признаны Академией лучшими в этой категории, но Клауз сделал только два полнометражных фильма к тому моменту, когда Фред Вейнтрауб пригласил его на встречу с Брюсом Ли и Рэймондом Чжоу в конторе «Уорнер Бразерс» в Бербанке. Клауз был не первым, чье знакомство с Брюсом Ли началось с молниеносного удара ногой, не достигающего полдюйма до его носа. По словам Клауза, его пригласили на «Появление дракона» потому, что на Брюса произвела впечатление сцена драки в одном из его фильмов. По словам Фреда Вейнтрауба, «никто, кроме него, не хотел быть директором фильма».

За участие в фильме платили немного, вот почему мир так и не услышал о Рокни Таркинтоне, актере, который из-за низкого гонорара ушел за три дня до того, как им надлежало отправиться в Гонконг. Его быстро заменили чемпионом по каратэ Джимом Келли.

В начале февраля 1973 года, сразу после китайского Нового года, американская съемочная группа любезно сопровождала Брюса и Рэймонда Чжоу в Гонконг. К Клаузу и Вейнтраубу присоединились ведущая актриса Ана Капри, актеры Джим Келли и Боб Уолл, а также сценарист Майкл Аллин, для которого бесплатная поездка в Гонконг была поощрительным призом, компенсирующим его низкий гонорар.

В первый же вечер по прибытии Роберта Клауза в Гонконг Брюс настоял на том, чтобы он пошел с ним в кино и посмотрел один из его фильмов. Брюс объяснил это так, будто он хотел, чтобы Клауз ощутил атмосферу, но на самом деле причина была в том, что, когда они впервые встретились, директор не был хорошо осведомлен о репутации Брюса. Теперь же Брюс просто хотел, чтобы тот знал, с кем будет работать. Хотя это мероприятие было рассчитано на то, чтобы произвести впечатление на Клауза, оно к тому же помогло Брюсу «воодушевиться» для съемок, которые должны были скоро начаться.

В «Появлении дракона» Брюс играет Ли — писателя и

мастера боевых искусств, лучшего ученика Шаолиньского монастыря в окрестностях Гонконга. По сценарию, сильно смахивающему на фильм Джеймса Бонда «Доктор Ноу», Ли встречается с агентом разведки Брэйсвэйтом (его играет Джефри Викс), который приглашает его принять участие в турнире боевых искусств — он должен состояться на зловещем острове, частном владении в международных водах вдали от берегов Гонконга. Задача Ли — разгромить Хэна (Шин Кьен), тоже в прошлом ученика Шаолиня, теперь возглавляющего на острове школу боевых искусств, которая играет роль прикрытия наркобизнеса и проституции. Брэйсвэйт объясняет, что Хэн так боится стать жертвой покушения, что установил металло-детекторы по всему острову, чтобы не пропускать ни единого пистолета.

Это еще один метод решения главной проблемы жанра: какой угодно фильм с кунг-фу за одну секунду может испортить «любой проклятый дурак, способный нажать на курок».

На остров Хэна направляются также Ропер, Уильяме и Парсонс. Ропер (Джон Саксон) принимает участие в турнире в надежде выиграть денежный приз, чтобы выплатить свои карточные долги членам воровской шайки, пригрозившим убить его. Уильяме (Джим Келли) находится в бегах после стычки с двумя простаками-полицейскими, которые его сильно доставали. Ли знакомится с Парсонсом (Питер Арчер) на борту судна, плывущего на остров; Парсонс бросает ему вызов и спрашивает о его стиле борьбы, Когда Парсонс оказывается в маленькой лодке, где его и оставляют тащиться на буксире за катером, он понимает, что Ли владеет искусством «побеждать без поединка».

По прибытии на остров их приветствует Таня, любовница Хэна (Ана Капри). После банкета Таня предлагает женщин всем желающим участникам соревнования. Уильямс берет несколько, Ропер выбирает саму Таню, а Ли приглашает Мэй Линь (Бетти Чан), одну из женщин-агентов Брэйсвэйта, уже прибывшую на место.

Ночью, вопреки приказу Хэна, Ли и Уильяме совершают вылазку. Ли обнаруживает огромное подземное владение, в котором Хэн обрабатывает опиум и содержит своих узников, в том числе молодых женщин, выкраденных и посаженных на наркотики, чтобы потом сделать их проститутками.

На следующее утро, когда начинается турнир, Ропер и Уильяме убеждаются, что, несмотря на ночь удовольствий, у них еще осталось достаточно ци, чтобы победить своих соперников. Боло (Янь Цзы), здоровенный телохранитель Хэна, по его приказу забивает насмерть охранников, которые пропустили «кого-то» в подземные пещеры.

Теперь настала очередь Ли сражаться; его противник — Охарра (Боб Уолл), человек, виновный в смерти сестры Ли. В «обратном кадре» показывают, как его сестра Су Линь (Анджела Мао), во время участия в таком же турнире боевых искусств на острове, подвергается нападению пяти людей Хэна, возглавляемых Охаррой. Оказавшись в ловушке, она закалывает себя насмерть осколком разбитого стекла, чтобы избежать изнасилования.

Несмотря на то что Охарра — сильный боец, Ли берет верх.

Чувствуя свое поражение, Охарра атакует Ли с двумя разбитыми бутылками, но в конце концов Ли убивает его мощным ударом ноги. Затем Хэн дерется с Уильямсом, полагая, что он был одним из тех, кто наткнулся на его владения и сражался прошлой ночью с его охранниками. Хэн побеждает в поединке, убивая Уильямса искусственной рукой со стальными пальцами, которую раньше скрывал. Позднее Хэн пытается принудить Ропера стать связным его организации с Соединенными Штатами, показывая ему, как тело Уильямса, насаженное на крюк, опускают в чан с кислотой.

Ночью, после поимки кобры, оставленной вместо сторожа для очередных незваных гостей, Ли опять идет в пещеры. Он проникает в самое сердце подземного предприятия и с боем пробирается в радиорубку, откуда вызывает Брэйсвэйта. В конце концов он оказывается побежденным и пойманным Хэном.

На следующее утро Ропер дерется с телохранителем Боло и убивает его. Хэн рассчитывает, что Ли и Ропер будут драться насмерть, но его планы расстраиваются, когда Ропер становится союзником Ли. Хэн посылает своих людей убить этих двоих, а в это время агент Мэй Линь освобождает пленников, которые заполняют турнирную площадку и начинают сражаться с людьми Хэна. Хэну удается ускользнуть с поля битвы, и Ли, после погони, настигает его в зеркальном лабиринте. Они вступают в смертельную схватку, и Хэн оказывается пронзенным одним из своих копий. Армии Хэна нанесено поражение, а Ли и Ропер видят, как в небе появляются вертолеты с солдатами, посланные Брэйсвэйтом, и направляются к острову.

Брюса Ли искренне интересовал персонаж, которого он играл в «Появлении дракона». Его волновало, примет ли Запад китайского героя и воспримут ли китайцы этот новый подход.

В то время как в своих ранних фильмах он тоже сражался против гангстеров, занимающихся наркобизнесом, связанных с проституцией и протекционным рэкетом, его «китайские» фильмы рассказывали о преступности на уровне маленькой фактории, предприятия, работающего по потогонной системе, или

ресторана, — преступности, которая была понятна и близка чрезмерно эксплуатируемому, получающему очень низкую зарплату рабочему Гонконга. Брюс уже не мог просто играть наивного парня из села для своих собратьев китайцев. Он должен был выглядеть и действовать как гражданин мира, чувствующий себя как дома и на Западе, и на Востоке. Он уже не мог ни отдавать предпочтение западному стилю за счет своего народа, ни играть так, чтобы выглядеть по-дурацки перед своими соотечественниками.

По словам Роберта Клауза, сценарист Майкл Аллин довольно иронично отзывался об эффекте картины и Брюсу не стоило так волноваться обо всем этом, ведь единственная причина того, что фильм начали снимать, была его дешевизна и уверенность в том, что имя Брюса Ли обеспечит картине успех, компенсирующий расходы киностудии. Аллин добавил, что фильм снимали отнюдь не потому, что он был литературным шедевром. Брюс пытался замять это неудачное начало в совместной работе, но Аллин по-прежнему придерживался своей коварной тактики, внося изменения в сценарий. Зная о том, что Брюсу будет трудно выговаривать некоторые слова, он исхитрился вставить столько букв «р» в диалог Брюса, сколько мог.

Дела шли все хуже, и в конце концов Брюс сказал, что не может и не будет работать с Аллином, и потребовал написать новый сценарий. Писателю уже пообещали поездку в Гонконг, и продюсер рассчитывал, что он просто на несколько дней затаится. Позднее, когда Брюс гулял в своей привычной маскиров ке с бородой и темными очками, он случайно попал как раз на тот самый паром, на котором был Аллин. Среди нескольких миллионов людей в Гонконге они таки встретились. Брюса разозлил этот обман, он думал, что сценариста отправили домой.

Достоинству Брюса был нанесен двойной удар, ведь он был китайцем, для которого потеря лица — это самое худшее, что может случиться.

С самого начала съемок все шло плохо. Самые большие трудности возникли в связи с использованием смешанного состава — американцев и китайцев. Даже самая простая инструкция должна была пройти к тому человеку, которому была адресована, мучительно медленный путь неточного перевода. Недоставало переводчиков, часто не было адекватных китайских слов для английского жаргона или каких-то технических терминов, а также наоборот. Дело еще более усложнялось тем обстоятельством, что люди, делавшие ошибки, случалось, на следующий день просто исчезали со съемочной площадки из боязни потерять лицо.

Методы Гонконга отличались от голливудских методов. Не было надлежащих материалов для оборудования съемочной площадки — некоторые декорации делали буквально из проволоки и глины. «Стальные прутья» тюремных камер были сделаны из отполированных тонких кусочков древесины, потому что здесь часы ручного труда стоили дешевле, чем вся древесина. Пятьсот китайских рабочих построили все из ничего.

Брюс покинул съемочную площадку почти сразу же, как пришел, после стычки с Рэймондом Чжоу. Брюс понимал, что Чжоу пытается утвердиться в роли вдохновителя проекта, что было нелояльно по отношению к нему самому, ведь именно от творческих усилий и способностей Брюса зависело, состоится фильм или нет, и речь шла именно о его карьере. Каждый день между ними возникали столкновения, потому что Брюс чувствовал, что его не посвящают во все дела, касающиеся их партнерства. Чжоу считал, что бизнес — это его часть общего дела, что он не обязан советоваться по всякому поводу, и сказал Брюсу, чтобы тот занимался больше актерской игрой.

Весь проект в целом все больше и больше приближался к провалу, к тому же с каждым днем росло чувство тревоги, что Брюс может уйти из фильма. Время шло, он все не появлялся на съемочной площадке. «Уорнерс» продолжали высылать исправленные версии сценария, перемежая их телеграммами с вопросами, куда же все-таки подевался Брюс.

28 февраля Брюс был снова в своей старой школе св. Франциска Ксавьера и, как почетный гость, вручал призы по случаю Дня спорта. Стоя на платформе, Брюс разделся до пояса, чтобы час-два поиграть мускулами перед своими юными обожателями, смеясь и шутя, довольный, что все проблемы сейчас далеко.

А в это время актер Джон Саксон прибыл в Гонконг, будучи уверенным (и ведя себя соответственно), что это он настоящая звезда картины. Еще раньше он заявил, что его наняли, чтобы придать фильму определенный лоск. Но никогда не было никаких дискуссий по поводу того, кто был настоящей звездой в «Появлении дракона»: началось недельное производство, лицо Брюса Ли было на обложках не менее чем двадцати семи различных журналов, вдобавок к многочисленным напряженностям и неприятностям, которые ему приходилось испытывать. За те годы, что Фред Вейнтрауб был менеджером Нэйла Даймонда и Билла Козби, он видел, как они, после того как их амбиции были удовлетворены, изменились, — на самом деле, как они должны были измениться. «Но Брюс достиг так многого и столь стремительно, — добавил Вейнтрауб, — что это его

пугало».

Брюс Ли был единственным, кто осознавал, что фильм «Появление дракона» был тем самым шансом, ради которого он работал всю свою жизнь. Но ему еще нужно было доказать самому себе (а также Джиму Кобурну и Стиву Мак-Куину), что он был в состоянии реализовать этот шанс, Брюс по-прежнему повторял продюсеру, что он был бы счастлив, если бы «Появление дракона» превзошел фильм, который в это время снимал Мак-Куин. Но прежде всего Брюс хотел обеспечить своей семье средства к существованию. Тяжелые времена могли быть не за горами, деньги за первые две картины были истрачены, как только их получили, в то время как гонорара за «Появление дракона» еще не было.

Всего лишь за два напряженных года Брюс снялся в трех остросюжетных фильмах и начал четвертый, делая практически все в последних двух и выполняя большую часть работы сценариста, постановщика драк и директора первых двух картин. Теперь казалось, что вся его невероятная энергия, вера в себя и мотивация внезапно покинули его. Он даже начал говорить о том, что нужно будет сделать в случае, если с ним «что-нибудь случится». Несмотря на его внушительный вклад как автора сценария, актера и директора, несмотря на его новоиспеченную славу и огромное потенциальное здоровье, Брюс с горечью сознавал, что будущее его семьи ни от чего не зависело больше, чем от его отличной физической формы и несравненных способностей. Неожиданно все стало очень ненадежным.

Тем временем «Уорнерс» прислали еще один новый сценарий. «Это был просто кусок дерьма, — говорит Фред Вагнтрауб, — сплошная философия и никакого действия».

Съемки фильма должны были начаться без Брюса, но Линда постоянно всех заверяла, что в конце концов он появится.

Однако даже в самых простых делах возникали проблемы: снималась маленькая сцена, в которой семь богомолов (специально привезенных с Гавайев) должны были драться до смертельного исхода, но они тоже отказались драться. Тем временем на съемочной площадке возникали настоящие стычки между каскадерами и статистами, которых наняли из соперничавших «кланов» Триад, китайских преступных синдикатов.

Триады уходят своими корнями в шаолиньские религиозные и боевые традиции. Слово «триада» происходит от символа, представляющего соединение неба, земли и человека. Но само общество уже давно сошло со своего пути, точно так же, как и масонство на Западе изменило своим первоначальным целям.

Около 1900 года в Китае произошло восстание с целью ниспровержения господства западного влияния и эксплуатации. Многих бойцов, владеющих кунг-фу (членов секретных организаций, связанных с Триадами), тренировали до уровня фанатизма. Их инструкторы учили их, что они накопили достаточно ци, чтобы стать неуязвимыми для пуль захватчиков. Эти утверждения подтверждали убедительными демонстрациями, на которых в них стреляли из пистолета, заряженного холостыми патронами, и они оставались невредимы. Из-за этих безоружных бойцов конфликт получил известность как Восстание Боксеров. Конечно же, когда эти «боксеры» выступили против британских солдат, стреляющих настоящими пулями, их всех уничтожили. В результате Триады утратили свою мощную базу в Китае, но постепенно взяли реванш на Западе. Они, проникая через Гонконг, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лондон и другие города, организовывали криминальные операции мафиозного характера — рэкет наркотиков, проституцию и охранный рэкет. У Триад всегда имелась своя ложка при каждом денежном котле, в том числе и во многих отраслях гонконгского кинобизнеса.

Ран Шоу, державший информаторов на всех уровнях производства «Появления дракона», был прекрасно осведомлен о том, что происходит во вражеском лагере. Когда он публично заявил о том, что фильм так никогда и не снимут, про себя он очень рассчитывал, что дело идет к краху Рэймонда Чжоу. Ухватившись за возможность посеять раздор, Шоу пригласил Роберта Клауза и Фреда Вейнтрауба на обед в свой роскошный дом, находящийся на территории его киностудии.

Вооруженные охранники в униформе встретили гостей у высоких ворот и сопроводили их по длинной и широкой подъездной аллее. За длинным обеденным столом Шоу отдел на втором месте после своей компаньонки, хитрой Моны Фонг. В числе остальных гостей были актер Уильям Холден, приехавший сюда, чтобы продать киноверсию книги «Тай Пан», а также цензор британских фильмов, читавший морали так же напыщенно, как и его коллеги, впоследствии удалившие из британской версии «Появления дракона» сцены с нунчаку. Пока они поглощали суп из змеи (нечто близкое к каннибализму в глазах хозяина), Шоу расточал похвалы в адрес Брюса Ли, демонстрировал свою заинтересованность картиной и задавал вопросы, на которые его шпионы уже дали ему ответы.

Прошло недели две по графику съемок, а Брюс еще не показывался. Фред Вейнтрауб продолжал уверять «Уорнерс» в том, что все в порядке, но при этом постоянно спрашивал Линду, что же им делать. Линда сделала последнюю попытку успокоить

Брюса и вернуть его доверие, а затем позвонила Вейнтраубу и пообещала ему, что все должно устроиться.

* * *

Первой сценой, в которой снимался Брюс, был эпизод в комнате с девушкой. Но тотчас же возникла новая проблема: у него начались нервические подергивания лица, слишком хорошо заметные в крупных планах. Это не стали обсуждать, а просто импровизировали с длинными кадрами и различными углами съемки. Уловка сработала: после ланча дергающийся нерв успокоился и больше не мешал Брюсу.

В довершение к колоссальному психологическому стрессу, который ощущал Брюс, его физической энергии были предъявлены непомерные требования. Буквально с первой попытки он должен был драться с десятью или двенадцатью атакующими со скоростью пулеметной очереди, — отпрыгивая в сторону, вперед, разворачиваясь, вертясь, нанося удары руками и ногами, блокируя удары с точностью до дюйма за долю секунды, постоянно проявляя точную реакцию и совершая правильные движения — и так, чтобы все это выглядело полностью убедительно. Брюс даже не мог использовать дублера, чтобы отрепетировать с другими каскадерами, потому что, как постановщик трюков, он должен был отработать и просчитать все движения и ему нужно было самому приспособиться к ним. А кроме того, кто же мог соответствовать его возможностям?

Брюс Ли был единственным человеком, который мог делать то, что он делал. Если хоть один актер пропускал свою реплику или делал неверный шаг, весь эпизод надо было переснимать заново. Некоторые сцены боя приходилось повторять пятнадцать-двадцать раз.

«Ни один директор не требовал так много от исполнителя», — со всей ответственностью заявил Роберт Клауз в своей книге «Съемки фильма "Появление дракона"».

Однако Боб Уолл вспоминает по-другому:

Стены гримерных были тонкие, как бумага, и Брюс слышал, как Боб Клауз отзывался о нем, рассказывая, как это нелепо снимать фильм с актером, который даже не способен правильно говорить. Именно Клауз собственной персоной попросил Майкла Аллина сменить имя британского агента в сценарии, чтобы подставить Брюса. Клауз изменил имя персонажа на Брэйсвэйт, потому что знал, что Брюсу будет трудно повторять «Да, мистер Брэйсвэйт; нет, мистер Брэйсвэйт», — он был бы похож на утенка Дональда. Я никогда не смогу понять, как Брюс удержался от того, чтобы не набить морду Клаузу… Брюс не был полностью

уверен в своих актерских способностях, но он всегда умел руководить действием — нечто такое, о чем Клауз не имел представления.

Пока Клауз доставал Брюса при поддержке Майкла Аллина, Брюс добивался, чтобы Клауза не пускали на съемочную площадку во время съемок боевых сцен. Брюс сказал, что если ему не дадут руководить постановкой, то он вообще не будет играть. Вот почему он так долго не появлялся: он отказался приходить, пока Клауз был на площадке.

Фред Вейнтрауб комментирует:

Настоящей враждебности не было, скорее было большое напряжение. Брюс так нервничал, он горел таким желанием все сделать как следует, что его напряжение передалось фильму. Он со всеми пререкался, всех натравливал друг на друга; иногда я самоустранялся, иногда вмешивался, чтобы помочь. В разное время Боб Уолл, Боб Клауз и я сам по очереди оказывали ему поддержку. Но всякий раз, когда у меня была настоящая проблема, я шел к Линде: она была единственным человеком, кто имел достаточно чувствительности, чтобы иметь дело с Брюсом. Без помощи Линды

«Появление дракона» никогда не состоялся бы.

Высокие требования к психической и нервной энергии Брюса, жара и влажность, обезвоживание, постоянная боль в спине — все это больше и больше подтачивало его внутренние ресурсы. Он страдал от обезвоживания и потери веса, достигающей критической степени. По ночам он не мог спать, даже был не способен просто отдыхать и проводил большую часть ночи, отрабатывая сцены боя и рисуя комплексные диаграммы действия. Люди, знавшие Брюса на протяжении лет, говорили, что его кожа приобрела совершенно другой оттенок и что выглядел он плохо. При всем этом на съемочной площадке Брюс отказывался от привилегии получать специальную еду и ел вместе со всей съемочной группой.

Кроме тех задач, которые надо было решать перед камерой, Брюс также должен был решать проблемы за кадром, когда у него была возможность урвать момент для передышки и чашки его любимого хризантемового чая. У Брюса были хорошие отношения с каскадерами. Они стали командой, и Брюс заслужил их уважение, точно так же, как они заслужили его.

Они тоже рисковали: в отличие от многих трюков, которые разыгрывали в Голливуде, здесь не было воздушных подушек или матрасов за кадром, чтобы обезопасить их падение. Не было фальшивого стекла и стульев из бальсового дерева. Обычно один-два каскадера ходили ушибленными. Брюс делал что мог, чтобы

помочь им, и даже иногда одалживал им деньги или выбивал для них премиальные.

А еще были сотни статистов — иногда где-то триста-четыреста человек — большинство из них уличные мальчишки, такие же, каким был Брюс много лет назад. Довольно часто кто-нибудь из этих пацанов подходил к Брюсу и прямо ставил под сомнение неподдельность его игры. Обычной процедурой было трехкратное легкое постукивание по чьей-то ноге спереди — намек на прозвище, которое дали Брюсу каскадеры («Брюс-три-ноги» или «Брюс-три-удара»), потому что он мог очень быстро произвести три последовательных удара.

В большинстве случаев Брюс все это игнорировал. Он прекрасно понимал, что этим ребятам нечего ждать от будущего и потому они пытались урвать минуту славы. Им могло посчастливиться сделать хороший удар — и тогда кто знает, какие перспективы раскроются перед тем, кто «побил Брюса Ли»? Сам Брюс никогда не затевал таких драк, но, если нападающий настаивал или подзадоривал его, он, как правило, спрашивал, что тот знает о бое, предвкушая ответ: «Столько, сколько мне нужно».

Именно в таких коротких стычках можно было стать свидетелем огромной разницы между киношным боевым стилем Брюса Ли и его настоящим методом. В стиле для кино использовалось множество театральных, крученых и «летящих» ударов из кунг-фу Северного Шаолиня (которые первоначально были предназначены для того, чтобы выбить из седла тех, кто атаковал сидя на лошади). Но когда Брюс Ли дрался по-настоящему, здесь не было фантастических движений и диких звуков: только простые, точные и эффективные удары при полном отсутствии какого-либо выражения на лице, за исключением его глаз — прямой, неистовый взгляд, который он сам называл «контролируемой жестокостью». Он делал как раз столько, сколько было необходимо, чтобы дать понять мальчишке, что игра закончилась.

Во время съемок «Появление дракона» оператор Генри Вонг отснял пятичасовой материал для 16-миллиметрового фильма, из которого были сделаны десятиминутные документальные кадры, используемые в рекламе фильма еще до его выхода. На некоторых из этих пленок запечатлены драки Брюса, которых нет в сценарии. Оператор отослал их «Уорнерс» вместе с остальными пленками. После завершения работы над рекламным фильмом и с одобрения киностудии нью-йоркская редакционная компания, которая этим занималась, уничтожила всю оставшуюся пленку. Никто не понимал тогда, что, возможно, они уничтожили самые лучшие кадры Брюса.

Вопреки традиционным методам производства в Гонконге, звук записывали прямо во время съемок, но было невозможно заставить сидеть тихо сотни статистов и всю съемочную бригаду, пока шли съемки. Была запланирована сцена банкета, но не было еды. Кто-то неправильно понял инструкцию, и вместо голубей привезли лягушек. Стойки, которые были здесь еще день назад, на следующий день могли исчезнуть. Осветительные системы за ночь менялись, а это значило, что нужно будет отснять все сцены заново. Статистам, пришедшим в ожидании волнующих впечатлений от работы в кинобизнесе, приходилось сидеть часами без дела, и на следующий день они уже могли не прийти.

Роберт Клауз сообщает, что, когда Джил Хаббс прибыл на киностудии «Голден Харвест», он обнаружил, что большинство камер находилось в плохом состоянии и нуждалось в ремонте, к тому же не было объективов, которые были ему нужны. Хаббс взял инициативу на себя и нанял оборудование у другого поставщика, чем привел в замешательство продюсеров и «Голден Харвест», которым были предоставлены дополнительные средства. При всем этом картину в целом снимали, используя только две кинокамеры и три объектива. Второй оператор, Чарльз Лоу, столкнулся с подобной проблемой с осветительным оборудованием, которое было сплошь покрыто ржавчиной и годилось, по его словам, разве только для последних гастролей в Индии.

В довершение ко всем этим сложностям, в подаче электричества присутствовали заметные колебания напряжения. Киностудии «Голден Харвест» первоначально были текстильной фабрикой, и пленки, отснятые в течение дня, обычно покрывались маленькими белыми пятнышками. Пока борцы сумо поедали свои тонны пищи, вдруг откуда-то летели перья, потому что какая-нибудь экзотическая птица падала со своего насеста, полузажаренная под излучением дуговых ламп. Каждое утро студию звукозаписи нужно было освобождать от собак и бомжей, которые спали здесь ночью на кушетках или на полу. Сотни статистов, которым нужно было играть беспризорных пленников, были настоящими беспризорниками, набранными прямо с улиц Гонконга. Были проблемы с набором актрис на роли проституток, поэтому наняли настоящих проституток. Актриса и мастер боевых искусств Анджела Мао получала всего лишь 100 долларов за двухдневную работу, в то время как главный оператор Джил Хаббс зарабатывал только 250 долларов в неделю. Проститутки, получавшие на «Появлении дракона» 150 за день, зарабатывали больше всех, что приводило к нездоровым настроениям на съемочной площадке.

Актер Питер Арчер чуть было не утонул во время съемок сцены, когда Ли заманивает Парсонса в лодку, в которой его потом тащат на буксире на остров Хэна. В самом фильме мы только видим, как лодка быстро скользит по воде; через несколько секунд после этой сцены лодка опрокинулась, выбросив актера в бурные воды Китайского моря. Было еще несколько других несчастных случаев, два из которых достались и на долю Брюса Ли.

В начале драки с Бобом Уоллом Брюс отбрасывает его ударом ноги на ряд стульев и через шеренгу людей Хэна. Уолл хватает две бутылки (в них была вода для участников турнира), разбивает друг о друга их днища и поворачивается к Брюсу с разбитой бутылкой в каждой руке. Это был Гонконг, это были настоящие бутылки, а не липовые бутылки из сахара, которые обычно используют в подобных трюках. Пока что все шло в точности так, как репетировали, но когда Боб Уолл пошел в атаку, Брюс сделал удар ногой, а затем стремительно повернулся, чтобы нанести удар кулаком, попав рукой как раз на край разбитого стекла. Помощник директора, Чаплин Чанг, должна была немедленно отвезти Брюса в больницу, где ему наложили двенадцать швов, чтобы зашить глубокую рану на пальце. Он был не в состоянии возобновить работу в течение нескольких дней.

Каскадеры превратно истолковали происшедшее, убежденные, что это не был несчастный случай. Очень подозрительные соотечественники Брюса становились все более и более неспокойны, пока наконец не устроили собрание, на котором высказали ему свои обвинения.

Роберт Клауз пишет, что в это время ему позвонил Рэймонд Чжоу и сказал, что Брюс, чтобы сохранить лицо, собирается отомстить Уоллу — и именно директор может найти правильный выход из положения. Клауз говорит, что ему пришлось сказать Брюсу, будто Уолл был нужен для дальнейших съемок и ему необходимо было оставаться здоровым ради блага всей картины. По мнению Клауза относительно инцидента, Брюс намеревался «убить» Боба Уолла. Однако в отчете о драматическом вмешательстве Клауза очень чувствуется причудливый и драматический вымысел.

Боб Уолл теперь является состоятельным брокером и предпринимателем в Тарзании, Калифорния. Сидя за рабочим столом в своем «викторианском» фешенебельном офисе, он вспоминает: «То, что говорит Клауз, не лезет ни в какие ворота. Мы уже отсняли эту сцену семь раз еще до происшествия. И кроме того, я разбивал настоящие бутылки и должен был затем свалиться на землю, как зарезанный бык, не имея возможности

посмотреть вниз и увидеть, куда упало стекло».

Уолл выскакивает из-за стола, чтобы показать, как была поставлена сцена драки. Он должен был сделать выпад разбитой бутылкой в грудь Брюса; Брюсу нужно было блокировать его ударом ноги в предплечье, а затем быстро повернуться, чтобы сделать закрученный удар назад. На восьмой пробе первый удар Брюса прошел немного выше, поэтому он не оттолкнул руку Уолла достаточно далеко, и, когда он поворачивался, то сделал не совсем четкий удар, и в результате напоролся рукой на стекло.

«Я позвонил Брюсу домой, — продолжил Уолл, — и спросил его, слышал ли он сплетни: он сказал, что слышал. Я спросил, хотел ли он убить меня, он ответил, что никогда не говорил ничего подобного. Мы никогда не могли доказать это, но были уверены, что Клауз состряпал всю историю и распространил эти слухи. Конечно же, Брюс порезался, но это был несчастный случай. Если бы Брюс хотел убить меня, у него было несколько возможностей. Мы повторяли эту сцену раз десять — все, что ему требовалось сделать, это ударить меня немного выше или ниже, чем он это делал».

Однако на одной из таких проб Брюс ударил Уолла так сильно, что статист, который должен был ловить его, получил перелом руки от толчка. «Брюс знал, что я ценю хороший кадр, — говорит Уолл. — Ему нужны были эмоциональное удовлетворение и мощные, неподдельные реакции». Уолл сделал несколько хороших кадров и явился покрытым красными рубцами, что принесло хоть какое-то удовлетворение недовольным каскадерам.

Второй «несчастный случай» произошел во время съемок сцены, в которой Брюс Ли возвращается в подземные пещеры, на сей раз охраняемые коброй. Перед каждой пробой Брюс должен был легонько бить кобру по носу несколько раз, чтобы капюшон вокруг ее головы раскрылся и она наконец нанесла ответный удар. К счастью, кобру предварительно лишили всего ее яда, но после этой операции Брюс оказывался раненным и немного не в духе. «Брюс уже ударил змею девять раз, прежде чем она ударила его», — добавляет Боб Уолл.

Брюс Ли и Боб Уолл оба были высококлассными мастерами боевых искусств. Тот факт, что между ними произошел только один инцидент во время совместной работы, указывает отнюдь не на несовершенство их умения, а на феноменальный уровень контроля, на котором работали Брюс и его «противники». Если что-нибудь шло не так в одном из боевых эпизодов, Брюс обычно брал ответственность на себя и говорил, что ему нужно просмотреть отснятый материал, чтобы увидеть, что было

сделано неправильно.

Редактор фильма, Курт Херслер, имел прекрасную возможность изучить Брюса, останавливая фильм, замедляя его, прокручивая вперед и назад, точно так же, как делал сам Брюс, изучая движения чемпионов по боксу. Просматривая ничью Брюса и подлого Охарры, он с удивлением увидел (а точнее не увидел) «неоттелеграфированный» выпад, который сделал Брюс, тренируя удар руки, — когда его кулак выстрелил без предупреждения.

Роберт Клауз писал: «Меня неоднократно спрашивали, действительно ли Брюс был таким проворным, как утверждали. Все, что я могу сказать, это что у него самые быстрые рефлексы, какие я когда-либо видел. В одном из кадров у Брюса была ничья с Бобом Уоллом. Чтобы увидеть, как его рука делает выпад и ударяет Боба, мы должны были ускорить камеру до тридцати кадров (в секунду). При нормальной скорости фильма это было бы невозможно увидеть».

Даже после съемок, продолжавшихся целый день, Брюс часто снимал рубашку по пути от машины к дому и проходил через кухню в свою комнату для упражнений, чтобы поработать и поэкспериментировать. Овладев всеми боевыми техниками, Брюс теперь углубился в психологические, даже сверхъестественные методы развития своих навыков. Он поставил множество экспериментов и даже разработал свою собственную аудиосистему самогипноза.

В «Лонгсгрите» героя Брюса спрашивают: «От твоей мысли до твоего кулака — сколько проходит времени?» Он хотел оставить позади все физические механизмы боя, чтобы быть способным наносить удар одним только взглядом своих глаз и своим намерением. На съемочной площадке он предлагал 100 долларов каждому, кто мог поймать его руку перед тем, как она его ударит; Джил Хаббс принял вызов. Хаббс рассказывал Роберту Клаузу: «Он смотрит тебе в глаза и контролирует тебя, так что ты знаешь, что он собирается ударить тебя, Ты готов поймать его руку. Но вдруг это случается. Он может держать над тобой контроль глазами».

Скорее всего, настоящая сила видения Брюса, его общий уровень внимания были развиты намного больше, чем у других людей. Он мог просто удерживать свое внимание сфокусированным и инстинктивно совершить толчок в тот момент, когда чувствовал колебание концентрации своего «противника».

Легенды рассказывают, что, когда встречаются два великих мастера боевых искусств, они часто вообще не сражаются, а стоят друг напротив друга и смотрят друг другу в глаза. Через

несколько минут один из них отступает, признавая, что его дух не был так же силен, как дух его противника.

Последние сцены «Появления дракона» снимались поспешно, в то время как декорации подземной тюрьмы ломались и падали вокруг них. Сцену боя в подземной тюрьме можно поставить в один ряд с самыми потрясающими эпизодами в фильме. Нейтрализуя охранников Хэна сначала один на один, потом двоих сразу, он вскоре расправляется со все большим их числом, на этот раз используя различное оружие: шест, палки кали и нунчаку. Описать эту текучесть, этот поток было бы неблагодарным занятием. Достаточно сказать, что Брюс Ли стал практически непревзойденным в кино мастером боевых искусств.

«В конце концов, все это того стоило, — писал Роберт Клауз. — Вам не удалось бы воспроизвести эту восточную атмосферу в Голливуде даже за миллион долларов. Виды и звуки — даже запахи — все создавало ощущение яркой реальности у всех, кто принимал участие в работе, и я был убежден, что это качество сохранится и на экране».

Атмосфера подземной тюрьмы Хэна не могла не быть вполне реалистичной — ведь здесь часами держали бродяг и проституток в закрытом помещении без всякой вентиляции и кондиционеров!

Пока съемки фильма продолжались, какие-то из бумажно-проволочных декораций буквально распались на куски во время проб, и все старались быть осторожными и не задевать стены во время кулачных сцен. Когда бой на турнирном поле достиг критической массы, отрепетированная стычка быстро превратилась в стихийную драку между соперничающими «кланами» Триад, которые воспользовались возможностью свести старые счеты. Бой продолжался еще долго после того, как камеры прекратили съемку.

В последние две недели Брюс Ли оставался вместе с директором, пока они снимали сцену боя между Ли и Хэном в зеркальном лабиринте. Этого эпизода не было в оригинальном сценарии (который заканчивался тем, что Хэн напарывается на свою металлическую руку), его сымпровизировали. В разное время почти никто, кроме Брюса Ли, не верил в эту идею.

В центре помещения, обрамленного зеркалами, поставили ящик в шесть квадратных футов, отделанный зеркальным стеклом. С любого места в помещении было видно множество отражений. Напротив одной стены были построены три зеркальные будки, которые разбивали изображения. Камера была скрыта под защитным стеклом.

Когда эпизод отсняли, Ши Кьен вынужден был закричать:

«Спокойно, сынок, это всего лишь фильм!» Актер (сыгравший

злодея в фильмах Мастера Квана, которые Брюс смотрел еще мальчиком) был ветераном приблизительно 800 фильмов о боевых искусствах и провел более пятидесяти лет в ежедневных тренировках кунг-фу. Теперь, когда ему перевалило за шестой десяток, Ши Кьен выглядел гораздо моложе своих лет.

Эпизода в Шаолиньском монастыре, в котором Ли учит молодого монаха, как совершать удар с чувством и не думая, не было в первоначальном сценарии, его добавили по настоянию Брюса. Но то, что не вошло в «Появление дракона», тоже имеет большое значение. Дискуссия Ли с настоятелем монастыря была намного длиннее, чем впоследствии, когда весь диалог урезали.

Ли отдает дань уважения своему учителю, главный монах замечает, что умение Ли вышло далеко за пределы простой техники и теперь является духовным инсайтом. Монах задает Ли тот же вопрос, который тот уже задавал молодому монаху, — какие чувства он испытывал во время боя непосредственно по отношению к своему противнику?

Ли отвечает, что он не ощущал противника как отдельное от него существо. Это был единый флюид, спонтанное взаимодействие энергий, и поэтому «когда противник расширяет свое пространство, я сжимаю свое, а когда он сжимает, я расширяю.

И если есть возможность, я не делаю удар — «оно» само совершает удар».

Джо Хаймс однажды спросил Брюса Ли: «Что, если кто-нибудь нападет на тебя и всерьез захочет убить? Что тогда?»

Брюс ответил: «Вероятно, я причинил бы ему вред. Если бы я это сделал и меня судили, я бы не признавал себя виновным — если бы я этого не сделал, «оно» сделало бы».

Сначала Хаймс не понял. Брюс объяснил подробнее: «Я бросаю мяч — и ты ловишь его. Ты входишь в темную комнату — и бессознательно поворачиваешься на вспышку света. Ребенок выбегает впереди твоей машины — и ты жмешь на тормоза. Ты не думаешь о таких вещах, «это» просто случается. Если кто-то попытается ударить меня, я не буду думать об «этом».

«Это» просто случится. Я сделаю все, что необходимо будет сделать, не думая об этом сознательно».

Предчувствуя, что «Появление дракона» будет его самым большим фильмом на тот момент, Брюс заказал себе золотой «роллс-ройс». Теперь он начал думать о том, чтобы возвратиться в Калифорнию, говоря, что скоро будет приезжать в Гонконг только по случаю съемок какого-либо фильма.

Глава 21. Кризис

Тяжесть сдавила затылок Брюса, словно гигантская рука в мокрой перчатке, — приближался очередной тайфун. 10 мая 1973 года Брюс находился в аппаратной комнате киностудии «Голден Харвест», дублируя диалог к «Появлению дракона». Он раз за разом записывал свой голос на звуковую дорожку фильма, стараясь, чтобы запись максимально совпадала с течением диалога на ленте. Кондиционер был выключен, чтобы шум от него не мешал записи. В крошечной комнате стояла ужасная духота.

Не успев отдохнуть после изнурительных недель съемок, Брюс провел в этих условиях не один день. Никто не удивился, когда он пожаловался на плохое самочувствие и вышел из комнаты. Он отправился в туалет в следующем здании и умылся холодной водой, чтобы в голове прояснилось. Вдруг он начал падать — окружающие предметы померкли и растворились в черноте.

Из темноты послышались чьи-то приближающиеся шаги.

Медленно приходя в себя, он сделал вид, что ищет очки, которые обронил на пол. Прошло двадцать минут с тех пор, как он вышел из аппаратной, и ассистент со студии, который отправился на поиски Брюса, теперь помогал ему подняться. Брюс был бледен, по его лицу катились крупные капли пота. На обратном пути в аппаратную, неустойчиво шагая, он опирался на ассистента. Вдруг он снова упал, судорожно изогнувшись в рвоте и задыхаясь.

Брюса срочно доставили в близлежащую баптистскую больницу, где американский врач, д-р Чарльз «Дон» Лэнгфорд, отметил: температура 40 градусов и отсутствие реакций на стимулы. Лэнгфорд немедленно вызвал нейрохирурга д-ра Питера Ву и анестезиолога д-ра Сесилию Вонг. Глаза Брюса то открывались, то закрывались, не в состоянии сфокусироваться, и каждый вдох казался последним; его тело было мокрым от пота.

Была сделана анестезия, установлен респиратор при помощи дыхательной трубки, введенной в горло Брюса, а также внутривенная капельница с глюкозой. В быстром консилиуме были рассмотрены различные возможные причины приступа — истощение, отказ почек, эпилепсия, — а также дальнейшие действия. Когда была обнаружена опухоль в мозгу, наибольшую вероятность получил диагноз церебральной эдемы. Когда Брюс вновь провалился в беспамятство, было решено ввести ему манитол (обезвоживающее вещество), для того чтобы уменьшить опухоль, обнаруженную д-ром Ву. Для оттока мочи — побочный

эффект манитола — был введен катетер.

«Выйдя из полубессознательного состояния, — вспоминает Дон Лэнгфорд, — он внезапно стал чрезвычайно оживленным, почти буйным. Чтобы он не мог себя травмировать, мы привязали ему руки и ноги к койке — даже вчетвером нам трудно было с ним справиться. После этого, если бы улучшение не наступило, мы были готовы сделать операцию мозга».

Во время тревожного двухчасового ожидания было ясно, что Брюс борется за жизнь. Когда он наконец вынырнул из беспамятства, его глаза открылись и уставились в пустоту.

«К тому времени как мы погрузили его в машину скорой помощи, чтобы перевезти в больницу св. Терезы, где были свободные места, он еще не пришел в себя и не мог связно говорить, — продолжает доктор Лэнгфорд. — И доктор Ву, и я знали, что он был очень близок к смерти».

Когда Брюс достаточно оправился для переезда, они вместе с Линдой полетели в Лос-Анджелес и отправились в медицинский центр Калифорнийского университета, где группа медиков под руководством д-ра Дэвида Рейсборда провела полное физическое обследование, включая изнурительные тесты мозга. В итоге они пришли к тому же диагнозу, что и врачи в Гонконге: Брюс страдал от накопления избыточной жидкости вокруг мозга, по неопределенной причине вызывающего конвульсии. Д-р Рейсборд прописал дилантин — препарат, применяемый для успокоения мозговой активности эпилептиков. В конце концов озадаченные врачи смогли только выдать Брюсу чистый билль здоровья, отметив превосходное состояние его тела.

Свидетельствует Боб Уолл:

Брюс и Линда на неделю остановились в отеле Беверли-Хилс, и на протяжении этой недели я встречал их несколько раз.

На него было жалко смотреть: белый, как мел, худой, раздраженный и расстроенный. Я пытался уговорить его потренироваться со мной, но за всю неделю он ни разу не вышел на пробежку. Это был не Брюс Ли. Он сказал: «В моей жизни все время кто-то копается — люди придумывают обо мне истории. Слава оказалась не такой, как я думал. У меня не было времени привыкнуть». Брюс всегда был таким четким в своих намерениях и планах, однако сейчас он выглядел смущенным, неуверенным и совершенно измотанным.

Иногда он повторялся в разговоре. Он сказал мне, что приступ действительно его испугал, — он думал, что на самом деле умирает. Я посоветовал ему отдохнуть пару месяцев. Он ответил: «Но мне нужно запускать фильм, впереди Шоу Джонни Карсона»… Он знал, что к нему наконец пришел настоящий успех

и не хотел это пускать на самотек; он боялся, что все, чего он так упорно добивался, может быть потеряно; в то же время он задавал себе вопрос, стоит ли это таких усилий. Брюс буквально изводил себя.

В Лос-Лнджелесе Брюс закончил последние строки диалога к «Появлению дракона» и ожидал предварительного просмотра на «Уорнер Бразерс». На этом этапе еще предстояло добавить музыкальную дорожку и различные оптические эффекты. Тем не менее, когда после просмотра зажегся свет, Брюс победно ударил рукой воздух и воскликнул: «Вот оно!»

Представители «Уорнерс» тоже понимали, что этот фильм — будущий лидер проката, и, хотя они уже вышли за рамки бюджета, нашли еще пятьдесят тысяч долларов, чтобы улучшить звуковую дорожку. Они также начали рекламную кампанию к выходу фильма, премьера которого была назначена на 24 августа в китайском театре Громана в Голливуде. Брюс подтвердил свои планы вернуться в Штаты в августе, чтобы принять участие в нескольких телевизионных шоу, включая «Шоу Джонни Карсона» в Нью-Йорке.

Молва о фильме «Появление дракона» быстро распространялась по каналам киноиндустрии. Теперь, когда Брюс мог принять любое новое предложение, он был даже рад этому.

Неожиданно у каждой студии и каждого продюсера в мире появились проекты, которые абсолютно его устраивали. «Уорнерс» уже обратились к Брюсу с контрактом еще на пять ролей, предлагая ему 150 000 долларов за фильм, за год, пожизненно.

Возможно, в душе Брюс все еще мечтал снять «Беззвучную флейту». Но, когда Кобурн и Силлифэнт приехали в Гонконг поговорить с Брюсом, он лишь напомнил им, что теперь его цена — миллион долларов за фильм, хотя именно Силлифэнт помог ему больше, чем кто-либо добиться этого статуса. Их разговор ни к чему не привел. Силлифэнт рассказал, что больше всего Брюса возмутил его возврат к занятиям каратэ.

Были и другие конфликты. Когда «Уорнерс» решили поменять название «Появление дракона» на первоначальное «Кровь и сталь», Брюс яростно воспротивился этому. Студия ответила новым названием, которое потрясало своей нелепостью. Брюс вынудил их отступить своей угрозой никогда больше на них не работать, и неделю спустя «Остров Хэна» обрел прежнее название «Появление дракона».

Когда Брюс вернулся в Гонконг, чтобы продолжить работу над «Игрой со смертью», продолжилась и его битва с гонконгской прессой по поводу сплетен о его связи с тайваньской актрисой

Бетти Тинпей. Внимание бульварной прессы было не в новинку Бетти, которая имела репутацию бездельницы и наркоманки. «Голден Харвест» в оправдание заявила, что большинство циркулирующих слухов о Брюсе являются ложью, запущенной в прессу неизвестными лицами с «Шоу Бразерс».

Однако отношения Брюса с Рэймондом Чжоу стали портиться. Брюс начал давить на него, обратившись к Ран Ран Шоу за двумя миллионами гонконгских долларов на съемку фильма для его студии. Брюс даже зашел так далеко, что снял пробные кадры для фильма, в котором собирался играть традиционного воина-мандарина, — хотя это и противоречило его былому неприятию классических искусств. На самом деле у Брюса не было намерения подписывать контракт с Шоу или доводить до конца этот проект: все это было просто проделкой, рассчитанной на Чжоу. Однако Шоу не терял времени зря, раструбив о новом проекте на первых полосах гонконгских газет.

Брюс третировал Чжоу, так как ему казалось, что тот мог утаить часть доходов от «Пути дракона». Брюса также злило, что Чжоу поторопился с заключением зарубежных сделок, тогда как сам Брюс хотел выждать в надежде на более выгодные предложения. К тому же его расстроила статья во внутреннем журнале «Голден Харвест», где говорилось, что Рэймонд Чжоу не только нашел Брюса, но и был для него «чем-то вроде няньки». Брюс резко отреагировал: «В статье дают понять, что я напоминаю глупое дитя, которое зависит только от Рэймонда».

10 июля 1973 года Брюс Ли как раз был на студии «Голден Харвест», когда кто-то сказал, что в этом же здании находится один из многих, кто приписывал себе открытие или «создание» Брюса Ли — Ло Вэй, который называл себя «первым миллионером Гонконга» и «человеком, который научил Брюса Ли драться». Теперь могло показаться, что гений Ло Вэя внезапно ему изменил. В то время как Брюс Ли снимал «Появление дракона», Ло Вэй завершил съемки фильма, который первоначально должен был стать третьим фильмом Брюса — «Тигр с желтой мордой» (американское название — «Резня в Сан-Франциско») и где в главной роли снялся Чак Норрис. Фильм не принес Ло Вэю еще один миллион долларов.

Вместо того чтобы позволить фактам говорить за себя, Брюс не удержался от того, чтобы найти Ло Вэя и еще раз высказать тому все, что о нем думал. Брюс ворвался в комнату для просмотров, где Ло Вэй вместе с женой и партнером Чжоу, Леонардом Хо, смотрел фильм «Девушка-змея», и начал кричать на Ло Вэя. Тот никак на это не отреагировал, зная, что было бы бесполезно драться с Брюсом Ли. Затем Брюс вернулся в офис

Чжоу.

Несколько минут спустя в офисе Чжоу появилась миссис Ло Вэй, чтобы сказать Брюсу о недопустимости его поведения.

Это произвело совершенно противоположный эффект. Страсти накалились, собралась небольшая толпа. Брюс бросился в просмотровую и еще яростнее обрушился на Ло Вэя. После того как Ло Вэй заявил, что Брюс бросился на него с коротким ножом, который до этого прятал в пряжке своего ремня, была вызвана полиция. Полиция не смогла обнаружить нож и попыталась уладить ситуацию без арестов и привлечения адвокатов.

Ло Вэй настаивал на том, чтобы Брюс подписал наскоро составленную расписку-обещание: «Я, Брюс Ли, обязуюсь оставить Ло Вэя в покое». К тому времени уже собралась вся студия, и Брюс, чтобы избавиться от полиции и репортеров, подписал расписку. Позже он разозлился, поняв, что тем самым он дал Ло Вэю убедительное доказательство его версии событий.

В тот вечер, когда Брюс появился в телешоу «Enjoy Yourself Tonight», тема инцидента была поднята ведущим шоу Хо Шосином. Не упоминая имени Ло Вэя, Брюс сделал свою ненависть к нему более чем очевидной. Брюс еще до того объяснил, что если бы он хотел кого-нибудь убить, то сделал бы это не ножом, а просто ударом пальцев. На телешоу же, по настоянию ведущего, Брюс продемонстрировал свои менее грозные навыки. Хотя это был всего лишь безобидный толчок в плечо, Хо растянулся на полу. Зрителям, которые, подобно Хо, не были знакомы с суровостью тренировки в боевых искусствах, это показалось жестоким — как если бы Брюс изо всей силы ударил ведущего.

Это вызвало еще одну волну критических заголовков. Еще худшим было то, что практически во всех статьях симпатия отдавалась Ло Вею, а события дня рассматривались как очередное доказательство растущей надменности Брюса.

«Сразу после приступа, — вспоминает Таки Кимура, — Брюс позвонил мне из Лос-Анджелеса и сказал: «Ты не пишешь и не звонишь». Я ответил: «Мне нравится то, что ты делаешь, и ты не нуждаешься во мне». Он сказал: «Если я чем-то могу тебе помочь, Таки, — ты все еще мой лучший друг, и не забывай это. Дай мне знать, если тебе что-нибудь потребуется. Все, что хочешь. Я не изменился. Я тот самый парень».

Он никогда не забывал, что я однажды ему помог, и никогда ничего непросил взамен. Он попросил меня выслать старый авиабилет, который когда-то оплатил мне, чтобы я летел в Гонконг для работы над «Игрой со смертью», — он хотел заменить его на новый».

Глава 22. Цели

Когда Брюсу исполнилось двадцать два, он после трех лет пребывания в Америке стал применять принципы позитивного мышления в своей жизни. Он поставил себе цель сделать кунг-фу таким же популярным видом, как каратэ, с сетью школ по всей стране. Он мысленно видел свою будущую роскошную жизнь и будущую семью. Он также видел себя, преодолевающего все препятствия на пути к его конечной цели — успокоению разума. Но эта жизненная сила в конце концов привела Брюса туда, где от жизни ему досталось не только самое лучшее, но и самое худшее.

Однажды Брюс подписал свою фотографию для Джеймса Ли, закончив такими словами: «Обстоятельства? Черт, их создаю я сам!» Однако сейчас «обстоятельства» уже не были в его воле; они превратились в отвратительные вторжения в приватную и простую жизнь, к которой он хотел бы вернуться. Испытав отрицательную сторону «успеха», он понял, что его следует избегать, а также болезненно осознал, что его ожидания разошлись с реальностью.

Брюсу постоянно досаждали люди, которые представлялись его друзьями, или друзьями его друзей, или отдаленными родственниками перед тем, как предложить какую-нибудь сделку или просто попросить в долг — у всех была одна и та же фальшивая улыбка, которую он стал ненавидеть. Оставались лишь немногие, с кем Брюс мог говорить, не опасаясь, что ему предложат очередную сделку.

В Гонконге, где бы ни появился Брюс, собиралась огромная толпа. Он мог есть только в ресторанах с отдельными кабинетами, но даже там все официанты сбегались за автографами.

Брюс начал пить, и однажды за обедом выпил двадцать чашечек саке. Если раньше Брюс поддерживал свою жизнеспособность женьшенем и «королевским желе», витаминами и травяным чаем, то сейчас он пил жидкости куда более крепкие и жевал коноплю, чтобы расслабиться. Его лицо стало бледным и скучающим.

Брюс стал проводить ночи вне дома. Страдая от бессонницы, он иногда шел на студию, где проводил еще одну напряженную ночь, работая над идеями к «Игре со смертью». Иногда он шел… куда-нибудь еще.

Подобно тому как жизнь предложила Брюсу Ли одновременно свои лучшие и худшие стороны, Брюс предложил ей в ответ свои собственные лучшие и худшие стороны. Колебания его

настроений стали более отчетливыми; однажды он заявил, что все еще хочет сниматься, но только не в фильмах о боевых искусствах — добавляя, что интерес публики к фильмам о кунг-фу не продлится больше трех лет. Наряду с этим он часто утверждал, что его цель — просвещать зрителей с помощью своих фильмов, чтобы объяснить им, что боевые искусства — это не просто драки.

Бывали моменты, когда Брюс не видел границ своим возможностям; через миг он уже не был уверен, что у него хватит сил эти возможности реализовать. Чем большего он достигал, тем сильнее он чувствовал необходимость двигаться дальше.

Он перебивал людей, заявляя им, что «попытка расслабиться» — это логическое противоречие. Даже друзья Брюса стали воспринимать его по-разному: придавленного огромной ношей или бесцельно мчащегося куда-то. Брюс вспомнил совет Ип Маня, который тот дал ему двадцать лет назад — никто не в состоянии справиться с проблемами, атакуя их в лоб; нужно течь рядом с ними. Применив эту мудрость к своей беспокойной жизни, Брюс нашел ответ в приспособлении к скорости происходящих вокруг него перемен. Даже мать Линды выразила беспокойство о Брюсе. Она сказала Таки: «Он худеет на глазах. Посоветуй ему отдохнуть, тебя он послушает». Но Брюс не мог остановиться.

Печальнее всего для Брюса было то, что отношения с людьми у него усложнились растущей подозрительностью. Брюс сказал Томасу Чэню, актеру, который снимался с ним в «Яростном кулаке», что перед ним, если он пожелает, откроются огромные богатства; но люди, предлагающие ему эти деньги, считают, что этим они могут купить Брюса и превратить его в свою собственность, «Я должен быть очень, очень осторожен», — добавил он. Хотя перед ним и «открывались огромные богатства», Брюс все же переживал, что «кое-кто в Гонконге» его надул.

Друзьям оставалось только наблюдать за растущей отчужденностью Брюса, Фред Вейнтрауб говорит, что Брюс стал совершенно другим человеком по сравнению с тем, каким он был всего несколько недель назад в Лос-Анджелесе, добавляя, что он утратил свое дружелюбие и держал всех на расстоянии, «В те несколько месяцев перед смертью Брюс Ли остро чувствовал свое одиночество, — говорит Нора Майо. Он изменился. Он часто звонил мне и говорил, что чувствует себя одиноким. Я сказала ему: «Никто просто не осмеливается к тебе приблизиться!» Он смущенно спросил: «Почему? Почему я чувствую, что у меня нет ни одного настоящего друга, хотя вокруг меня так много людей?» — «В этом нет ничего странного, — ответила я. — Ты превратился в кумира. Люди только льстят тебе, и поэтому ты их презираешь. С другой стороны, когда они тебя критикуют, ты обижаешься. Ты

— жертва отавы».

Возможно, теперь у него появился повод вспомнить слова матери. Когда он в десятилетнем возрасте заявил ей о своих планах, она ответила: «Жизнь знаменитых кинозвезд не так приятна, как ты думаешь. Их жизнь ненормальна».

Говорит Грэйс Ли:

> С приходом славы он становился все тоньше и тоньше.
>
> Когда он вернулся в Лос-Анджелес со съемок «Пути дракона», он сильно похудел. Я сказала ему: «Тебе надо расслабиться и хорошо отдохнуть». Меня очень тревожило его здоровье. Потом он начал съемки «Появления дракона».
>
> Когда я снова увидела его в мае 1973 года, я не могла поверить, что человек, стоящий передо мной, был моим сыном — так он изменился, Он сказал мне, что жить ему осталось немного, так как врачи в Гонконге обнаружили что-то серьезное в его голове. Он сказал: «Мама, не беспокойся о своем будущем, с деньгами проблем не будет». Я его сразу же прервала и претила ему говорить подобные вещи.

Мария И также заметила тревожный признак:

> Перед смертью у него стала развиваться амнезия (потеря памяти). После съемок «Большого босса», когда я приходила к нему на студию, он часто доставал фотографию своей машины и хвастался ею. Так повторялось несколько раз в течение дня, потому что он каждый раз забывал, что уже показывал мне фотографию. Я чувствовала себя очень неудобно.

16 июля 1973 года на Гонконг надвигался сильный тайфун.

Брюс позвонил Единорогу в одну из гостиниц Манилы, что обошлось ему в двести долларов. Он бессвязно объяснил другу, что его беспокоят ужасные головные боли.

Вернувшись в Гонконг из Лос-Анджелеса после кризиса, Брюс сказал своему брату Питеру, что надеется дожить до ста лет. Он даже нарисовал себя в облике мудрого монаха-даоса.

Чаку Норрису он сказал, что планирует оставить карьеру к тридцати пяти, провести лет десять с растущей семьей, а затем посмотреть, что он может сделать для общества, — добавляя с надеждой, что люди не станут ожидать от него слишком многого.

Но все это было далеко в прошлом, когда утром 20 июля 1973

года Брюс обдумывал письмо к своему адвокату в Лос-Анджелесе. По-видимому, ожидались большие перемены. В начале письма Брюс говорит о встрече с Рэймондом Чжоу, чтобы «выслушать» того. Он перечисляет пять интересующих его сделок и предвидит, что выходные будут заняты их рассмотрением, выработкой налогового плана и вопросами, связанными с одеждой и книгами. Далее в письме приводятся детали лихорадочного рекламного тура с фильмом «Появление дракона», включая поездку в Нью-Йорк на «Шоу Джонни Карсона». Брюс добавляет, что к 24 августа он будет готов вернуться в Гонконг — «надеюсь, не по частям».

Говорит Таки Кимура:

Каждую неделю возникали новые слухи. Кто-то говорил мне, что видел, как Брюса убили на соревнованиях на прошлой неделе, и подобную чепуху я слышал отовсюду. Как-то раз один из моих рабочих сказал мне: «Брюс Ли умер — об этом пишут все газеты». Я даже не удосужился проверить.

Потом мне позвонила мать Линды и сказала…

Глава 23. 20 июля 1973 года

Тайфун «Дороти» хлестал теплым дождем в окна отеля «Мирамар», в роскошном ресторане которого сидели Рэймонд Чжоу и Джордж Лэйзенби. Они заказали очередной аперитив и спокойно беседовали, терпеливо ожидая появления Брюса Ли и Бетти Тинпей. За обедом они собирались в неформальной обстановке обсудить некоторые идеи к фильму «Игра со смертью».

В эти же минуты, в своей квартире на Бикон Хилл Роуд, Бетти отчаянно пыталась разбудить Брюса, тряся его и давая пощечины. Немного раньше в этот день Брюс и Рэймонд зашли к Бетти в гости; Рэймонд вскоре ушел один. Сразу же после его ухода Брюс пожаловался на головную боль и после того, как Бетти дала ему таблетку, прилег на диван.

Только в начале десятого вечера Бетти позвонила Чжоу. Он выбежал из отеля и отправился прямо к ней, на что из-за автомобильных пробок потребовалось тридцать или сорок минут.

Когда и он не смог привести Брюса в чувство, был вызван врач Бетти, а затем, опять после некоторого промедления, скорая помощь. Она приехала одновременно с матерью и братом Бетти, которые попытались успокоить актрису. Рэймонд Чжоу позвонил Линде Ли, сообщив ей, что Брюса увезли в больницу «Куин Элизабет».

Линда помчалась в больницу и оказалась там раньше скорой помощи. Затем были минуты горестного ожидания, пока двери не распахнулись и Брюса не ввезли на носилках, без сознания и в окружении толпы пара медиков; один из них делал ему массаж сердца, не давая ему остановиться. Далее все было словно в тумане — реанимационная, стимулирующие уколы, электрошок — но, несмотря на весь этот водоворот неистовой активности, Брюс оставался лежать неподвижно.

Когда накал событий постепенно ослаб, появилась жена Рэймонда Чжоу, чтобы забрать мужа и отвезти Линду домой.

Долгая, медленная прогулка по белоснежному и тихому больничному коридору — и вот они внезапно окружены светом вспышек и криками репортеров.

Грэйс Ли не поверила известию о смерти своего сына. Уже многие месяцы в гонконгской прессе появлялись сообщения о его смерти. Каждый раз она немедленно звонила в газету или журнал, чтобы узнать, правда ли это; это всегда оказывалось ложью. Когда она рассказала Брюсу, как сильно расстраивают ее эти истории, он объяснил ей, что все они — ложь для повышения

тиража. Он также попросил ее не верить, когда она в следующий раз услышит или прочитает нечто подобное. Когда одна из подруг Грэйс позвонила ей и, плача, сообщила о смерти Брюса, она назвала это ложью. Но подруга сказала ей, что она увидела это по телевизору, а не прочитала в каком-нибудь журнале. Когда Грэйс Ли узнала, что это действительно правда, она сказала просто: «Слишком много работы».

Подобно Грэйс Ли, никто не мог поверить, что самый здоровый человек в мире умер в тридцать два года. Сразу же возникли слухи, что все это — рекламный трюк к фильму «Игра со смертью». Люди заключали пари на подлинность смерти Брюса.

Пять дней спустя «символические» похороны Брюса стали самыми большими похоронами за всю историю Гонконга. Три сотни полицейских были расставлены около похоронного агентства Коулун, где тело Брюса покоилось в открытом бронзовом гробу. Тридцать тысяч человек собрались в тот день, заполнив Мэйпл-стрит, толпясь на балконах и крышах, насколько хватало взгляда. Многие потеряли сознание и пострадали в толчее и давке. Эмоции бушевали.

Там, где в толпе на ступеньках похоронного агентства появлялась знаменитость, сразу же взрывались аплодисменты и приветственные возгласы, давая «Саус Чаша Морнинг Пост» повод описать происходящее как «карнавал». Приехала Нора Майо, потом Ло Вэй, Джордж Лэйзенби и стайка местных, менее известных звезд. Некоторые пришли отдать последние почести, другие увидели в этом возможность увидеть свое фото в газетах. Двое отсутствовали: Ран Ран Шоу и Бетти Тинпей.

Июльский воздух внутри похоронного агентства был душным и насыщенным ароматами цветов и благовоний. Каждый новоприбывший отдавал последнюю дань у алтаря; скромные букетики цветов от заплаканных детей соседствовали с дорогими венками. Перед фотографией Брюса, украшенной длинными шелковыми лентами и цветами, горели свечи и благовония, а над всем этим висело знамя, на котором по-китайски было начертано: «Звезда опустилась в Море Искусства». Каждый гость трижды кланялся у алтаря и занимал свое место в зале.

Немного позже состоялось печальное прибытие Линды, которую поддерживал Рэймонд Чжоу. Ее почти не было видно в складках традиционного траурного одеяния — белого холщового платья и головного убора, красные от слез глаза были спрятаны за темными стеклами очков. Дети, Брэндон и Шэннон, одетые в белые костюмы, казалось, пребывали в блаженном неведении смысла происходящего. Они заняли свои места; рядом сели мать

Брюса Грэйс, его брат Питер и Единорог вернувшийся из Манилы. Оркестр заиграл традиционную похоронную мелодию. Гроб с телом Брюса был внесен и помещен у алтаря для отдания последних почестей. Его тело было до подбородка закутано в белый шелк; лицо выглядело серым и слегка искаженным под толстым слоем грима. В кармане его костюма лежали сломанные очки.

Еще долго после того, как закончились похороны, полиция с мегафонами патрулировала улицы, уговаривая людей расходиться.

Рассказ Рэймонда Чжоу прессе о событиях в день смерти Брюса Ли дает понять, что Брюс умер дома, в кругу семьи.

Возможно, Чжоу просто хотел избавить Линду от неприятностей, ясно предвидя поведение прессы в случае, если бы им досталась правда. Как бы то ни было, в первых репортажах по всему миру сообщалось, что Брюс умер дома. Одна из газет зашла еще дальше в типичной романтизации, сообщив, что Брюс умер, прогуливаясь с Линдой в своем саду.

Однако Генри Парвэйни, репортер «.Чайна Стар» (газеты, иск Брюса против которой до сих пор рассматривался в суде) отправился в больницу, чтобы просмотреть журнал вызовов скорой помощи, и обнаружил, что вызов был сделан не из дома Брюса, а из квартиры Бетти Тинпей. Так накануне похорон на первой полосе «Стар» появился заголовок «Дракон убит в надушенной комнате Бетти Тинпей». Особенно горькой иронией было то, что Брюса Ли, который всю свою жизнь посвятил популяризации китайского искусства кунг-фу, в статье называли «звездой каратэ».

Рэймонд Чжоу сразу же скрылся из поля зрения, оставив актрису один на один с прессой. Испуганно защищаясь, своей ложью она еще больше усложнила ситуацию: «В ночь его смерти меня не было дома. Я гуляла с матерью. Последний раз я видела его несколько месяцев назад, когда мы случайно встретились на улице».

Друзья Брюса и его семья поддержали эту версию, считая, что пресса мстит Брюсу за его прошлое отношение к ней. Однако журналисты обратились к соседям Бетти Тинпей, которые подтвердили, что Брюс был частым гостем в ее квартире в месяцы, предшествовавшие, его смерти.

На следующий день после похорон Линда отправилась в Сиэтл с телом Брюса. В аэропорту Каи Так она, теперь уже в черном, с напряженным от скорби лицом прочитала официальное заявление для прессы в попытке остановить спор вокруг смерти Брюса. Билеты, которые предназначались для поездки Брюса в

Нью-Йорк на «Шоу Джонни Карсона», были сданы в обмен на билеты для доставки в Соединенные Штаты его тела.

Похороны в Гонконге состоялись для семьи, друзей и местных поклонников, но ввиду того, что свое самое счастливое время Брюс провел в Сиэтле, было решено похоронить его в тиши кладбища Лэйк-Вью, где он любил бродить в одиночестве под дождем. 31 июля небольшая группа из двадцати человек собралась у похоронного бюро Баттерворс на Ист-Пайн-стрит, встречая коллег и друзей, пришедших на похороны Брюса. Во время поездки гроб Брюса был поврежден. Многие восприняли это как знак, что душа Брюса все еще не успокоилась, — учитывая размах споров вокруг его смерти, трудно было представить себе обратное. Новый гроб был покрыт красными, желтыми и белыми цветами, образующими знак Инь-Ян, который он первым принял в качестве эмблемы своих школ кунг-фу.

Крышку гроба несли Роберт Ли, Таки Кимура, Дэн Иносенто, Стив Мак-Куин, Джеймс Кобурн, а также друг семьи и актер Питер Чинь. Как и хотел Брюс, традиционной музыки не было.

Вместо этого звучали одна из версий песни «Мой путь» Фрэнка Синатры, «Несбыточная мечта» Тома Джонса, «Обернись» Серджио Мендеса и песня «Когда я умру» группы «Blood, Sweat and Tears». Хотя эти мелодии позже и стали всем надоевшими клише для сентиментальных певичек в барах по всему миру, Брюс Ли мог бы с большим, чем у кого-либо еще, правом заявить, что шел в жизни своим путем, стараясь достичь почти несбыточной мечты.

«Каждый день для него был открытием, — сказала над гробом Линда Ли. — Его тридцать два года были полны жизни.

Брюс верил, что отдельный человек представляет все человечество, живет он на Востоке или где-нибудь еще. Он считал, что люди сражаются за то, чтобы найти свою жизнь где-то еще, тогда как жизнь, которую они ищут, находится в них самих».

Гаки Кимура просто сказал, что Брюс пробуждал в других добро.

Тед Эшли проявил более деловую философию: «Жаль, что Брюс умер, едва начав осознавать свои невероятные возможности. Чувство скорби смешивается у меня с пониманием того, что он хоть и не успел взобраться на лестницу, по крайней мере поставил на нее ногу».

В конце, стоя у могилы, Джеймс Кобурн сказал последние слова: «Прощай, мой брат. Для нас было большой честью разделить с тобой эти пространство и время. Ты был для меня другом и учителем, объединив мои физическое, духовное и психологическое Я. Спасибо, Да пребудет мир с тобой».

Гроб был опущен в могилу вместе с белыми перчатками тех, кто нес его крышку.

* * *

Даже после того как Брюс Ли обрел вечный покой в Сиэтле, пресса в Гонконге продолжала выдавать все новые заголовки — большинство которых были смесью злобы и фантазии. В конце концов правительство Гонконга отдало приказ начать полное официальное расследование обстоятельств смерти Брюса.

Третьего сентября следствие открылось в Цунване под руководством коронера Эгберта Тана. Оно признало достаточность оснований для проведения официальной аутопсии в патологоанатомических лабораториях правительства Великобритании.

После того как стало известно, что при аутопсии в желудке Брюса была обнаружена конопля, в одних газетах появились предположения, что Брюс стал жертвой наркомании, тогда как другие заявили, что он принимал допинг для совершения своих необычайных трюков. В Гонконге употребление конопли считается большим грехом, чем употребление героина или опиума.

И отец Брюса, и даже его тренер по вин-чунь Ип Мань иногда были не прочь покурить опиум, однако конопля у всех связывалась с «заморскими дьяволами, туристами-хиппи».

Вопрос о конопле стал важен также и из-за присутствия на следствии Дэвида Яппа, представителя Американской Международной страховой компании (АПС). Компания усмотрела в этом возможность избежать выплаты по страхованию жизни Брюса, так как полис становился недействительным при условии, что Брюс принимал коноплю до его заполнения, и солгал, отрицательно ответив на вопрос, принимал ли он ранее наркотики.

Все проведенные по просьбе следователей многочисленные тесты на отравление дали отрицательный результат. Единственным открытием стал факт, что перед смертью Брюс принял эквивалент одной таблетки содержащего аспирин лекарства (*Equagesic*).

Доктор Р. Р. Лайсетт, клинический патолог больницы «Куин Элизабет», заявил на коронерском слушании, что смерть не могла быть вызвана коноплей и произошла из-за гипервосприимчивости к одному или нескольким ингредиентам эквагезика.

При отсутствии повреждений черепа или внутричерепного кровотечения, мозг Брюса Ли очень быстро распух от нормального веса 1400 грамм до веса 1575 грамм.

Рональд Тиэр, профессор патологоанатомии в Лондонском университете, был принят на следствии в качестве авторитета: за тридцать пять лет практики Тиэр руководил почти ста тысячами аутопсий и принимал участие почти в двадцати тысячах следствий. Он заявил, что присутствие конопли было простым совпадением, добавив, что было бы «безответственно и глупо» утверждать, что оно могло послужить причиной кризиса 10 мая или смерти 20 июля. Хотя это редкий и необычный случай, сказал он, единственный вывод, который он может сделать, заключается в том, что смерть вызвана острой церебральной эдемой, вызванной реакцией организма на соединения, присутствующие в обезболивающем препарате эквагезик.

В начале следствия полиции пришлось устанавливать заграждения, чтобы остановить толпы людей, пришедших взглянуть на Бетти Тинпей. Когда началось медицинское освидетельствование, толпа схлынула. 24 сентября, к концу следствия, только горстка репортеров пыталась узнать мнение Линды по поводу вынесенного вердикта. Ей оставалось только спросить, какое это теперь имеет значение.

Часть II. Легенда… и реальность

Глава 24. Женщины

Без Линды Брюс Ли не смог бы достичь всего того, чего он достиг. В самом начале их отношений Линда, по-видимому, поняла, что Брюс Ли — незаурядный человек и что ей предстоит выбор. Брюс Ли нуждался в женщине, которая смотрела бы на мир его глазами, — и тогда, когда он предложил своей первой девушке, Эми Сэнбо, прожить ее жизнь в его, Брюса, жизни, и когда он однажды написал длинное письмо своей партнерше по танцам Перл Чжоу, делясь своими мечтами.

Линда Ли была для Брюса величайшей движущей силой во время двух наиболее тяжелых периодов его недолгой жизни.

Когда он повредил спину и почти не мог двигаться, она проводила целые дни, ухаживая за ним и заботясь о детях, а вечером отправлялась на работу. Она не только содержала семью Брюса во время этого кризиса, но и согласилась держать это в тайне, чтобы не уязвить его гордость. Когда Брюсу предстояло важнейшее испытание — перед съемками фильма «Появление дракона», — именно Линда была источником стабильности и поддержки, которые привели его к успеху. И режиссер Роберт Клауз, и продюсер Фред Вейнтрауб утверждают, что без Линды этого фильма не было бы вообще.

Жена режиссера фильма, Энн Клауз, вспоминает, что однажды, разговаривая с Брюсом, она случайно остановила взгляд на Линде и обнаружила, что та с лицом, выражавшим беззаветную преданность, беззвучно повторяет его слова, «как если бы она хотела выучить наизусть всю его жизнь».

В августе 1972 года мисс Пан Ченльян, журналистка из «Нью нейшн» (англоязычной газеты, издаваемой в Сингапуре), приехала на неделю в Гонконг, чтобы взять серию интервью у Брюса Ли. Она провела некоторое время с Брюсом на студии «Голден Харвест», где он озвучивал «Путь дракона» и где они потом вместе пообедали, после чего Брюс, по обыкновению, отправился звонить домой. Когда он возвратился, мисс Пан затронула тему женщин — мастеров боевых искусств.

Брюс сказал ей, что женщина никогда не сможет сравниться с мужчиной в силе, поэтому наилучшей тактикой для нее будет использование талантов обольщения и убеждения, пока не представится возможность нанести обидчику удар в глаза или в пах и быстро скрыться. За обсуждением «соблазнения» и «частей тела» вопросы журналистки коснулись отношений Брюса с «некой актрисой». В ответ он заметил, что у людей в Гонконге слишком много свободного времени, поэтому они любят поразвлечься,

сочиняя пикантные подробности из жизни звезд.

Бетти Тинпей не было на похоронах Брюса. Когда ее спрашивали о их связи, она либо отвечала уклончиво, либо давала понять, что у них с Брюсом были особые отношения. «Молчание — лучший ответ на скандальные слухи. Я ценю его дружбу, поэтому мирюсь со сплетней».

Затем актриса пригрозила прессе судебным иском, если они не прекратят печатать все эти истории об их любовной связи, «Такое чувство, что они хотят моей смерти, — сказала она в интервью «Стар». — Брюс мертв. Почему бы вам не остановиться на этом?»

Одна из газет отреагировала заголовком на первой полосе: «Бетти Тинпей, можешь подавать иск!» — и напечатала новый список разоблачений. Загнанная в угол актриса в конце концов начала скрываться в своей квартире, проводя все время перед телевизором.

После смерти Брюса первым, кто говорил с Бетти Тинпей, был Феликс Деннис (тогда — издатель пользующихся дурной славой подпольных журналов «Интернэшнл таймс» и «Оз»), который уже начал совместно с Доном Атио работать над книгой «Брюс Ли: Король Кунг-фу», изданной в 1974 году.

По словам Денниса, Бетти сообщила ему, что у них с Брюсом был роман. Друзья открыто подтвердили, что это продолжалось около года. Как-то раз Брюс попытался положить этому конец, и все продолжилось только после того, как Бетти из-за нервного срыва попала в больницу. Все сходились на том, что Брюс все еще оставался неопытен в вопросах секса, и его связь с Бетти была для него своего рода школой, хотя их отношения выглядели гораздо серьезнее незначительной интрижки.

Деннис добавляет:

> Хотя Бетти первоначально призналась, что у них с Брюсом был роман, позже она передумала, поскольку «ощущала свою ответственность». Если бы Бетти вызвала врача сразу же, как только Брюсу стало плохо, его могли бы спасти.
>
> Однако она в панике понадеялась, что ему станет лучше, и прождала слишком долго, прежде чем позвонить Рэймонду Чжоу, находящемуся на другом конце Гонконга. Когда Чжоу добрался до места сквозь автомобильные пробки, было уже слишком поздно. Хотя Брюс Ли еще жил некоторое время после доставки в больницу, врачи удивлялись тому, что он протянул так долго в его положении.

Бетти Тинпей изменила свою историю и решительно придерживалась последнего ее варианта в течение последних двадцати лет. Она отрицала существование любовной связи между ней и Брюсом и утверждала, что их отношения были «духовными». Однажды она даже появилась на канадском телевидении в передаче о религиозных обрядах. Позже незадачливая актриса пропала из виду, и ее следов по сей день обнаружить не удалось.

* * *

Еще в начале своей карьеры юный Брюс Ли часто играл трудного подростка, иногда воплощая сцены, которые не слишком отличались от его реальной жизни. Очевиден вопрос: насколько эти роли повлияли на его жизнь и насколько его жизнь повлияла на его игру? Ответ в том, что они отражали друг друга так же, как роли Брюса в «Большом боссе» и «Пути дракона» прославляли эксплуатируемых рабочих и таким образом отражали повседневные проблемы его зрителей.

Подобным же образом — хотя мы должны быть осторожными, чтобы не стереть границу между ролями Брюса и его реальной жизнью, — справедливо утверждение, что женщины в его фильмах изображены такими, какими их воспринимают в китайском обществе. В его фильмах есть только «хорошие» и «плохие» женщины: это либо невинные, робко улыбающиеся официантки, либо проститутки, употребляющие спиртное и раздевающиеся при первой возможности.

В фильме «Появление дракона» каждому участнику соревнований в номер доставляется проститутка. К Ли в номер также приходит женщина, но она является его коллегой, агентом, с которым он должен обменяться информацией. Когда фильм впервые был показан в Гонконге, сцена, в которой Ли отказывается провести ночь с красивой женщиной, вызвала презрительные возгласы и взрывы смеха.

По мнению большинства китайцев, любая актриса была шлюхой. Моральные стандарты были определены так же жестко, как в Англии или Соединенных Штатах столетием раньше.

Женщины были либо хорошими, либо плохими — и актрисы были плохими. Пусть так, но для его партнерши по фильму Марии И он был просто «дядей Брюсом».

Нора Майо говорила: «Он был мне словно брат или учитель.

Он все время меня учил. Он говорил: "Каждый должен создавать свое будущее. Даже если однажды я умру, не выполнив свои планы, я не буду сожалеть, так как искренне старался"».

Билл Рюсаки — постановщик драк на киностудии, который

работал с Брюсом Ли в фильме «Экипаж, терпящий бедствие». Он свидетельствует: «Во время съемок фильма у Брюса не все ладилось дома, поэтому он в основном болтался возле моей школы. У меня была женская группа — и вы знаете, Брюсу нравились девочки». Пусть так, но Брюс неизменно проводил остаток вечера в ресторане, обсуждая с Рюсаки боевые искусства.

Раньше, в молодости, у Брюса были шутливые визитные карточки для женщин, надпись на которых предлагала улыбнуться женщине, которая хотела бы с ним переспать. Позднее, когда его знакомили с женщиной, он предлагал ей потрогать его брюшной пресс или мышцы бедра. Действительно, Брюс стремился сделать любого, мужчину или женщину, свидетелем чего-нибудь нового в своем физическом состоянии и готов был скинуть рубашку в мгновение ока! Если женщина была незамужней, он предлагал ей потрогать его бедро, манипулируя ее рукой и очаровательно ухмыляясь. Замужних женщин он просил пощупать его бицепс. По словам Энн Клауз, на ощупь он был словно теплый мрамор. Брюс предлагал потрогать свои мышцы даже матери. «Когда мы жили в Соединенных Штатах, — вспоминала она, — он занимался кунг-фу днем и ночью.

Иногда он напрягал передо мной руки и просил меня пощупать его мышцы. Они были словно стальные».

После смерти Брюса слухи продолжались, включая и тот, согласно которому его смерть была вызвана передозировкой «шпанской мушки» — препарата, повышающего потенцию.

Журналисты копались в архивах в поисках фотографий, на которых рядом с Брюсом были женщины. Одна из газет напечатала пять страниц его фотографий с различными женщинами в обнимку и улыбающегося, подразумевая, что каждая из этих женщин была его любовницей.

Верно, что Брюса Ли видели и фотографировали в компании с многими красивыми женщинами, но разве это не нормально для кинозвезды? Он даже сам стремился к этому и, будучи врожденным тщеславцем, получал удовольствие от того, что его видели в обществе красавиц. И хотя в случае с Бетти Тинпей все зашло несколько дальше, я верю, что в душе Брюс не был ни ловеласом, ни распутником.

Для девушки из мещанской семьи среднего класса было большим риском выйти замуж за человека, не имевшего ни денег, ни перспектив. Немногие из женщин решились бы на такое. Линда Ли жила в тени Брюса и должна была посвятить себя его нуждам. Без сомнения, он отвечал ей благодарностью, но лучшими годами их совместной жизни были, вероятно, первые годы — до того, как он стал звездой.

Глава 25. Нечестная игра?

Даже вечером того дня, когда Брюс Ли умер, по Гонконгу на волне накалившихся эмоций уже проносились слухи и домыслы. В Пресс-клубе говорили, что Брюса втянули в большую драку с десятью или двенадцатью людьми, которые избили его до смерти.

При его внезапной смерти, казалось, слышались страдальческие отклики из первых сцен фильма «Яростный кулак», когда Чен Чен обнаруживает, что его мастер умер: «Как может умереть такой здоровый человек!».

Как и в случае Джона Леннона, наверное, было много людей, с которыми Брюс Ли был совершенно незнаком, но которые тем не менее желали ему смерти.

Некоторые, дойдя до абсурдных крайностей, вообразили, что за смертью Брюса стоит Ран Ран Шоу или даже сам Рэймонд Чжоу. Были еще более нелепые предположения о том, что Брюса Ли убили члены «Триад», которым он стал поперек дороги или оскорбил; или что он погиб от рук японских мастеров боевых искусств, которые устали от его не слишком уважительного отношения к каратэ.

Другие выдвигали предположения, что Брюса убили мастера кунг-фу с помощью техники «прикосновения смерти» из-за того, что он эксплуатировал это мастерство, зайдя слишком далеко в своих отношениях с Голливудом, и навлек дурную славу на боевые искусства. На самом деле Брюс уже заплатил дорогой ценой за то, что переносил нагрузку конфликтующих энергий, заставляя себя совершенствовать свое мастерство и одновременно стараясь довести его до массовой аудитории.

Почти что за одну ночь вокруг Брюса Ли возник культ.

Журналы для любителей кунг-фу, неожиданно потеряв основу своего существования, отчаянно искали всевозможные точки зрения, чтобы построить на них сюжет. Нанимались астрологи, чтобы объяснять, почему всем нужно было этого ожидать, и чтобы строить предположения, что Брюс делал бы, если бы он был жив. Некоторые считали, что Брюс вообще не умер, а удалился в горы, чтобы позже снова появиться как мессия.

Эти теории становились все более нелепыми. Что Брюс умер от приема стероидов (даже хотя его вес угрожающе снизился); или что он умер из-за того, что ему удалили потовые железы, чтобы он лучше выглядел на съемках! Такие глупости распространялись, и через несколько месяцев Андре Морган из компании «Голден Харвест» получил письмо от женщины из Гус Бэй с Лабрадора, которая писала, что они с семьей только что

просмотрели один из фильмов Брюса и узнали, что он уже умер, — не может ли «Голден Харвест» подтвердить, что мафия застрелила Брюса из-за того, что его стало невозможно контролировать?

По поводу смерти одного из самых натренированных и выносливых в мире людей неизбежно должно было распространяться множество теорий. Брюс всего за два месяца до своей смерти получил серьезную мозговую травму, так что некоторая слабость уже имела место. Начинать нужно с того, была ли эта слабость врожденной или вызванной травмой. При расследовании коронера Рэймонд Чжоу свидетельствовал, что во время съемки своих фильмов Брюс получил много ударов, которые не были включены в сценарии; Чжоу добавил, что некоторые из этих непредвиденных ударов были «очень сильными».

Многое извлекли из знаков и предзнаменований, сопровождавших смерть Брюса. Журналистка Мэл Тобиас заметила, что район Коулун, где находился дом Брюса, означает «Пруд девяти драконов», и предположила, что большим драконам не понравилось то, что среди них находится «Маленький дракон», и они уничтожили его. Между тем по другому китайскому суеверию никогда нельзя включать слово «смерть» в название книга или фильма. 20 июля Брюс планировал продолжить съемки «Игры со смертью».

Каждому из нас случалось идти по берегу в поисках «подходящего места», для того чтобы позагорать, или ждать «хорошего места», чтобы остановиться на пикник. В своей самой выраженной форме эта интуитивная способность, которую на западе называют «геомантией», на Востоке называется Фэн-шуй. Искусство и наука Фэн-шуй[17] позволяет человеку жить в большей гармонии со своим окружением. Строя дом, китайцы уделяют много внимания его соотношению с природными чертами и силами данного района, чтобы он был связан с местной окружающей средой и «был в резонансе» с ней, как орган в здоровом теле. При постройке дома должны учитываться рельеф местности, где протекает вода, направление преобладающего ветра и многое другое. Принципы Фэн-шуй распространяются даже на расположение и цвет мебели, положение ламп и т. д.

Консультант по Фэн-шуй, которого пригласили осмотреть дом, приобретенный Брюсом в районе Коулун Тонг, был недоволен. У этого района была репутация места, где разоряются богатые семьи, что символизировалось его расположением в низшей точке впадины ландшафта. Оба предыдущих владельца дома Брюса потерпели финансовый крах. Кроме того, дом

находился неподалеку от аэропорта Кай Так, то есть естественные потоки ветра были нарушены; и фасад дома находился не с той стороны. Специалист по Фэн-шуй придумал решение: на крыше дома была поставлена зеркальная фигура, чтобы отражать плохие воздействия.

За два дня до смерти Брюса эту фигуру снесло с крыши во время тайфуна.

Подобные события и ситуации, конечно, нельзя считать причиной смерти Брюса Ли, и они не были результатом этой смерти. Эти события просто произошли в то же время. Эти совпадения, или, как их называет Юнг, «синхронизации», не были ни причиной, ни следствием, а находились в резонансе с одним и тем же качеством и отражали природу друг друга. Как сказал писатель Дж. К. Честертон: «Совпадения — это духовные каламбуры».

Дуг Палмер записал свое мнение о смерти Брюса:

Благодаря широте своих взглядов он не поддавался никаким ограничениям ни в техниках боевых искусств, ни в касающихся их условностях. Он первым стал преподавать кунг-фу не-китайцам, рискуя недовольством и даже изгнанием из китайской коммуны. В конечном счете вместе с завистью к его потрясающему мастерству и популярности, причиной была его нетерпимость (некоторые называют это высокомерием) по отношению к тем, кто полагался на тайный язык и традицию вместо заслуг и способностей. Я считаю, что все это привело к его смерти.

Взаимная неприязнь между ним и некоторыми из более традиционных мастеров кунг-фу в Гонконге росла с той же скоростью, что и популярность Брюса. Несколько мастеров из других школ были вместе с Брюсом на телевизионном шоу, — кажется, благотворительном. Как бы там ни было, один из мастеров хвастался своей внутренней мощью, подстрекая Брюса и бросая ему вызов ударить его в живот. Этот мастер стал в боевую стойку, с одной рукой сбоку, а второй указывая на свой живот. Он настаивал, чтобы Брюс ударил его сюда, добавляя, что ему невозможно причинить боль.

Брюс подошел и ударил его прямо в нос. Мастер, испугавшись, отпрыгнул, а затем разозлился и потребовал объяснений того, что Брюс сделал. «Любой может научиться сопротивляться удару, если он к нему готов, — сказал Брюс, — мастер кунг-фу должен быть готов к неожиданному».[18]

«В последний раз я видел Брюса, — добавляет Палмер, — во время съемки «Игры со смертью». Конечно, он был худой, но он был очень вынослив и натренирован. Я не верю, что он заработался до смерти. Брюс приобрел себе много врагов в

Гонконге тем, что открыто презирал традицию, и вызвал потерю репутации — это телешоу смотрели три миллиона людей.

Никто не мог открыто выступить против Брюса; никто не мог победить его один на один, — так что единственным способом избавиться от него, не оставляя никаких улик, это было отравить его».

Другой из самых первых учеников Брюса, Джеймс де Миль, был настолько убежден в том, что со смертью Брюса была связана нечестная игра, что организовал свое собственное расследование. Первыми подозреваемыми для де Миля были китайские кланы вин-чунь, недовольные тем, что Брюс превращает в вестерн это искусство. В Гонконге люди относились к стилю боя как к глубоко укорененной семейной традиции. Не будучи посвященным в такую традицию, трудно понять глубину связанных с этим чувств, точно так же, как азиатам, наверное, невозможно понять, что соперничество болельщиков соревнующихся футбольных команд приводит к насильственным смертям.

Потом де Миль пересмотрел свои взгляды и сказал, что он считает, что Брюса отравили люди, которых он настроил против себя в индустрии фильмов Гонконга, потому что независимая позиция Брюса расшевелила слишком много амбиций в этой эксплуатирующей индустрии, которая до этого работала как часы.

В книге «Брюс Ли: Король Кунг-фу» Дон Атио пишет:

Брюс Ли уничтожал репутации,[19] как лосьон после бритья с чешуйками проказы… Для многих тех, кого Ли победил, в бизнесе или на ринге, его самоуверенность супермена была невыносима, его прямая искренность была оскорблением.

Опять же, из-за Ли многие из его соперников потеряли большие суммы денег. Кроме того, что он перетянул большую часть прибыли от зрителей у признанных киностудий, было много жалоб на то, что в конкуренции с фильмами Ли более мелкие кинокомпании попадали в трудное положение и вытеснялись с рынка.

Ли безвозвратно изменил не только произведения мандаринской индустрии фильмов, но и саму структуру этой индустрии. Как первый мандаринский актер, который взял на себя контроль над своей карьерой, он показал путь к более справедливой доле доходов своим коллегам-актерам. Конечно, в Гонконге, в начале 1973 года, было много людей, которые были бы очень рады положить конец головокружительному взлету звезды Ли.

Сразу же после смерти Брюса Ли Алекс Бен Блок, который был тогда редактором раздела развлечений газеты «Майами Ньюс», написал книгу «Легенда о Брюсе Ли». Несмотря на то что

Блок вообще не имел никакого опыта в боевых искусствах, именно из его книги возникли все истории о тайных отрядах убийц и завистливых мастерах кунг-фу.

Блок выдвинул много предположений: что Брюса Ли убили те, кто не хотел обнародовать кунг-фу, или те, кто завидовал его славе; или те, кто злился, что он не одобряет их произведения.

Блок предоставляет нам решать, было ли убийство совершено «одним талантливым врагом, обладающим знанием и волей», или «ниндзя-отравителями, использовавшими каннабис», или малайзийскими мастерами боевых искусств, использовавшими «технику вибрирующей ладони», или шаолиньскими монахами, которых «огорчил» Брюс и которые использовали смертельное прикосновение с замедленным действием под названием *дим мак*, и так далее. Эти сумасбродные домыслы из книги Блока вскоре цитировались как «авторитетные» и «исследованные» факты. Журнал «Попстер» обещал раскрыть тайну того, что Брюса убили тайным смертельным прикосновением неизвестные убийцы, — а на следующей странице он пытался ответить на чуть более фундаментальный вопрос: «Что такое кунгфу?.»

Было бы ошибкой считать, что не существует тонких способов использования энергии для того, чтобы травмировать и убивать. В действительности Брюс Ли сам владел этим мастерством, как и мой учитель Дерек Джонс. *Дим мак* (смертельное прикосновение) — это, наверное, наивысшая форма *бил джи* (пронизывающие пальцы), в котором противнику может передаваться огромное количество энергии, иногда при минимальном реальном контакте. Сама эта техника выходит далеко за пределы физического мира. Это как бы противоположность акупунктуры, в которой энергетические контуры разрываются и разрушаются, а не гармонизируются и уравновешиваются. Для успеха **дим мак** требуется знание того, какие области более уязвимы для атаки в разные моменты, — как и для искусства Фэн-шуй, для него требуется интуитивное понимание энергии и способности находить «подходящее место» в подходящее время. Кроме того, успех дим мак зависит от медитации на желаемых результатах. Его можно даже отнести скорее к оккультному искусству, чем к простым боевым техникам. В некотором смысле, дим мак действует как противоположность духовного целительства. Такое использование энергии зависит от того, как она направляется сочетанием намерения, желания и действия в единую силу. Нужно понимать, что любое неуместное использование этой техники также имеет определенные последствия.

Теперь Алекс Бен Блок — исполнительный директор газеты

сферы развлечений «Голливуд Рипортер». «Пересмотрел ли я какие-то свои взгляды? — говорит он. — В некоторой степени — да, хотя я лично всегда считал, что Брюс Ли умер от естественных причин. Я написал эту книгу за несколько недель, когда никто толком не знал, что происходит. Я просто извлек все, что могло дать какое-то объяснение. Например, я ни капли не верю тому, что написал в «Пентхаузе» Голдмэн».

Блок говорит о статье Альберта Голдмэна, которая появилась в двух частях в январском и февральском 1983 года выпусках журнала «Пентхауз». В этой статье Голдмэн заявляет, что у Брюса Ли были заметны все классические признаки труса-задиры, и называет его «перехваленным сопляком шоу-бизнеса», «философом пирожков с предсказаниями» и помешанным на контроле над другими наркоманами, пристрастившимся к мощной непальской гашишной смоле, которая в конце концов его убила. Основа статьи Голдмэна была выведена из двух телефонных разговоров, одного с Бобом Уоллом и другого — с врачом Брюса, Чарльзом «Доном» Лэнгфордом.

Говорит Боб Уолл:

> Голдмэн один раз поговорил со мной по телефону, а затем искаженно процитировал все, что я сказал, с самой негативной точки зрения.
>
> В последний раз, когда я был в маленьком японском домике Брюса в Коулун Тонг, у нас был горячий спор об относительных достоинствах вина и гашиша. Я поощрял его пить вино для расслабления. Я сказал ему, что пара стаканов вина вместе с едой считается полезной, что ему не нужно напиваться и что он может использовать вино, не злоупотребляя им.
>
> Брюс восторгался статьей о расслабляющем действии гашиша, которую он прочитал в «Плейбое». Из-за того, что Брюс не пил и не курил, ему нравилась идея вкладывать гашиш в печенье. Я сказал ему, что никак нельзя определить источник и качество гашиша, а на бутылке вина всегда есть наклейка с названием производителя.
>
> Брюс возразил, что он покупает все только высшего качества, и, когда Уолл потягивал вино, Брюс ел гашишное печенье. Вечер продолжался, и горячий спор перешел в разговор о боевых искусствах и философии, Брюс стал «добродушным, расслабленным и обаятельным».
>
> Через несколько недель у Брюса был удар в

помещениях для дубляжа компании «Голден Харвест», и после лечения врачами в Гонконге он поехал на дополнительные тесты в медицинский центр университета штата Калифорния. В это время Брюс жил в домике в отеле Беверли-Хилс и несколько раз встречался с Бобом Уоллом. Брюс сказал Уоллу, что он чуть не умер и что, когда он поправился, врачи сказали, что случилось что-то странное, и, помимо остальной информации, хотели узнать обо всем, что Брюс ел перед ударом. Когда выяснилось, что среди прочего он съел гашишное печенье, врачи предположили, что у него, возможно, произошла неблагоприятная реакция на этот наркотик. Ему посоветовали больше его не употреблять. Очевидно, он не последовал этому совету.

Дон Лэнгфорд уехал из Гонконга в 1989 году по приглашению медицинского факультета, который он теперь возглавляет, в Лафейетте, в своей родной Луизиане. Он к тому же баптистский священник и разговаривает с размеренностью джентльмена с Юга:

> Мой первый контакт с семьей Ли произошел, когда ко мне привели Брэндона, потому что он поранил руку, защемив ее в складном стуле. Я не знал, кто такой Брюс, — я просто запомнил отца Брэндона как мускулистого и умного человека. Потом медсестра сказала мне: «Вы разве не знаете, кто это?» Когда я узнал, что их семья живет поблизости, я замечал, как Брюс бегает для разминки каждое утро. После этого я лечил Брюса каждый раз, когда он получал травмы на съемочной площадке.

Дон Лэнгфорд вспомнил статью Голдмэна, в которой его самого цитируют как назвавшего Брюса «истериком» и в которой Брюс будто бы показал им с доктором Питером Ву образец каннабиса, воскликнув: «Это единственная вещь, которая останавливает время!»

Доктор Лэнгфорд продолжает:

> Эта статья вызвала у меня некоторое смущение. Я вспоминаю с досадой, что информация Альберта Голдмэна была неверной. Брюса явно представили хуже, чем он был на самом деле. Брюс скорее был театральным, чем истеричным, — он был драматической личностью, актером — и он иногда разыгрывал сцены

своих травм. Мы с Брюсом говорили об этом, он сказал, что, когда он играет, он становится ролью, и наверное, он занимался именно этим, когда был в приемной. Но он всегда владел собой. Я думаю, что другой рассказ об этом был излишне драматизирован.

Ни доктор Ву, ни я никогда не видели Брюса с каннабисом, но он сказал нам, что он жевал корень. Он сказал, что это немного замедляло время. Я понимаю, почему это привлекало Брюса; каннабис вызывал чувство безвременности, которое могло частично снимать давление предельных сроков, под которым он постоянно находился. Брюс был в контакте с реальностью во всех отношениях — у него было очень реалистичное представление о себе — он не считал себя чем-то большим, чем он был.

Брюс Ли был человеком с выдающимися способностями, но его возможности, его важность и его слава — все это нахлынуло таким потоком, что у него буквально не было времени справляться с этим. Из второстепенной звезды телевидения он вдруг неожиданно превратился в самого знаменитого во всем мире киноактера. Если бы ему не нужно было выносить всю фальшь этого мира, я думаю, что он мог бы справиться.

Но то, с чем ему пришлось справляться, было больше, чем мог вынести простой смертный.

Пока я не уехал из Гонконга, я каждый день останавливался около местного газетного киоска и просматривал обложки газет и журналов. Не было ни одного дня, когда бы лица Брюса не было хотя бы на одной обложке — даже через шестнадцать лет после его смерти.

Доктор Питер Ву теперь руководит своей собственной клиникой в Гонконге. Когда я связался с ним, он явно ничего не знал об Альберте Голдмэне и попросил, чтобы ему прислали копию этой позорной статьи. В своих выводах для коронера доктор Ву придерживался мнения, что в медицинском заключении причиной смерти должна быть указана чрезмерная чувствительность к эквагезику или каннабису. Поскольку причина смерти не была ясна и конопля была налицо, то с реалистичных позиций этот вывод был неопровержим. Но в официальном заключении как предполагаемая причина был назван только эквагезик.

Доктор Ву добавляет: «Профессор Тиэр был судебным специалистом, рекомендованным Скотланд Ярдом; его пригласили как эксперта по каннабису, и его заключение неоспоримо.

Дозировка каннабиса неточна и непредсказуема, но не известно ни одного случая, когда кто-то умер просто из-за того, что принял его».

Опять же, нельзя недооценивать отрицательное отношение к каннабису в Гонконге; ситуация на Востоке и на Западе в этом смысле прямо противоположна. Хотя китайцы либерально относятся к опиуму, конопля считается «зарубежным» наркотиком со зловещим и порочным оттенком. Официальное заключение отражало некоторое культурное или даже политическое давление.

Дон Лэнгфорд цитирует другие причины заключения, к которому в итоге пришло расследование:

Было много беспокойства из-за страховки Брюса. Я еще долго считал, что, если я скажу что-то, дело могут снова открыть. Я даже взял записи о Брюсе из папки в больнице «Бэптист Хоспитал», на тот случай, если кто-то попытается добраться до них.

В каннабисе есть известный химический алкалоид, который может вызывать приступы: его можно извлекать и назначать для того, чтобы вызывать этот эффект. Эквагезик не имел никакого отношения к коллапсу Брюса. Тысячи людей принимают эквагезик без никаких побочных эффектов, тогда как каннабис может оказывать неблагоприятное влияние. Для этого даже не обязательна повышенная чувствительность, просто невозможно определить дозировку. У меня нет ни тени сомнения, что предположительной причиной смерти нужно было назвать каннабис. Я хотел бы, чтобы было вынесено более правдивое заключение. Но весь мир наблюдал за этим расследованием, ожидая, будет ли создан прецедент. Если бы каннабис признали причиной смерти, это бы принесло целую кучу неприятностей, потому что никто до этого не говорил, что конопля может дать такой эффект. Гонконг не хотел создавать такой прецедент, особенно учитывая то, что коронер был непрофессионалом.

Следователь Эгберт Тан был юристом без специальной научной подготовки. По всем рассказам, расследование было полной путаницей, не лишенной комических моментов. Лэнгфорд продолжает:

Он останавливал нас и просил продиктовать по буквам медицинские термины, а потом их записывал. Это было смехотворно.

Делает ли все это из Брюса какого-то заядлого наркомана?

Конечно, нет! У него были деньги и доступ к чему угодно.

Опиума было в большом избытке; и в сфере индустрии развлечений к наркотикам отнеслись бы без малейшего неодобрения. По-моему, Брюс просто предпринял очень практичные шаги к тому, чтобы найти то, что сняло бы часть огромного давления, под которым он находился.

Как и в случае с написанными Альбертом Голдмэном циничными биографиями Элвиса Пресли и Джона Леннона, его рассказ о жизни Брюса раскрыл скорее не описываемого человека, а странную психику самого писателя. В мире Голдмэна Брюс Ли тренировался с «запачканными» подвесными грушами и «причудливыми» манекенами — даже тренировку по боевым искусствам можно было наполнить неприглядной атмосферой. Этот писатель, по-видимому, буквально ненавидел свою работу, презирая популярных героев, о которых он писал, и сожалел о том, что ему приходится скармливать другим их успехи, чтобы зарабатывать себе на жизнь. За голдмэновским портретом Брюса Ли — за провокационными вопросами и надерганными цитатами — всегда чувствуется бессердечное и нереализованное «я» самого писателя. Точно так же, как в действительности нечестная игра не убила Брюса Ли, так и голдмэновская разновидность нечестной игры неизбежно была неудачной попыткой убить правду.

Учитывая перегрузку, давление и отдачу энергии в последние два года жизни Брюса Ли — как бы это ни проявлялось, — что-то должно было отказать. Были чисто физические усилия проводить бои в отупляющей жаре и влажности, делать дубль за дублем, иногда одновременно с этим создавая сценарий и занимаясь режиссурой. Были постоянно крутящиеся мысли о том, в каком направлении теперь нужно будет двигаться, и напряжение, созданное его мгновенно возникшей известностью и вторжениями прессы.

Его эксплуатировали не только продюсеры и рекламодатели, но и старые друзья и давно потерянные родственники, которые хотели побыстрее получить деньги. Слишком многие смотрели на Брюса и видели только кучу долларовых банкнот.

Он пытался нанести боковой удар тому, что с ним происходило, но этого было слишком много и слишком быстро. Он не только перестал тренироваться, в итоге он даже перестал смеяться.

Глава 26. За пределами

Как спортсмен, Брюс Ли всегда гнал себя все выше, дальше и быстрее. Но ближе к концу он пытался делать это, прикованный к тяжелому грузу роли звезды. Казалось, у него никогда не было желания отдохнуть, даже если были возможности для этого. Только однажды он вообще высказался на тему отдыха, считая это состояние не слишком желательным, неподвижным, застывшим и мертвым. Брюс постоянно, опять и опять прорывался через свои границы.

Когда люди говорят о Брюсе, чаще всего используется слово «интенсивный».

«Он построил себя, — говорит Боб Уолл, — он взял свое тощее слабенькое тело и превратил его в нечто невероятное. Он вложил в него часы тренировок, очень интенсивных, очень насыщенных. Я не знаю, что мотивировало его делать это».

Рассел Кауторн из компании «Голден Харвест» сказал:

> Я думаю, первым впечатлением от Брюса была невероятная аура энергии, которая окружала его как энергетическое поле. На самом деле он казался гораздо больше, чем был на самом деле. Создавалось впечатление, что его ноги как бы никогда не касаются земли; казалось, что он стоит на шесть дюймов над землей. Просто встретиться с ним было замечательным переживанием. Интенсивность, которую вы видите в его фильмах, — это всего лишь разбавленный вариант того, что у него всегда было в реальной жизни. Брюс всегда остается в моей памяти как человек невероятной интенсивности, силы и мощи — и настолько мотивированный и несущийся вперед, что иногда казалось, будто он может летать!

Еще один руководитель «Голден Харвест», Андре Морган, говорит:

> Он провел целое утро, выполняя один боевой эпизод, где-то около тринадцати дублей. Мы просматривали съемочный материал; и третий, и четвертый, и шестой дубли были хорошими, но он все равно продолжал, и делал шестой, седьмой, восьмой и так далее, потому что они ему чем-то не нравились. Как человек он был очень упорным. Отчасти в этом была проблема. Он всегда

отправлялся в слишком многих направлениях сразу, чтобы как можно быстрее узнать обо всем, всегда в спешке.

* * *

Существуют «каналы», через которые течет жизненная энергия. Китайцы признают это во взаимосвязи своей религии, медицины и философии. И акупунктура, и кунг-фу показывают, что эта энергии не второстепенны для жизни, они совершенно необходимы для нее. Поток энергии — это сама основа жизни. Само наше тело и личность как бы образованы из пульсаций и структур энергии. Эти «каналы» выходят далеко за пределы повседневной физической реальности: они проходят через нервную систему, через физический мир и сквозь все существующее.

Иногда человек с феноменальной концентрацией силы воли, силы эмоций или физической решимости прилагает усилия, чтобы выйти за пределы обычного использования тела или ума или за пределы обычных человеческих потребностей, которые обычно касаются только комфорта. Такой человек начинает открывать «более высокие», более универсальные энергии. Это происходит с помощью интенсивной духовной работы или творческих усилий, выполняемых с огромной мотивацией или намерением. Этот процесс заметен в разной степени в жизнях многих великих композиторов, писателей и художников и в жизнях как духовных учителей, так и «могущественных» диктаторов. Частичная связь с этой энергией очевидна в «пристрастии» работоголика или в навязчивых привычках и сверхактивности.

Любой, кто устанавливает контакт с этой энергией, тем самым раскрывает сверхчувственное осознание и начинает воспринимать более широкий мир. Но некоторые люди в итоге доходят до того, что уже не могут направлять эту энергию и выражать ее. Например, художник Ван Гог делал смелые попытки перенести в краски и холст тот ослепительный мир, который сверкал перед его глазами, — пока этого не стало слишком много. Есть греческий миф, описывающий этот процесс: Прометей крадет с небес огонь богов, чтобы вернуть его на Землю, но в конце концов этот огонь поглотает его.

Может быть, Брюс Ли просто сжег себя? Может быть, «неограниченное самовыражение», которое Брюс нашел в своем боевом искусстве, вывернулось наизнанку, так что теперь эти мощные силы двигали им? Может быть, парень, который «никогда

не мог усидеть на месте», уже не мог остановиться, так что на очень глубоком уровне его тело не было способно справляться с происходящим? Может быть, испытывая увеличивающийся стресс и требования, его тело оказалось под таким давлением, которого не смогло выдержать? Я считаю, что не только это.

Используя западную терминологию, можно сказать, что Брюс Ли умел направлять архетипические энергии, которые существуют за пределами энергии, ограниченной нашей структурой личности. Он имел доступ к уровням необычайной, сверхъестественной энергии. Такие энергии можно только пережить, получив к ним доступ. Однако этот процесс описан разнообразными способами во многих традициях.

Шаман — это человек, владеющий мастерством доступа к измерениям реальности, которые находятся за рамками обычно воспринимаемых норм. Знахари индейских равнин использовали различные практики, ритуалы и медитации, чтобы выполнять «путешествия видения» для приобретения знаний и могущества. Аналогичным способом китайские воины-священники обнаружили, что «уроки» и «техники» в боевых искусствах могут давать союзники и духи в других измерениях реальности. В обоих этих традициях такие «учителя» могли восприниматься непосредственно как энергия в теле, но позже описываться как дух животного или какой-то другой сверхъестественной силы или существа, возможно даже как «демон».

Брюс Ли имел доступ к энергии, которая выходила из глубин его бессознательного, когда он устанавливал связь с этими архетипическими силами, фундаментальными энергиями, которые объединяют весь мир. Другие люди ощущают иллюзорный вкус этой энергии, которая вызывает у нас такие приятные чувства, когда мы смотрим Брюса Ли на экране. Мы как бы получаем от него вторичный заряд, который обладает любопытным воодушевляющим качеством.

Фред Вейнтрауб рассказал красноречивый случай: на премьере фильма «Появление дракона» его друг к концу фильма был настолько наэлектризован, что попросил свою жену одну вернуться на машине в Беверли-Хилс, потому что он захотел прибежать домой.

В конце концов, наверное, лучшее объяснение того, что убило Брюса Ли, дал сам Брюс. Однажды он сопровождал Стирлинга Силлифэнта в пробежке на три мили. Под конец Брюс сказал, что они теперь «переключат скорость» и пробегут еще несколько миль. Писатель возразил, что ему сорок пять лет и ему это не по силам. Через пять минут дополнительного бега в голове у Силлифэнта кровь стучала, подобно молоту о наковальню.

— Если я пробегу еще немного, у меня будет сердечный приступ и я умру, — сказал он, задыхаясь.

— Так умирай! — сказал Брюс.

Это привело Силлифэнта в такую ярость, что он пробежал дополнительные мили.

Позже, принимая душ, Брюс объяснил:

> Если всегда ставить себе границы в том, что можешь сделать, физические или любые другие, можно с таким же успехом быть мертвецом. Это распространится на работу, на мораль, на всю жизнь. Нет никаких границ, только горизонтальные участки стабилизации. Но нельзя на них оставаться, нужно выходить за их пределы. Если это убьет — значит, убьет.

Глава 27. Новый Брюс Ли?

В связи со зрительским спросом 8 августа 1972 года пробная постановка «Кунг-фу» была показана снова, после чего тысячи писем просто завалили офис кинокомпании. В январе 1973 года она стала еженедельным сериалом и быстро приобрела популярность, став в США телешоу номер один. В течение недели перед 6 мая 1973 года (приблизительно в это время был завершен фильм «Появление дракона»), «Кунг-фу» собирал аудиторию в 28 миллионов телезрителей.

Этот сериал оказал огромное воздействие на зрителей.

Большинство из нас на Западе впервые увидели китайское боевое искусство (или какое-то изображение образа жизни в монастыре Шаолинь), — окрашенное отношениями между мастером По и его учеником Кейном, которого называли «кузнечиком».

Наверное, самой запоминающейся частью сериала «Кунгфу» был титульный эпизод, показывающий инициацию шаолиньского воина-монаха, для которого высшим испытанием было поднять огромную бронзовую ритуальную урну с отчеканенными рисунками дракона и тигра. Наполненная докрасна раскаленными углями, эта урна фактически служила клеймом.

От монаха требовалось взять урну предплечьями и перенести ее в сторону; в результате его левая рука была заклеймена эмблемой дракона, а правая — эмблемой тигра. Такое клеймо было знаком мастерства в боевых искусствах Шаолиня, и хотя мастер никогда открыто не показывал его, этот знак чтили и уважали.

Прежде чем принять роль Кейна, Дэвид Карредайн открыто признавал, что он слышал выражение «кунг-фу» только два раза и, конечно, никогда не практиковал это искусство. Поразительно, что в книге «Дух Шаолиня» — претенциозной автобиографии, опубликованной в 1991 году, — он самоуверенно заявил, что «никто на планете не был лучше, чем я, подготовлен на стольких уровнях играть роль Кейна».

В своей книге Карредайн также заявляет, что «многие из движений Брюса выполняли дублеры». На самом деле, за всю свою карьеру Брюс использовал дублера только в трех кадрах.

В начальном эпизоде «Появления дракона» гимнаст выполнил сальто; тот же гимнаст потом выполнил сальто назад в вызвавшей споры сцене боя Брюса с Бобом Уоллом. Обратное сальто Брюса в «Яростном кулаке» тоже было выполнено дублером.

Вскоре после смерти Брюса Карредайн оказал ему

сомнительную честь: «Этот Брюс Ли, да, он великолепен. Я должен занять его место и продолжить его работу».

И он попытался это сделать. В 1978 году Карредайн приобрел права на «Безмолвную флейту». Так как Карредайн знал, что он «лучше всех на планете готов к роли Кейна», он счел себя «идеальным» для роли Корда-Искателя, добавив, что «с моей репутацией я был уверен, что смогу сделать этот фильм». Но в в итоге он скромно решил сыграть другие четыре роли, которые сыграл бы Брюс.

По мнению режиссера «Безмолвной флейты», Ричарда Мура, сценарий был «непригодным для фильма». У Мура появились дополнительные сложности, когда Карредайн настоял на том, чтобы использовать своего старого приятеля Джеффа Купера в роли Корда. Как рассказывает режиссер, Купер не мог сыграть даже то, как он выбирается из бумажного мешка. Столкнувшись с трудностями в возможности качественного исполнения роли Купером и в сильном превышении бюджета фильма, Мур предпочел сделать фильм вовремя, хотя он знал, что большинству зрителей будет трудно стерпеть уровень игры Купера.

Прежде чем роль Корда была предложена Джеффу Куперу, она предлагалась Джо Льюису, который отказался от нее, потому что не хотел работать с Карредайном. Льюис говорит: «Я не хотел, чтобы мое имя связывали с таким паршивым мастером боевых искусств. Они все равно сняли фильм, в Израиле, и он получился страшным барахлом!»

Льюису в итоге пришлось руководить пересъемкой нескольких сцен боев и нанимать мастеров боевых искусств для дублирования актеров, снятых в более ранних эпизодах. Льюис нанял Майка Стоуна как дублера Карредайна, который считал это оскорблением, и, по словам Льюиса, результатом были крики, вопли и повреждение оборудования. Тогда Джо Льюис показал Карредайну некоторые из своих ловких, непринужденных движений, которые он использовал в фильме; Льюис также продублировал некоторые из ударов в полете Джеффа Купера в конце фильма.

Вначале фильм был выпущен как «Железный круг». Имя Брюса Ли появляется в титрах не менее пяти раз, хотя фильм был невероятно далек от того, на что Брюс надеялся. До сегодняшнего дня Джеймс Кобурн отказывается смотреть этот фильм и хранит свою копию первоначального сценария.

Конечно, в идеальном мире Брюс Ли сыграл бы главную роль в «Кунг-фу», в расцвете своих сил, работая с качественными сценариями и режиссурой. Если бы «Безмолвная флейта» была сделана с участием Брюса, она бы не только была на порядок

лучше варианта, который был сделан, она была бы лучше некоторых из фильмов, которые Брюс все-таки сделал. Вместо этого «Кунг-фу» и «Безмолвная флейта» были искалечены и превращены в рекламу для «паршивого мастера боевых искусств», со смехотворными утверждениями вроде того, что Брюса будто бы «учил бою» «режиссер-миллионер» Ло Вэй.

В 1986 году был сделан второй телефильм «Кунг-фу» с участием юного Брэндона Ли (сына Брюса). В 1993 году компания «Уорнер Бразерс» транслировала по телевидению новый телесериал — «Кунг-фу: легенда продолжается», поставленный в современном американском городе, где Карредайн играет роль внука Кейна. Здесь, как умиротворенный и философствующий отец, он в основном оставляет бои на долю своего сына-детектива — человека, у которого есть флейта и пистолет.

В последние годы Карредайн также продавал себя как нечто вроде «Джейн Фонды от боевых искусств», выпустив видео «Тренировка по кунг-фу». А недавно Карредайн появился в роли «Кузнечика» в телерекламе чая «Липтон» — пародии на оригинальный сериал «Кунг-фу». Несмотря на альтруистичную «мудрость», которую он расписывает в своей автобиографии, можно уверенно предположить, что ближе всего к сердцу Карредайна находится его кошелек.

Чак Норрис со временем стал самостоятельной звездой кино, но его исполнение несколько прозаично; он не одарен большой силой самовыражения. Как искренне признавал сам Норрис: «Дэвид Карредайн такой же мастер боевых искусств, как я — актер».

Кроме Норриса, есть еще несколько основывающих свои роли на боевых искусствах актеров, например айкидоист Стивен Сигал и бельгийский представитель каратэ Жан-Клод ван Дамм. Есть и женщины-звезды; самая известная — Синтия Ротрок. В начале девяностых Стивен Сигал ставил рекорды по кассовым сборам, хотя его фильмы на самом деле приключенческие, лишь с мимолетными элементами боевых искусств. Однако был актер, готовый затмить их всех, — Брэндон Ли.

Рано утром 1 апреля 1993 года мне позвонил друг из Лос-Анджелеса и сказал, что Брэндон Ли погиб на съемках нового фильма, над которым он работал, под названием «Ворон». Телевизионные сводки новостей подтвердили ошеломительную новость, что Брэндон Ли умер в возрасте двадцати восьми лет.

После смерти отца девятилетний Брэндон Ли на некоторое время стал злым и замкнутым. Когда семья Ли переехала в богатый городок Роллинг Хилз Эстейтс в Калифорнии, Брэндону было трудно снова адаптироваться к американскому образу

жизни. Его наследство означало, что ему постоянно бросали вызов в каждой новой школе, в которую он ходил, и в итоге он побывал почти во всех школах района Южного Залива. Не удивительно, что он бунтовал, пытаясь уничтожить свой имидж сына Брюса и построить собственную идентичность. Брэндон ввязался в подростковую преступность, съездив ради развлечения на угнанной машине и однажды выдав себя за инструктора на получение водительских прав. Он провел несколько лет «на дороге», исследуя западное побережье. За четыре месяца до выпуска его исключили из колледжа.

Когда ему было пятнадцать, Брэндон провел год, обучаясь у Дэна Иносенто и Теда Бона:

> Я относился к боевым искусствам со смесью любви и ненависти. Был год, когда я был очень этим увлечен, а затем период, когда я сказал: «Эй, мне не нужно этим заниматься».
>
> Наверное, все это время постоянным было только желание сниматься. Мой папа никогда не говорил мне, чтобы я шел в актеры, и моя мать тоже не говорила, но с детства я только об этом и мечтал. Я никогда не думал ни о чем другом.

В восьмидесятых годах Брэндон переехал в Бостон, чтобы учиться в «Эмерсон колледж» с целью стать актером, который сможет делать реалистичные бои, а не мастером боевых искусств, который может играть. Но его имя не открыло ему дверей, и он дошел до того, что был корректором сценариев, пока наконец-то агент по подбору актеров не добыл ему его дебют в «Кунг-фу». Но дальнейших ролей не последовало. Как и Брюс, Брэндон прорвался в фильмы в Гонконге, где он сделал небольшой по затратам фильм «Наследство ярости», после которого был фильм «Лазерная миссия», сделанный в Германии. Свой первый американский фильм, «Разборка в старом Токио», он сделал с Дольфом Лунгреном в 1991 году. Работа Брэндона неизбежно сравнивалась с работой его отца.

В идеале я бы предпочел, чтобы меня не сравнивали с отцом, но мне везет — люди им очень восхищаются. Я встречал много людей, на которых его работа в фильмах оказала сильное положительное воздействие, людей, которые говорят: «Моя жизнь изменилась после того, как я увидел один из фильмов твоего отца». Если люди проявляют уважение к моему отцу, я стараюсь тоже проявлять к ним уважение.

Вторая работа Брэндона Ли, фильм в жанре боевых искусств и «экшн», «Скоростной огонь», показала, что он готов лучше

воспользоваться своим наследством. Хотя реквизитор насчитал пятьдесят шесть единиц огнестрельного оружия (в списке оружия на шесть печатных страниц), в фильме вдоволь рукопашных боев, хореографированных Брэндоном и Джеффом Имадой, с которым он познакомился в академии Дэна Иносенто.

Как и его отец, Брэндон Ли тоже увлекался тем, что рисовался, мчась по Малхоленд-Драйв не в «порше», а на своем мотоцикле. Сравнивая Брэндона с его отцом, продюсер Роберт Лоуренс сказал: «У его отца была пережигающая интенсивность; Брэндон веселее — он раскованный, парень не промах и более ироничный». Никто и не догадывался, что Брэндон разделит трагическую судьбу своего отца.

Съемки «Ворона» начались в Уилмингтоне, штат Северная Каролина, в двадцать восьмой день рождения Брэндона — 1 февраля 1993 года. Сюжет был об убитой рок-звезде, которая возвращается в форме ворона, чтобы добиться возмездия. С самого начала съемок их постоянно преследовали неприятности, и бригада начала открыто говорить о «проклятии Ворона».

В первый день съемок плотника пришлось отправить в больницу с обожжённой более чем на 90 процентов кожей после того, как его грузоподъемный кран наехал на оголенный кабель.

Строитель поскользнулся и проткнул отверткой руку. Потом рассерженный художник по декорациям вышел из себя и проехал на машине сквозь комнату реквизита, уничтожив ее. 13 марта шторм разрушил большую часть декораций.

Как раз перед несчастным случаем, приведшим к его смерти, Брэндон уже выражал свою озабоченность по поводу усталости сьемочной бригады. Вскоре после полуночи 31 марта бригада только что завершила изнурительный день съемок.

Следующей должна была сниматься сцена «смерти» Брэндона, в которой его застреливают с использованием специальных эффектов, чтобы имитировать удары пуль. Когда камеры повернулись и коллега-актер с расстояния в четыре с половиной метра выстрелил холостым зарядом из Магнума 44, Брэндон тяжело упал на землю. Игра была настолько убедительной, что бригада разразилась аплодисментами. Затем те, кто смотрел, постепенно поняли истинную ситуацию.

Брэндона мгновенно отвезли в медицинский центр Уилмингтона. Врачи перелили ему семь литров крови, двенадцать часов сражаясь за его жизнь. Точно так же, как и двадцать лет назад, Линда Ли услышала свои собственные слова — просьбу о вскрытии.

Позже была установлена причина смерти: в пистолет оказался заряжен учебный патрон, который был приготовлен для

заключительной сцены; в результате холостой заряд, используемый для имитации стрельбы, «выстрелил» учебную пулю с такой силой, которой было достаточно для трагедии.

И точно так же, как и сразу после смерти Брюса, у бульварной прессы был праздник. Первые статьи писали о том, что Брэндона убили якудза (японская мафия) или ревнивые любовницы. Строились предположения, что его убил тот же «черный демон», который преследовал его отца. Этот «демон» играл важную роль в сюжете фильма «Дракон», который должен был вскоре выйти на экраны; такая «теория» была подозрительно похожа на произведение рекламной кампании. 3 апреля Брэндона похоронили на кладбище «Сиэтл Лейк Вью» рядом с его отцом.

В мае 1994 года «Ворон» был выпущен в общий прокат и сразу стал номером первым по кассовым сборам, дав около 12 миллионов в первую неделю. Это потрясающий зрителей фильм в том же духе, что и «Бегущий по лезвию». Несмотря на множество боев, они используются в фильме в меру. Но это ничуть не облегчает просмотр «сцены смерти». Под грузом догадок невозможно отделить Брэндона от его роли в фильме и сказку от правды.

Брэндон получил широкое признание за свое исполнение роли. Питер Треверс из Роллинг Стоунз сказал, что в игре Брэндона есть «глубокий ум и горячее сердце». Он добавил: «Ли во всех отношениях великолепен в финальном эпизоде, который полон силы и энергии».

В еженедельнике «Лос-Анджелес Уикли» Манола Даргис написала: «Если бы Брэндон Ли не умер, «Ворон» был бы великим фильмом; он и так невероятно прекрасен. Ли неизбежно займет в истории место рядом со своим отцом, Брюсом. Но Брэндон Ли заслуживает, чтобы запомнили его самого».

Хотя Брюс Ли всегда будет несравненным гением боевых искусств на экране, Брэндон Ли стал самостоятельным, уверенным, притягательным и убедительным актером и мастером боевых искусств. Его отец был бы очень горд им.

Брэндон сохранил память о своем отце как о напряженно работающем человеке: «*Я нечасто встречал людей, которые столько вкладывали от себя во все, что делали. Он всегда убеждал меня, что нет бесконечного количества времени. Я всегда помнил его слова и сознательно старался не терять времени зря*». Его слова отзываются печальным эхом.

* * *

Джеки Чан, звезда в Азии и в Европе, так и не смог пробить себе путь в США. Родившись в 1954 году, Чан провел молодость в

школе Пекинской оперы, где он изучал гимнастику, акробатику и боевые искусства. Как и Брюс Ли, он тоже был сыном киноактера из Гонконга.

Затем Чан провел много лет как каскадер (снявшись и в «Яростном кулаке», и в «Появлении дракона»), прежде чем привлек внимание Ло Вэя, который продолжал искать нового Брюса Ли и новых миллионных прибылей. Ло Вей снял Чана в своем фильме 1976 года «Новый яростный кулак», который начинается с того момента, на котором заканчивается оригинал, — остатки китайской Школы Кунг-фу бегут от японцев.

Снимавшаяся вместе с Брюсом звезда Нора Майо продолжила свою роль, в которой она в конце концов встречает героя Чана, который возвращается с ней, чтобы отомстить.

Ло Вэй в восьми фильмах использовал Джеки Чана как «нового Брюса Ли», пока Чан не открыл для себя и не развил свой собственный кинообраз. К этому времени недостаток средств на серьезный фильм о кунг-фу у Ло Вэя привел к созданию пародии на слабости этого жанра. Чан сыграл неуклюжего дурачка, который мечтает стать настоящим мастером боевых искусств. В этом он обнаружил свой персонаж, с боевым стилем, который он перенял как у Бастера Китона и Бенни Хилла, так и у Брюса Ли. Настоящий успех Чана начался тогда, когда он начал писать собственные сценарии для таких фильмов, как быстрая, остросюжетная комедия с кунг-фу «Пьяный мастер» (название в США).

Некоторое время Чан работал вместе с Фредом Вейнтраубом и Робертом Клаузом, пытаясь выйти на международный уровень с фильмами «Большая стычка» (1980) и «Полет пушечного ядра» (1981). Но в конце концов он вернулся на «Голден Харвест», чтобы писать, режиссировать и сниматься в дальнейших успешных фильмах, таких, как «Доспехи бога», «Полицейская история» и другие.

Хотя в боях Джеки Чана присутствуют элементы фарса, в них есть и довольно высокий уровень мастерства. Он работает в тесном сотрудничестве с постоянной группой прекрасно тренированных каскадеров, создавая безупречно хореографированную и удачно отредактированную смесь комедии, боев и каскадерских трюков. Чан, который настаивает на том, чтобы выполнять все свои трюки, трижды чуть не погиб — один раз упав с высоты более сорока футов, задержавшись только на одном полотнище брезента. Зрители, зная, что Чан рискует своей жизнью, приходят на его фильмы, и в каждом фильме есть эпилог из вырезанных кадров с неудачными трюками, на которых Чан, хромая, уходит и морщится от боли.

На каждый снятый хороший фильм кунг-фу есть сотни фильмов с неудачными сюжетами, плохой игрой актеров, плохой постановкой и названиями типа «Экзорцист кунг-фу, «Зомби кунг-фу» и даже «Кунг-Фурия». Когда медовый месяц кунг-фу закончился, произошло аналогичное наводнение фильмов ниндзя, изображающих подвиги мастеров боевых искусств в черных капюшонах, которые были, по сути, помесью секретных агентов и партизан. Ниндзя, как смесь Спайдермена и Джеймса Бонда, были к тому же оснащены всевозможным оружием и приспособлениями. В первый раз они привлекли внимание зрителей на Западе фильмом о Джеймсе Бонде 1967 года «Ты живешь только дважды», в котором Шен Коннери останавливается в учебном лагере ниндзютсу перед атакой на крепость врага с помощью пулеметов и самурайских мечей.

В 1979 году Фред Вейнтрауб снял «Ягуар жив» с Джо Льюисом, а после этого — «Сила: пять» в 1981 году. Затем в 1982 году Майк Стоун, еще один «ученик» Брюса Ли по каратэ, попытался ворваться в кинобизнес с собственным сценарием «Появление ниндзя». Затем последовали многочисленные, во многом показушные фильмы ниндзя; этот жанр стал настолько модным, что один ниндзя-фильм был сделан на шведском языке!

Для киностудий величайшее достоинство этих фильмов было в том, что актерам в масках не нужно было платить столько, сколько известным лицам.

В 1981 году фильм «Монастырь Шаолинь» обозначил вступление коммунистического Китая в производство фильмов о боевых искусствах. Фильм снимался три года, и во всех основных ролях сняты настоящие мастера боевых искусств.

Внимание к деталям и работа оператора более чем компенсируют недостатки стандартного сюжета о мальчике, который, желая отомстить за убийство своего отца, обучается боевым искусствам у группы шаолиньских монахов. Главный актер в фильме, восемнадцатилетний Ли Линь Джи, стал звездой и поменял свое имя на Чет Ли. Между тем этот фильм стал стимулом для многих людей с Запада съездить в храм Шаолинь.

В 1982 году был создан один из самых заметных фильмов кунг-фу. «Легендарное оружие Китая» (название в США: «Легендарное оружие кунг-фу»), режиссер Лю Тзя Лян. Нетриллер, не вестерн, не комедия с привлечением кунг-фу, но «чистый» фильм о боевых искусствах по теме наибольшего врага жанра, огнестрельного оружия, фильм превосходен в непревзойденных кадрах вооруженного боя.

«Билли Джек» (1971) — это старый фильм, который стоит найти. Том Лефлин играет американского индейца-полукровку,

который к тому же оказывается бывшим «зеленым беретом» и специалистом по каратэ, сражаясь на стороне хиппи против разнообразных притесняющих их негодяев. Последующие фильмы были рядом все более нелепых просчетов.

Еще стоит упомянуть три фильма «Дитя каратэ», которые прекрасно показывают отношения между мастером и его учениками. Для развития сюжетной линии «Дитя» нереалистично овладевает техникой за три урока, а затем использует ее, чтобы выиграть турнир в кульминации фильма.

Один из лучших недавних фильмов боевых искусств — «Железо и шелк», основанный на книге Марка Зальцмана, посвященной его жизни как преподавателя иностранного языка в Китае. В детстве Зальцман был поклонником фильмов Брюса Ли и другой классики кунг-фу, например «Монастыря Шаолинь». В Китае он нашел одного из своих героев, Пань Кинфу, мастера оружия из «Пяти пальцев смерти», и сам тренировался у него. Это фильм, в котором настоящая звезда кунг-фу и мастер боевых искусств играет самого себя.

И наконец, нужно с уважением вспомнить двухсерийный фильм Цзу Харка «Давным-давно в Китае», который производит впечатление благодаря взрывным сценам, а не взрывным устройствам; а также «С помощью меча» и «Принцесса-невеста», в которых показано превосходное мастерство владения мечом.

* * *

На Западе история фильмов о боевых искусствах очень проста. Нет никого «до Брюса Ли», и явно не было никого, кто бы пошел по его стопам. «Появление дракона» воспринимается как классика жанра, и его регулярно показывают на кинофестивалях вместе с «классическими» фильмами под режиссурой таких людей, как Федерико Феллини и Ингмар Бергман. Однако, несмотря на такое признание, занимаясь наследством Брюса Ли, мы все же должны представить себе, что могло бы быть сделано: то, как Брюс представлял себе «Безмолвную флейту», главная роль в «Кунг-фу» или его завершенный вариант «Игры со смертью».

Брюс Ли был прав: фильмы кунг-фу пленили воображение зрителей массового рынка только на три года, следуя долгой традиции «экшн» фильмов других жанров — военных фильмов, исторических эпопей, «спагетти-вестернов», Джеймса Бонда. Они уступили место постапокалиптическому, кибернетическому миру Робокопа и Терминатора, а также страхам Фредди Крюгера и Ганнибала «Каннибала» Лектора. Это отчасти болезнь современности, что новый «герой» кино — не воин, а массовый

убийца и что воодушевленное мастерство человека — не ровня безжалостной эффективности нового поколения машин.

Хотя фильмы боевых искусств продолжают делать и на Востоке, и на Западе, это уже не преобладающая сила в мировом кино. Блистательный взлет Брюса Ли и его смерть отметили начало и конец жанра во всемирном масштабе. Многие современные так называемые «фильмы боевых искусств» — это просто шаблонные остросюжетные триллеры с обилием насилия и стрельбы. Боевое искусство присутствует только потому, что после Брюса Ли режиссеры уже не могут обходиться персонажами, которые пробиваются сквозь мебель из бальсового дерева и разбивают ее добрыми старыми кулачными ударами.

Однако Брюс Ли превзошел границы жанра боевых искусств, и его звезда опять восходит по мере того, как десятилетия раскрывают уровень его одаренности. Говоря проще, его никто не заменил и не заменит. Теперь кажется просто забавным, что Брюс Ли когда-то думал о том, чтобы стать однажды настолько же выдающейся звездой, как и Стив Мак-Куин.

Брюс Ли однажды сказал в интервью гонконгскому телевидению:

> Когда я смотрю вокруг, я всегда учусь чему-то, а именно — всегда быть самим собой, самовыражаться и верить в себя.
>
> Не ищите где-то достигшего успеха человека, чтобы в точности его повторять. Кажется, теперь это очень часто происходит в Гонконге, люди всегда копируют манеры, но они никогда не начинают с самого главного в себе и не задают вопроса: «Как мне быть собой?».

И все же возникло множество имитаторов: Брюс Ли (Le), несколько Брюсов Лис, Брюс Лин, Брюс Ри и Майрон Брюс Ли, не говоря уже о Тарзане Ли (Li) и Тарзане Ли (Lee); Коулун Ли и Гонконг Ли; Роки Ли, Джет Ли, Бронсон Ли, Дрегон Ли, Конан Ли, Клинт Ли и Джипси Ли. Некоторые из них, например Билли Чон и Алекс Квон, которые не поменяли свои имена, обычно объявлялись в афишах как «новый Брюс Ли».

В 1974 году одной из первых попыток создать новую международную звезду боевых искусств была английская постановка «Человека из Гонконга». Режиссер Брайан Треншер Смит пригласил Ван Ю, поменял его имя на Джимми Ван Ю и нанял Джорджа Лейзенби на роль злодея. За предыдущие несколько лет Ван Ю сделал карьеру в ряде успешных фильмов, в которых героизм сменился супергероизмом, а затем фарсом. Каждый фильм должен был превосходить предыдущий, и в итоге

Ван Ю сыграл однорукого бойца. Но скоро Джимми отправили обратно в Гонконг. Здесь не имеется в виду, что его уволили: в отличие от самозванца Карредайна, Джимми Ван Ю был действительно хорошим мастером боевых искусств, как и другие, например Джет Ли и Дэвид Чен. Но никто из них не смог приблизиться к Брюсу Ли.

Масса фильмов использовали имя Брюса Ли в своих названиях и применяли вводящую в заблуждение рекламу. Другие фильмы ухитрялись использовать всевозможные комбинации слов «Кулак», «Яростный», «Игра», «Дракон» и «Появление» в своих названиях. Западным эквивалентом этого бесстыдного рекламного заимствования был бы сериал «Грязный Ларри» с Клинтом Иствудом в главной роли. Был даже слух о полнометражном мультфильме с мультипликационной версией боев Брюса Ли, но, к счастью, это не осуществилось.

* * *

Теми же качествами, которыми обладает хороший боец, должен обладать и плохой кинобоец: скорость, способность скрывать эмоции и не показывать воздействия полученных ударов, не сигнализировать о движениях — и все эти качества нужно было переиначить, чтобы зрители видели, что происходит. К тому же Брюс Ли установил стандарты кинобоев своими многочисленными нововведениями, своим техническим мастерством, изобретательной хореографией, драматичными паузами и — юмором. Эти нововведения создали новую самостоятельную форму боевых искусств.

Когда кого-то спросили: «Кто следующий Брюс Ли?», ответом было: «А зачем? Разве вам недостаточно первого Брюса Ли?».

Глава 28. Легенда…

Сразу же после смерти Брюса Ли, когда по всему миру распространилась печаль и бушевали споры, он незаметно перешел грань от самого ходового товара киноиндустрии в легенду. Во всем мире в кинотеатрах собиралось еще больше народа.

Возник культ Брюса Ли. Поклонники ринулись даже на показы второсортного фильма «Марлоу». Этот фильм провалился, когда был в первый раз выпущен на экран, но компания «MGM» быстро снова его выпустила, в этот раз с именем Брюса Ли на первом месте в титрах.

Через месяц после смерти Брюса был показан фильм «Появление дракона». За первые семь недель в Соединенных Штатах он дал валовую прибыль в 3 миллиона. В Лондоне он на пять недель монополизировал три кинотеатра в районе Вест-Энд, а потом шел с аншлагом во всей Великобритании и остальной Европе. Фильм дал валовую прибыль больше 200 миллионов, такое отношение затрат к прибыли сделало его, наверное, самым коммерчески успешным фильмом за всю историю.

Выручка от кассовых сборов еще возросла, когда Рэймонд Чжоу после смерти Брюса Ли решил поднять цены на билеты более чем на 50 процентов. Рекламный отдел «Уорнер Бразерс» тоже прагматично отнесся к ситуации; как высказался один руководитель, смерть Брюса стоила двухмиллионной рекламной компании.

Хотя «Появление дракона» был самым успешным фильмом Брюса в международном масштабе, он не был его самым большим успехом на Востоке. Кассовые сборы в Гонконге были почти такими же, как и у фильма «Большой босс». На Востоке дурная слава, связанная со смертью Брюса, сыграла против него. Китайские зрители были к тому же расстроены тем, что «Появление дракона» был сначала показан на Западе Это усиливало их чувство, что Брюс Ли вдруг превратился из китайского героя просто в еще одного восточного злодея в западном триллере. Китайцы предпочитали Брюса в роли деревенского простофили или неудачника, у которого мало шансов. Действительно, в этом фильме мало естественного обаяния Брюса. Китайцы, которые вначале приходили, чтобы посмотреть на Брюса как на национального героя, возможно даже как на мессию, теперь чувствовали себя брошенными и оставшимися без своего представителя.

С другой стороны, у японцев не было никаких проблем со

стилем «Появление дракона», и этот фильм пользовался там огромным успехом. Рэймонд Чжоу и не думал выпускать предыдущие фильмы Брюса в Японии, зная, что там никогда не примут китайского актера-звезду. «Появление дракона» оказалось даже большим успехом в Японии, чем в Штатах, побудив Чжоу выпустить там все фильмы Брюса, еще больше увеличив доход.

Хотя в рецензиях на Западе считалось, что Брюс Ли сыграл немногим больше чем подделку стиля Джеймса Бонда, фильм работал в пользу Брюса. Однако его появление на экране выделило «Появление дракона» среда других фильмов и сделало его классическим фильмом этого жанра.

После смерти Брюса Ли делались самые разные авантюристические попытки заработать на его легенде, от безвкусных до смешных.

«XX век — Фокс» не выпустила двадцать шесть серий «Зеленого шершня». Если бы они транслировались ежедневно, как «M*A*S*H*» или «Я люблю Люси», то они бы все прошли меньше чем за месяц. Так что в конце 1974 года киностудия вместо этого выпустила фильм под названием «Зеленый шершень», который был просто неумелой и неряшливой компиляцией, составленной из трех телевизионных серий, настолько плохо отредактированный, что он стал совершенно бессмысленным.

Путаницу усугубляло еще и то, что для увеличения остросюжетных эпизодов были вставлены как попало сцены боев из других серий. Фильм был заявлен под названием «Като и Зеленый шершень», и для его рекламы использовались кадры из других фильмов Брюса. В двусмысленной рекламе в газетах подразумевалось, что это «новый» фильм кунг-фу с Брюсом Ли.

В 1975 году Бетти Тинпей сыграла главную роль в фильме производства «Шоу Бразерс» «Я люблю тебя, Брюс Ли» (название в США: «Брюс Ли: его последние дни, его последние ночи»). В этом низкопробном софт-порно[20] Бетти прогуливается полуголой, а Брюс сжимает голову в отчаянии, давая тонкий намек на последующие события! После смерти Брюса Бетти говорит бармену, что ей придется уехать из города, потому что поклонники Брюса ненавидят ее. Бармен избивает нескольких бандитов и говорит им, что они должны уважать память Брюса Ли.

Если бы вопрос был в уважении к памяти Брюса, то этот фильм вообще не был бы сделан. Бетти не только приобрела репутацию «писателя», но и уговорила Ран Рана Шоу раскошелиться на 20 тысяч долларов за двадцать платьев — в десять раз больше, чем Шоу первоначально предложил Брюсу за главную роль в одной из картин.

В свете всего этого трудно поверить, что эта же женщина возражала: «Я ничего не получила в связи с ним, никакой прибыли. Каждый день я закрывалась в своей комнате, обвиняя себя, проклиная себя, переполненная чувствами».

Сделав фильм для Шоу, намерения которого были очевидны, Бетти Тинпей вышла замуж за богатого тайваньского бизнесмена, руководила двумя магазинами одежды, ездила на спортивном «мерседесе», похожем на машину Брюса, развелась, стала певицей в ночном клубе, а затем — вегетарианкой.

Потом, по иронии судьбы, она на некоторое время сбежала в монастырь и была буддийской монахиней, точно так же, как Им Винчунь, женщина, которая изобрела оригинальное боевое искусство вин-чунь.

Потом был «Супер-дракон», еще более нелепый биографический фильм. В этом фильма Линда Ли представлена как злая стерва, а «Брюс», одетый в желтый тренировочный костюм, сражается с гигантским баскетболистом, чтобы спасти копию Бетти Тинпей, которую держат на вершине пагоды!

В 1976 году Нг Си Юн снял «Брюс Ли: правдивая история» (название в США: «Брюс Ли: человек и миф»). В фильме главную роль играет Хо Цун Дао, один из лучших «Брюсов Ли» того времени, а также Единорог — самого себя. Самая эксцентричная сцена, с декорациями по крайней мере на несколько сотен долларов, показывает Брюса как какого-то современного Франкенштейна, подключающегося к электронным устройствам, чтобы развить свою феноменальную энергию. Зерно истины, из которого возникла эта сцена, касается прототипа мускульного электростимулятора, который применяла футбольная команда Калифорнийского университета. Такой стимулятор теперь можно найти в клубах здоровья во всем мире, но тогда он был единственным. Брюсу, который всегда был на переднем крае методов тренировки, нужно было только купить его.

Некоторое время Линда Ли и Роберт Клауз пытались создать вместе биографический фильм с Алексом Квоном в главной роли, но этот проект так и не дал результатов. Но, учитывая вложенный талант и деньги, худшее было еще впереди.

Рэймонд Чжоу объявил об «Игре смерти» как о «лучшем фильме Брюса Ли» и назначил его выпуск на 1978 год. По словам Чжоу, было уже отснято больше ста минут фильма; Роберт Клауз был нанят только для того, чтобы снять несколько промежуточных эпизодов, используя двойников Брюса. Но из двадцати восьми минут съемок боев, которые Брюс действительно завершил, только пятнадцать минут были пригодны к использованию, и нужно было еще написать сценарий, чтобы их

задействовать. Предполагаемый сюжет Брюса был о мастере боевых искусств, который доблестно пытается вернуть сокровища, принадлежащие его народу. Он был заменен шаблонным сюжетом, в котором актер борется против представителя преступной организации, который манипулирует его карьерой.

И этот фильм оказался намного дороже всех тех, которые «Голден Харвест» когда-либо снимала, — Чжоу утверждал, что в итоге было затрачено четыре с половиной миллиона. В какой-то момент во время планирования «Игры со смертью», «Голден Харвест» обратилась к Стиву Мак-Куину и Джеймсу Кобурну с предложениями сняться, а позже — к Мухаммеду Али и бразильской звезде футбола Пеле! В рекламном материале для фильма Роберт Клауз писал:

> «В этот потрясающий фильм включены самые зрелищные кадры китайско-американского актера-звезды из всех, когда-либо снятых. Мы считаем, что это достойный памятник Брюсу Ли».

Начало фильма обманчиво качественно: начальные титры Джона Кристофера Сгронга превосходны и могут заставить неподготовленного зрителя подумать, что он сейчас насладится столь же качественным фильмом. Начальные титры в стиле Джеймса Бонда сопровождаются музыкой Джеймса Барри, который действительно написал музыку для многих фильмов Бонда. Но вскоре становится очевидной реальность, и когда неясные кадры дублеров неудачно сочетаются с кадрами настоящего Брюса Ли в действии, зритель приходит в уныние. Это напоминает «худший фильм всех времен», «План 9 из открытого космоса» Эдварда Вуда, в котором до смешного неподходящий дублер Белы Лугози после смерти Белы на середине съемок завершил фильм, держа перед лицом плащ.

Несмотря на простенький сюжет, в «Игру со смертью» всеми правдами и неправдами включены несколько дублеров Брюса Ли вместе с отснятым материалом из «Яростного кулака» и «Пути дракона», использован сюжетный прием «пластической операции», которая позволяет «Брюсу» изменить лицо в середине истории. Самый отвратительный эпизод фильма происходит вначале, когда актер Хью О'Брайен разговаривает с вырезанной из картона головой Брюса, за которой стоит кто-то другой! Однако даже в картонной фигуре Брюса больше жизни и энергии, чем в последующих жалких кадрах. Скоро чувство предательства и использования Брюса в своих целях становится полным, когда в сюжет включаются кадры с настоящим трупом Брюса Ли. Есть ужасная ирония в том, что по сюжету «Брюс» играет актера,

который погибает на съемках, когда кто-то заменяет учебные патроны настоящими в реквизитном пистолете.

Компенсирующие моменты — это, конечно, те кадры, которые Брюс снял перед смертью, бой с хапкидоистом Чи Хонь Джоем и уникальные кадры противоборства с Каримом Абдул Джаббаром. В британской версии фильма были полностью вырезаны кадры потрясающей дуэли на нунчаку между Брюсом и Дэном Иносенто. В этих сценах происходит квантовый скачок по качеству развертывания событий. Но эти краткие моменты радости вскоре сменяются чрезвычайно неудачной и неуклюжей стычкой с участием Хью О'Брайена, который настолько неумел, что по сравнению с ним Джон Уэйн кажется Брюсом Ли!

Открыто возлагая вину на Роберта Клауза, Боб Уолл комментирует:

«Игре со смертью» повредило то, что снимал ее человек, которого я считаю одним из худших режиссеров всех времен. Я сказал Рэймонду Чжоу, что Клауз испортит этот фильм, потому что в этот раз его не выручит Брюс. В такой ситуации, я думаю, мы сделали лучшее, что смогли.

В своей собственной биографии Брюса Ли Клауз комментирует:

Несколько человек, близких к Рэймонду Чжоу, предложили, даже умоляли, чтобы этот проект был похоронен навечно.

Но Чжоу возразил, что фильм уже заранее продан на японский рынок, который порядочно заплатил за эту привилегию. Окончательный вариант с попыткой использования двух дублеров был по меньшей мере неутешительным. Были даже несколько неловких моментов, например, сцена, в которой кадр головы, взятый из предыдущего фильма Ли, был оптически прикреплен к телу одного из дублеров, из-за чего голова поворачивалась довольно странно и жутковато.

Впрочем, фильм был вполне успешным, как и почти что все о Брюсе Ли, не важно, насколько оно безвкусное или поддельное.

Хотя его и нельзя обвинить в «попытке подменить патрон», Роберт Клауз пишет об «Игре со смертью» так, как будто он не имеет к ней никакого отношения!

Хотя сюжет «Игры со смертью» не лучше и не хуже сюжета любого другого из фильмов Ли, окончательный фильм оказался неизмеримо хуже намерений Брюса. Как и «Безмолвную флейту», Брюс Ли задумывал «Игру со смертью» как героический миф, который станет высококачественным фильмом с участием наилучших мастеров боевых искусств того времени. Он бы, конечно, превзошел все его предыдущие работы.

К концу семидесятых зрители настолько жаждали увидеть

любые «новые» кадры Брюса Ли, что «Игра со смертью» дала такую же прибыль, что и «Появление дракона».

Мудрец Лао-цзы сказал: «Вино может быть настолько разбавленным, что мало кто будет его пить». И все же в «Игре со смертью II» была сделана еще одна попытка сделать тот же фокус, хотя он вряд ли более безвкусен, чем вариант Клауза.

Когда настоящий Брюс Ли «умирает» в середине, фильм умирает вместе с ним, быстро превращаясь в фильм «кулаков и подушек» с позами «настоящих мужчин», героическими проявлениями силы и ускоренными боями, приводящими к кульминации в стиле фантастики и Бонда.

В 1983 году Рэймонд Чжоу немного поправил свою репутацию, руководя съемками того, что, наверное, стало его единственной стоящей «данью уважения», несмотря на то, что он также счел необходимым включить несколько не относящихся к теме минут, показывающих его самого, занимающегося повседневными делами. В фильм «Брюс Ли: легенда» включены несколько ценных, до этого не показанных кадров, включая съемочный тест Брюса, который привел его к роли в «Зеленом шершне», а также отрывки из «Лонгстрита».

В 1992 и 1993 годах «ATV-Гонконг» транслировало сериал «Молодой Брюс Ли», состоящий из одночасовых передач, предположительно о жизни Брюса до того, как он стал знаменитым».

Эти сюжеты составлены с изрядной драматической вольностью; в одном эпизоде Брюс спасает мальчика от похищения.

Сериал был снят в Торонто, потому что эти места были больше всего похожи на Сан-Франциско и на Сиэтл.

В мае 1993 года «Юниверсал» выпустила свой биографический фильм о Брюсе Ли, «Дракон». Сделанный за 15,5 миллионов долларов, фильм за первую неделю дал валовый доход, в восемь миллионов и стал первым по кассовым сборам. Режиссер, Боб Коэн, купил права на биографию Линды Ли о ее первом муже (написанную вместе со вторым мужем, Томом Бликером) и наспех за месяц составил сценарий. Он был действительно точен, когда сказал, что делает «художественную версию нехудожественной истории — ни настоящую историю, ни документальный фильм»

Сюжет «Дракона» сосредоточивается на очень романтизированных отношениях Брюса и Линды. В нем не только допускается слишком много вольностей с действующими лицами, но и делаются недопустимые художественные натяжки реальных фактов. Перечислять все нелепости в сюжете означало бы заново

переписывать практически весь сценарий.

Трудно простить такое использование Брюса в своих целях. Недавние фильмы о жизни Малькольма X, Джима Моррисона, Тины Тернер и Джеронимо — все они довольно сильно передергивают факты. И все же они обращаются с этими людьми с гораздо большей точностью и уважением. Брюс Ли заслуживает гораздо большего. Еще ужаснее «роман по кинофильму» «Дракон» Майкла Яна (Уорнер Букс), который даже не заслуживает дальнейших комментариев.

Если фильм «Дракон» и обладает какими-то достоинствами, то это — исполнение главной роли актером, Джейсоном Скоттом Ли (не родственник), который вносит в роль эмоциональную глубину, чего не мог бы сделать просто мастер боевых искусств. Ли настолько же впечатляющ и в других своих ролях в фильмах.

По обычному критерию — насколько много долларов принес фильм — «Дракон» был успешным. В действительности же он не делает никому особой чести. Теми же способами драматизирующий жизнь Ли, «Дракон» — это не более чем дорогая версия предыдущих, сделанных в Гонконге биографических фильмов.

В 1993 году «Уорнер Бразерс» выпустила «Проклятие дракона». Созданный Бобом Уоллом, Фредом Вейнтраубом и Томом Куном, этот фильм показывает Уолла и Вейнтрауба в роли самих себя. Включены интервью с Джеймсом Кобурном, Брэндоном Ли, Каримом Абдул Джабарром и Чаком Норрисом. Хотя там есть и слишком короткие эпизоды с Джесси Гловером, ненужные с Алексом Бен Блоком и отвратительным Альбертом Голдменом. Жаль, что коллеги Брюса сделали легкий и умышленно сенсационный выбор названия. Единственное «проклятие», висящее над Брюсом Ли, — в том, что его имя будет всегда связываться с приукрашенными рассказами о его жизни или с видео под названием «Проклятие» или «Миф». Реальность его жизни гораздо удивительнее.

Также в 1993 году «Люмьер» выпустила видео «Брюс Ли: мастер боевых искусств», в котором показаны интервью со звездами, снимавшимися вместе с Брюсом, членами съемочных бригад и журналистами. В видео включены некоторые из документальных кадров Генри Вонга на съемочной площадке

«Появления дракона». Позже та же компания выпустила видеоинтервью Брюса 1971 года с Пьером Бертоном для канадского телевидения.

Есть история неважных отношений между Линдой Ли (теперь Линдой Ли Кэдвелл) и его сестрами и братьями. Линда никогда не делилась ни центом дохода от имущества Брюса с остальной

семьей. Главная обида касается матери Брюса, Грэйс, которая теперь страдает от болезни Альцгеймера и живет в общественном доме для престарелых в Монтерей Парк, штат Калифорния.

Но 28 апреля 1993 года семья сохраняла мир достаточно долго, чтобы собраться и отпраздновать награждение Брюса звездой на Аллее Славы голливудского Бульвара. Роб Коэн вместе с Линдой и мэром Томом Бредли выступили перед собравшимися гостями на обеде для важных лиц.

К сожалению, в последние годы голливудский Бульвар, как и лондонская площадь Пикадилли, стал неприглядным местом, который посещают в основном туристы и неудачники. Многие из золотых звезд на нем принадлежат людям, которых никто уже не помнит. Те, которых стоит помнить, часто замусорены недоеденными ломтиками пиццы. Вклад Брюса Ли в создание фильмов требует признания. Но как он сам сказал Пьеру Бертону, «Я не верю в слово «звезда» — для меня это просто иллюзия».

7 августа 1993 года Линда Ли провела аукцион вещей Брюса, которые она первоначально предоставила, чтобы, как оказалось, добавить достоверности фильму «Дракон». В какой-то момент обдумывали идею открыть музей Брюса Ли, но в конце концов 140 его личных вещей были распроданы. За Гонконгское водительское удостоверение Брюса выручили 7200 долларов. Кепка, которую он надевал в роли Като, и подтяжки были проданы за 8600 долларов — лишь немногим меньше, чем то, что он заработал за весь сериал «Зеленый шершень», 29000 долларов, намного больше всех остальных предметов, дала письменная аффирмация Брюса «Моя Точная Главная Цель», в которой он поклялся достичь всемирной известности как самый высокооплачиваемый восточный актер-суперзвезда, заработав 10 миллионов долларов между 1970 и 1980 годами. Написанная от руки на листке бумаги в 1969 году — за год до его травмы спины и всего за два года до того, как эта аффирмация начала становиться реальностью, — она была куплена для бара гамбургеров «Планета Голливуд», которым совместно владеют Сильвестр Сталлоне, Арнольд Шварцнеггер и Брюс Виллис. Все проданные на аукционе предметы сопровождались удостоверением о подлинности, даваемым Линдой Ли, которая получила от этой распродажи общий доход около 334 тысяч долларов.

* * *

Учитывая, от скольких сомнительных «даней уважения» и похвал за прошедшие годы пострадала память Брюса, сам Брюс был бы, несомненно, очень тронут простым одобрением своего

героя детства, Мастера Квана, первого китайского киноактера боевых искусств.

Когда журналист Бей Логан спросил Мастера Квана, что он думает о Ли, «Маленьком драконе», Мастер Кван подошел к своему домашнему хранилищу святынь. Хотя ему уже было за восемьдесят, у него было ясное зрение и прямая осанка. Он вернулся с книгой по китайским фильмам, в которой были и он, и Брюс Ли. «Может быть, вы сможете взять эту книгу в библиотеке», — сказал он, скромно признавая известность, которую они оба получили.

Глава 29. … И реалность

Кого бы мы ни увидели в бою на экране, невольно сравниваем его с Брюсом Ли. Он стал одним из немногих гигантов этого бизнеса. Как и горстка других, Брюс Ли стал больше в смерти, чем был в жизни. Джеймс Дин представляет неугомонность и мятеж молодежи. Мерилин Монро — богиня Голливуда. Несмотря ни на что, Элвис Пресли всегда будет королем рок-н-ролла. Джон Леннон олицетворяет оптимизм шестидесятых. Все они стали и фантастическими образами, и символами идеала. Хотя большинству людей Брюс Ли известен как непобедимый боец кино, многие также признают, что это самая важная фигура в современных боевых искусствах.

В реальной жизни из лучших мастеров боевых искусств не всегда получаются лучшие киноактеры боевых искусств. Никто не сомневается в бойцовских способностях Майка Стоуна и Джо Льюиса, однако их карьеры в кино угасли настолько же быстро, как и начались. Как бойцы, ни Ван Дамм, ни Джеки Чан им не ровня. Однако благодаря тому, что они удачно работают на экране, эти двое последних стали двумя из лучших звезд боевых искусств Востока и Запада.

Хотя Брюс Ли часто говорил, что игра в кино — это его карьера, а боевые искусства — его настоящая любовь, в короткие моменты триумфа он находил гармонию между своей мечтой и своей профессией, и они совпадали.

Брюс Ли был уникален как кинобоец, потому что он был настоящим. Джон Уэйн был большим и медленным; он побеждал в боях, потому что он был «хорошим парнем» по сценарию.

Чарлтон Хестон ездил на колеснице на фоне малоубедительного заднего плана. Подвига и хитрые приспособления из фильмов Бонда были чисто развлекательной, школьной забавой. Но видеть Брюса Ли на экране — это видеть человеческое тело, доведенное до уровня высших способностей с помощью сочетания почти сверхъестественного таланта и целой жизни тяжелой работы. Так же, как когда видишь блестящий гол Пеле или слышишь стремительное соло на гитаре Джимми Хендрикса.

Человеческое воображение не нужно «пленять», когда то, что оно наблюдает, реально.

У Брюса Ли были такие способности и присутствие на экране, какими за всю историю были одарены лишь горстка других актеров. Но он попал в ловушку своего собственного успеха и своего неудержимого стремления быть тем, кем его хотели видеть

все. Нет ни малейшего сомнения, что стрессы международной отавы глубоко влияли на Брюса. Достигнув почти всего, что он намеревался сделать, он столкнулся с вопросом — а что ему делать дальше.

Как «Ли» сказал Лонгстриту, нельзя просто двигаться ради движения; оно должно быть связано с чем-то. Брюс считал, что неправильно просто желать, не действуя на основе этого желания; однако он вместе с тем считал, что неправильно действовать без ясного намерения. Он правильно угадал, что фильмы кунг-фу будут привлекать массовый интерес только несколько лет. Он осознавал, что излишнее количество философии в его фильмах не будет привлекать основную массу поклонников. Он также начал подозревать, что у него может не получиться сохранять необходимый уровень физического исполнения ролей.

Однако он не мог сопротивляться порыву продвигаться дальше. Он отказывался отступить, отдохнуть и перезарядиться.

Были и другие неотложные решения о направлении карьеры.

Будет ли он играть роли вне боевых искусств? Будет ли он рассматривать роли, в которых выявлялась какая-то уязвимость или отрицались его атлетические способности? Какая трудная задача ему нужна — работать со сценариями и актерами лучшего качества, быть режиссером или играть не-бойцовские драматические роли? Может ли в таких ролях оказаться, что игра слишком «нереалистична» для западных аудиторий?

Брэндон Ли считал, что его отец справился бы с этими трудными задачами:

> Когда я вижу его фильмы, я вижу, что он играл искренне. Он выражал то, что действительно чувствовал, не больше и не меньше. Я помню, что, когда он снимался, он никогда не переигрывал, чтобы произвести впечатление, он не допускал фальши. Он был очень интенсивным человеком и именно поэтому делал только то, что, по его мнению, он должен был делать. Его роли были чистым выражением того, что было у него глубоко внутри. Он никогда не пытался изобразить то, чего он не чувствовал, а тем более имитировать кого-то другого. Я ненавижу эту кучу китайских актеров, которые пытаются играть так, как мой отец. Он был естественно великолепен. Если бы он жил, я уверен, что он бы сделал еще фильмы, не ограничиваясь фильмами кунг-фу. В любом случае, он бы сделал еще хорошие фильмы.

Честно говоря, нужно признать, что, кроме «Появления дракона», остальные фильмы неособенно хорошие. Я имею в

виду, что сюжеты очень неважные. Актеры не умели играть, и даже «Появление дракона» был, скажем, довольно простым фильмом. Если бы не его присутствие, эти фильмы не дали бы ни цента, сегодня они бы ничего не стоили. Мой отец, конечно, сделал бы фильмы, которые могли иметь самостоятельную ценность по сюжету и по игре актеров.

Проблема в том, что мой отец исчез в тот момент, когда он смог сделать эти замечательные вещи.

Продолжая, Брэндон приближается к самому главному в Брюсе Ли:

Как и все, я очень уважал моего отца. Он был большим героем. Но он был не суперменом, а просто человеком. Больше всего жаль, что у меня не было ни одного тренировочного боя с отцом, когда я стал выше его… У меня сохранилось впечатление об отце как об очень напряженно работающем человеке. Я редко встречал людей, которые настолько вкладывали себя во все, что делали. Мое самое яркое воспоминание о нем — это человек, который все время тренируется во дворе нашего дома.

* * *

После смерти Брюса дом Ли стал привлекать группы «учеников». Некоторые просто хотели старую статью или предмет одежды, а другие предлагали целое состояние за его «мерседес».

Позже поклонники, которые совершали паломничество к дому Брюса в Гонконге, разочаровывались, обнаруживая, что это теперь «Сады Кам Ва» — «гостиница», используемая бизнесменами для развлечения своих леди. Рекламные объявления в журналах предлагали куклы Брюса Ли вместе с очаровательными зверушками Уомблами или приглашали читателей вступить в «Секретное общество Брюса Ли».

Сегодня благодаря имени Брюса Ли продается больше журналов, чем когда бы то ни было. Можно даже вступить в клуб поклонников Брюса Ли с девизом: «К Личному Освобождению». Проводятся регулярные семинары и дни памяти, на которых поклонники могут купить футболки, плакаты и кофейные кружки с портретом Брюса Ли, посмотреть несколько минут выцветшие кадры, на которых Брюс танцует «ча-ча-ча», или послушать потрескивающую запись одного из его телефонных разговоров.

Брюс Ли выражал сожаление, что после его смерти люди, скорее всего, будут вешать его портреты в школах и кланяться им. Надеясь предотвратить это, он советовал им считать, что он — «ничего особенного». Можно понять то глубокое уважение, которое может побуждать настоящих учеников с почтением относиться к Брюсу Ли. Что касается коллекционеров мелочей, то

здесь почти слышен смех Брюса!

Каждая знаменитость привлекает к себе поклонников — унылых людей, которые и не подозревают, что то, чего они на самом деле ищут, находится внутри них. Даже музыкальный ансамбль, членом которого я был и есть, привлек к себе странный культ под названием «Общество информации», который публиковал целые книги со словами песен, которые мы играли на всех наших концертах. Дало ли им это какое-то более глубокое понимание?

Брюс Ли привлекает больше невротиков, чем ему полагалось бы. Есть люди, сохраняющие, как сокровища, его неопубликованные фотографии, которые, конечно, они не покажут никому другому. Есть те аннально-памятливые коллекционеры, чьи папки заполнены подробнейшими деталями о Брюсе Ли, как будто накопление фактов как-то связано с пониманием.

Эти занятия настолько же навязчивы, как безрадостны и бессмысленны. Культ Брюса Ли совершенно правильно называют братством «кретин-кунг-до».[21]

Точно так же, как многие произведения гения Ван Гога закрыты как «инвестиции» в бетонном небоскребе какой-то корпорации в Японии, есть такие же «поклонники Брюса Ли» и «эксперты по Брюсу Ли», которые стараются замкнуть его душу в своих мавзолеях фактов и почитания героя. Я не намерен служить их делу.

Брюс Ли осуждал ложное чувство собственной важности, основанное на вымышленном образе, на иллюзии славы или имущества или на роли винтика в какой-то религиозной или политической машине — или на чем-то, что не является неотъемлемой частью нас самих. Он вполне мог сказать о бесплодности попыток приобрести самоуважение, отождествляясь со знаменитостями или ожидая освобождения путем вступления в фан-клуб!

В мае 1994 года мы играли в Сиэтле. Тогда я воспользовался возможностью посетить кладбище «Лейк Вью». Я нашел могилы Брюса и Брэндона, расположенные под сосной на гребне холма. Место вокруг могил было огорожено, чтобы никто не ходил по недавно засеянному газону. Я сел невдалеке. Азалии были в полном цвету. Дул теплый, мягкий ветерок.

Вскоре в ворота кладбища въехал микроавтобус и взобрался на холм, остановившись в нескольких метрах от того места, где я сидел. Вышло десять человек, которые возбужденно болтали и вскоре начали фотографировать друг друга. Каждый из них по очереди перелезал через ограду и позировал перед камерой, не

понимая, что он стоит на недавно посаженных здесь цветах. Через несколько минут все они вернулись в автобус и поехали к следующему пункту своего маршрута. Когда они будут позже смотреть фотографии, все они, конечно, вспомнят тот «факт», что они побывали на могиле Брюса Ли. Трудно поверить, что кто-то из них действительно почувствовал, что был здесь.

Надпись на могиле Брюса гласит: «Пусть твое вдохновение направляет нас к нашему личному освобождению». Я подумал, что, стараясь пробудить людей к их настоящей природе, Брюс Ли поставил самую трудную из всех своих целей.

Конечно, культ Брюса Ли будет продолжать гонку за своими грезами. Но те, кто действительно хотят понять Брюса Ли, и, кстати, любую другую сторону жизни, поймут его лишь настолько, насколько они поймут себя.

Шенлон Ву вырос в пригороде Нью-Йорка в пятидесятых годах. У него не было азиатских героев, которых он бы мог использовать как образцы для подражания, — пока он не увидел свой первый фильм с Брюсом Ли. Он описал свой последующий опыт пробуждения самосознания в статье 1990 года для «Нью-Йорк Таймс»:

> Я родился в 1959 году, в азиатско-американской семье, в графстве Вестчестер, штат Нью-Йорк. В моем детстве не было азиатских звезд спорта. По телевизору я могу вспомнить только самого несчастного азиатского персонажа, Хоп Синга, мальчика-слугу семьи Картрайт в «Бонанзе». Но в моей юности был Брюс.
>
> Мне было четырнадцать лет, когда я в первый раз увидел «Появление дракона», дедушку всех фильмов боевых искусств. Между четырнадцатью и семнадцатью годами я смотрел «Появление дракона» двадцать два раза, пока не потерял счет. Все эти годы я собирал плакаты с Брюсом Ли, развешивая их во всех уголках моей спальни. Я занялся китайскими боевыми искусствами, проводил часы, сравнивая мои физические данные с его. Я узнал все, что мог, о Брюсе.
>
> Мои родители, которые иммигрировали в Америку и стали профессорами в Хантер-колледже, терпели мое поведение, но были озадачены моим восхищением «развлекательным артистом». Мой отец в шутку пробовал сравнивать мое чрезмерное увлечение Брюсом с тем, как он в детстве обожал героев китайских народных сказок. Но герои моего отца не могли быть моими; все они были из древней литературной

традиции.

После колледжа я участвовал в соревнованиях как боксер-любитель, пытаясь найти образ себя на ринге. Это не получилось. Мои бои были всего лишь попыткой копировать движения Брюса. Мне нужна была инструкция по тому, как жить. Через год я бросил бокс и пошел в юридический колледж.

Через много лет, в одно серое утро, Шенлон Ву посетил могилу Брюса Ли.

Надгробный камень сделан из красного гранита, на нем выгравирована маленькая картинка. Картинка очень голливудская — Брюс в темных очках, — и, мне кажется, каллиграфия выглядит немного неаккуратно. Двое туристов остановились, но быстро ушли, взглянув на меня.

Я заметил, что я плачу. Могила Брюса кажется такой маленькой по сравнению с его местом в моей юности. Такой маленькой по сравнению с моей потребностью в героях. Видя его могилу, я понимаю, какая большая пустота была в моей жизни и как отчаянно я пытался ее заполнить.

Я искал азиатского героя, чтобы подражать ему. Но ни один из тех, кого я выбрал, не подходил мне полностью. Их жизни были определены их героическими задачами — у них были злодеи, которых им нужно было победить, и битвы, в которых нужно было сразиться, — а моя жизнь казалась всего лишь битвой за определение того, кто я.

Но теперь я понимаю, что сама эта борьба определила, кто я. Я должен быть своим собственным героем, даже когда я учусь ценить тех, кто жил до меня. Их жизни манят, как светлячки в безлунную ночь, и я знаю, что они — как и я — могли иметь недостатки. Но их жизни были реальными.

Они не были мальчиками-слугами в «Бонанзе».

Понимание может возникнуть только из сильного чувства самосознания. Любой, кто ищет Брюса Ли в подробностях и событиях его жизни, игнорируя его призыв активно работать над самосознанием, упускает не только суть и цель этой книги, но и суть и цель тридцати двух лет Брюса Ли на Земле.

По-настоящему чтут память Брюса Ли не «фаны» и не «эксперты»; они просто поддерживают его имя и репутацию. И его духу не служат те, кто превратил бы его жизнь в какую-то броскую голливудскую выдумку. В мире и так более чем достаточно «героев» и фантазеров. Теперь нужно что-то гораздо более необычайное. Теперь нам нужно воспринять те озарения и принципы, которые служат основой жизни Брюса Ли.

Правду этой жизни может понять не только настоящий мастер боевых искусств, который достиг такого же понимания сам, но и любой, кто стремится реализовать свой истинный потенциал. Тем из нас, кто сейчас хотел бы обнаружить настоящего Брюса Ли, нужно углубиться дальше в концепции его искусства, не для того, чтобы накопить еще больше информации, а чтобы вызвать переход на новый уровень осознания.

Брюс Ли был и выдающимся актером-звездой боев, и выдающимся мастером боевых искусств. Но рассматривая все в истинном свете, мы должны помнить, что он провел пять лет, обучаясь вин-чунь., и еще двенадцать лет, преподавая и развивая свой собственный метод и философию боя. Только последние два года его жизни были посвящены созданию фильмов.

Даже посреди всех событий и волнений, Брюс настаивал на том, что он надеется постепенно обучать людей с помощью фильмов, в которых есть и поверхностный сюжет, и более глубокое послание. Он так и не смог полностью реализовать свою мечту обучать людей внутренним аспектам его искусства. Конечно, тысячи тех, кто потоком хлынул в кинотеатры, шли на фильмы Брюса Ли не для того, чтобы узнавать об осознании или найти свободу. Но уроки в фильмах есть: эпизод «обучения» в начале «Появления дракона» был добавлен к сценарию по инициативе Брюса и не похож на все остальные части фильма. Это важная добавка для тех, кто способен ее применить.

Хотя люди будут и дальше наслаждаться игрой Брюса на экране, в работе всей его жизни есть богатый урок, из которого мы все можем чему-то научиться — и который проливает свет на настоящую цель его жизни.

Часть III. Дух боя: суть Брюса Ли

Глава 30. Дух боя

Эмигрировав в Соединенные Штаты, живя и работая в Сиэтле, Брюс Ли учил своих первых студентов методу боя, основанному на вин-чунь, который стал называться джун-фан, по первому родовому имени Брюса. Однако Брюс Ли всегда признавал свой долг перед вин-чунь и уважал своего учителя, Ип Мэна.

Они оба умерли с промежутком в несколько месяцев. В последний раз, когда они встречались, Брюс спросил Ип Мэна: «Ты все еще считаешь меня своим учеником?»

Тот ответил: «А ты все еще считаешь меня своим учителем?»

Они оба засмеялись.

Несомненно, методы боя Брюса Ли возникли из принципов вин-чунь. Эти корни очевидны в его словах, что джит кюн до просто идет по прямой линии к цели. Даже позже, обладая более глубокими знаниями и опытом, Брюс часто поощрял своих студентов использовать простую технику, которая оказалась эффективной во многих боях, в которых он участвовал в юности. Брюс знал, что во многих ситуациях шквал ударов по центральной линии дает результат. Он говорил им: «Если сомневаетесь, бейте прямо».

В джун-фан кунг-фу были постепенно ассимилированы техники, взятые из многих других стилей кунг-фу, с техниками западного бокса, тайского бокса, джиу-джитсу и фехтования.

Видоизменения вносились не ради изменений, а только тогда, когда можно было продемонстрировать реальное усовершенствование. Хотя Брюс заимствовал техники из других систем, он использовал их в согласии с принципами вин-чунь — например, осознание центральной линии и экономные движения без предварительных сигналов.

«Я изучил базовые принципы того, что он основал, — говорит Таки Кимура, — но он был в поиске, сам идя шаг за шагом. Когда он приехал в Сиэтл, он держал меня в курсе происходящего. Ему пришлось изменить свой метод боя, потому что он уже не мог иметь дело с маленькими китайцами того же роста».

Это объясняет первый принципиальный отход от вин-чунь-метода боя Брюса Ли. Там, где в вин-чунь сохраняется подход равноценности обеих рук, Брюс Ли принял атакующую стойку, похожую на стойку боксера или фехтовальщика, все время держа свою более сильную правую сторону впереди.

Говарду Вильямсу было только пятнадцать, когда он начал учиться у Брюса Ли и Джеймса Ли в их оклендской школе. Он вспоминает, что сам переход от джун фан к джит кюн до был не

постепенным, а произошел почти за один день:

Брюс приезжал в Окленд раз в две недели на уикенд со своей семьей, между съемками «Зеленого шершня». Однажды он сказал: «Послушайте, это не джун фан: теперь это джит кюн до». Брюс показал нам эту новую стойку — мы подумали, что это бокс; это сначала казалось похожим на кикбоксинг, но он продолжал использовать захваты из своего старого стиля.

Тим Тэкетт, школьный учитель по профессии, обучает небольшие группы «концепции джит кюн до» в своем доме в Редлендс, штат Калифорния. Стараясь определить, что такое джит кюн до, он говорит:

В нем есть разные аспекты — чувствительность, захваты, схватки, удары руками, удары ногами, кикбоксинг, — и как сложить все это вместе. Когда вы испытали все это и можете это делать, то у вас есть основа. Эта основа — это то, что должно проявиться у вас, когда парень выходит из грузовика, потому что вы с ним столкнулись или случайно оттеснили его с дороги, а он только что выпил дюжину пива, у него вес 260 фунтов и ему до лампочки, есть ли у вас черный пояс, когда он выходит из грузовика и идет на вас! Тогда все, что всплывет у вас, должно быть автоматическим.

Опять же, нужно помнить, что кинобои Брюса Ли и уличные бои были двумя совершенно разными вещами. Он никогда бы не использовал закрученный хук пяткой на улице.

В настоящей схватке жизненно важны две вещи. Во-первых, с помощью тренировки нужно заранее пережить часть тех сильных эмоций, которые вздымаются в схватке, чтобы уметь извлекать из них силу. Во-вторых, нужно достаточно часто практиковаться, чтобы быть способным действовать, несмотря на свое «я», в автоматическом и спонтанном потоке действий, который пересиливает любые другие соображения. Реакция «застыть или ударить» должна превратиться в состояние боя «без ума», или рефлекторное действие.

Дэн Иносенто рассказал пишущему на темы боевых искусств Джерри Бизли:

Когда вы сближаетесь, нет никакого рефери, который бы вас разделил. Матч на ринге — это не бой. Даже сегодня можно взять выдающегося боксера, и он может оказаться побежденным на улице. Но выведите его на ринг — и он в своих владениях. Бой — это действительно тяжело. Много раз это может быть перекатывание по земле: невозможно сказать, это чой ли фут или вин-чунь. Бой ужасен: это броски лицом на бетон, это удары ножом. Неизвестно, спасет ли вас ваше искусство. Никто не знает. Все изменяется, как только в руке парня появляется оружие. То,

что работало в системе с пустыми руками, теперь не действует. У парня может быть десять лет опыта в кикбоксинге, но теперь ситуация совсем другая.

У Брюса была масса драк на улицах Гонконга. Он был, по его собственным словам, «панком, который получал кайф от драки». Я видел его в том, что даже не могу назвать дракой.

Я видел парней, которые хотели расшибить ему нос, сломать ему кости или все что угодно. Но у них никогда не получалось сделать это, так что это превращалось в урок. Они обнаруживали, что он может буквально играть с ними. Брюс мог меняться посреди боя. В какой-то момент он предпочитал систему ударов ногами, а потом на среднем расстоянии он взрывался, как свирепый уличный боец или западный боксер. Когда он приближался вплотную, это было похоже на вин-чунь. Когда он попадал на землю, это было похоже на джиу-джитсу. Брюс знал, как интегрировать стили. Если и есть общая нить, то это понимание дистанции.[22]

* * *

История внутреннего аспекта боевых искусств как средства духовного роста восходит к Бодхидхарме и монастырю Шаолинь. Но именно в учении Кришнамурти Брюс Ли обнаружил философский фундамент джит кюн до.

Джидду Кришнамурти родился в 1895 году в обнищавшей семье в Южной Индии. Он рано был духовно призван, и в возрасте десяти лет усыновлен эзотерической организацией, «Теософским обществом», чтобы воспитываться как будущий мессия, и был послан на обучение в Англию и Францию. В 1929 году он отказался от своей роли «мессии», сказав, что религиозные секты и организации мешают движению к Истине. Хотя он продолжал преподавать и читать лекции во всем мире, он все так же не хотел предлагать никакой готовой системы для приближения к этой Истине.

Брюс Ли взял многие из «высказываний» Кришнамурти о самореализации и прямо применил их к собственному пути.

Говоря о традиционных религиях, Кришнамурти писал: «Вот, предположим, вы начинаете с отрицания чего-то абсолютно ложного — традиционного подхода, — тогда, если ваше отрицание — только реакция, вы создадите лишь иной шаблон, который будет только ловушкой».[23] Призыв из классических боевых искусств на стене школы Брюса гласил: «Не отрицайте классический подход, просто сопротивляясь ему, или вы создадите новый шаблон и попадете в его ловушку».

Люди берутся за боевое искусство по многим причинам —

для самообороны, для выступления на соревнованиях, ради здоровья, для самодисциплины, ради культуры и философии. Все это основательные причины. Хотя из практики боевого искусства можно извлечь много пользы, однако основная причина, по которой человек берется за боевую дисциплину (как сделал Брюс Ли в возрасте тринадцати лет), — это чтобы научиться драться.

«Джит кюн до, — говорит Тим Тэкетт, — связано со способностью одержать верх, используя все средства для победы.

Можно обладать техниками всего мира, но если не имеешь нужного отношения к жизни, то они ничего хорошего не дадут.

Брюс незаметно учил всему этому. В одном эпизоде из «Лонгстрит» Брюс схватил слепого детектива захватом за горло, из которого тот не мог вырваться. Брюс говорит: «Ну, выдави мне глаза». А Лонгстрит говорит: «Я не могу». Брюс отвечает: «Тогда ты не победишь».

Один из аспектов боя, который «противники насилия» так и не могут понять, состоит в том, что обучение бою и готовность к бою каким-то образом создают состояние, в котором вообще уменьшается потребность драться. Обучаясь сражаться с противником, нужно вместе с тем преодолеть всевозможное внутреннее противодействие и сопротивление. Немного приблизившись к овладению искусством боя, значительно приближаешься к владению собой. В результате ты готов встретиться с противником и одолеть его.

Как пишет Кришнамурти:

> Человек насильствен, и идеал ненасилия — это всего лишь незрелый подход к насилию. Важно встретиться с насилием лицом к лицу, понять его и выйти за его пределы, а не придумывать спасение, идеал под названием «ненасилие», который совершенно нереален.
>
> Наверное, никто не был связан с концепцией ненасилия теснее, чем Ганди. Те, кто воображает, что этот хрупкий индиец был простым пацифистом, будут удивлены его словами: Ненасилие бесконечно выше насилия. Но послание ненасилия предназначено для тех, кто знает, как умирать, — а не для тех, кто боится смерти. Если у человека нет такой смелости, я хотел бы, чтобы он культивировал искусство убивать и быть убитым, а не трусливо бежать от опасности.

Брюс Ли однажды сказал:

> Когда какой то большой парень атакует вас, вместо того, чтобы реагировать на его эго, научите его

реагировать на ваше. Вы должны думать про себя: «Как я благодарен тому, что мне сейчас представляется такая чудесная цель с большими возможностями». Не думайте о том, что ваш противник может вам повредить, а получайте удовольствие от того поражения, которое вы собираетесь ему нанести, если уж он оказал вам такую любезность. Сейчас я стараюсь научить вас тому, что я называю духом боя.

Глава 31. Истоки боевых искусств

Несмотря на то что Брюс Ли начинал в школе вин-чунь, — писал Дуг Палмер, — каждый раз, когда мне случалось встретиться с ним, он уже расширял свой стиль, включая в него не только известное ранее, но и какие-то новые измерения, умножавшие эффективность и универсальность его собственной «школы». Это была не просто техника, джит кюн до уже вышел за рамки стиля как такового. По мнению Брюса, стиль — это что-то ограничивающее. Джит кюн до — это подход, мировоззрение, Путь.

Этот «путь» был кратко изложен в изречении, висевшем на стене школы Брюса. Оно гласило: «Истина в единоборстве различна для каждого. Ищи свой собственный опыт истины. Отбрасывай бесполезное, накапливай то, что присуще именно тебе.

Человек, творческая личность, значит гораздо больше, чем любой стиль или система».

В течение семидесятых годов многие мастера боевых искусств, считая, что они следуют философии Брюса Ли, отказались от своих систем всего лишь для того, чтобы обнаружить, что совсем без структуры им вообще нечего делать. Они перешли от состояния слепой традиционности к состоянию слепой нетрадиционности.

Философия джит кюн до подсказала многим мастерам боевых искусств более синтетический подход. Но опять же, если конкретный индивидуум не «утверждается» вначале на одной из конкретных форм, то этот подход мало что дает. «Впитывать полезное не означает просто выбирать, объединять и накапливать технические приемы из ряда различных стилей, думая, что ваш новый гибрид будет самым лучшим. Впитывать полезное в первую очередь означает иметь «чувство тела», которое будет служить отправной точкой для начала работы.

«Брюс думал, что можно изучать дисциплину без дисциплины, — говорил Уильям Чен. — Это невозможно. Однако, несмотря на ошибочность некоторых его идей, многие люди боготворили Брюса Ли. Человеку нужно иметь образцы, иначе как он может покончить с тем, чего нет? Я говорил об этом Брюсу. Я говорил, что мы рождаемся без знаний, и, чтобы освободиться от них, их надо приобрести».

Эти замечания находят отклик и у Дэна Иносенто: «Брюс не любил ничего организованного, и, по его мнению, джит кюн до не нуждался в планировании. В свое время это было основой его

философии. Я говорил, что необходимо начать с какого-то места. Даже ребенка перед тем, как он начнет чувствовать свободу, необходимо чему-нибудь научить».

Несмотря на утверждения Уильяма Чона и Дэна Иносенто, необходимо помнить о том, что Брюс регулярно практиковал приемы вин-чунь еще задолго до переезда в Америку. В фильме о Брюсе Ли, который был снят в Окленде, показывается, как он выполняет *сил лам дао*. Его движения натренированы, изящны и точны. Второй раз посещая Гонконг, Брюс специально разыскивал Ип Мэна, чтобы завершить изучение формы деревянной куклы, которую он интенсивно отрабатывал.

Как ранее говорил Дэн Иносенто, Брюс шел в одну сторону, а его ученики — в другую. Ни одного из своих учеников Брюс никогда не учил формам. Он предпочитал учить людей, которые уже прошли тренировку форм и могут должным образом оценить то, что он им предлагал. Брюс считал, что новичкам необходимо изучать формы, однако по достижении ими определенного уровня понимания можно выходить за рамки установленных ограничений в область, где находится настоящее боевое искусство.

Мастер боевого искусства не может начинать без позиции, формы или техники, точно так же, как музыкант не может сразу стать виртуозом. Каждый из них должен изучить основы и формы музыки или борьбы, на которых может развиваться и которые может использовать для импровизации и творчества.

Только после этого можно начать «отбрасывать бесполезное», не пользуясь тем, что не годится для данной личности. И здесь, опять же, знание самого себя должно соответствовать принципу: неспособность успешно выполнить автоматически не означает, что этот прием бесполезен!

Понятно, что Брюс Ли начинал изучать боевые искусства с вин-чунь, а затем перешел к овладению другими методами. Все это было не столько суммирование и накопление приемов, сколько воплощение[24] их в простые принципы.

Выражение «добавлять то, что присуще конкретной личности» ни в коей мере не означает приукрашивание искусства своим личным. Например, никто из нас не ездит сейчас только тем способом, который мы вначале изучали для сдачи экзамена по вождению. Приобретя опыт, мы все внесли в него какие-то собственные изменения, так что можем сейчас управлять автомобилем одной рукой, а другой настраивать радиоприемник, вместо того чтобы управлять обеими руками.

Что Брюс Ли подразумевает под фразой «Человек, творческая индивидуальность значит гораздо больше, чем любая

установленная система или стиль»? Существенным в данном случае является различие между «стилем» и «индивидуальным стилем». Например, все боксеры имеют один общий стиль. Но Мухаммед Али не боксирует так, как Джо Фрэйзер, современные боксеры ведут бой совсем не так, как это делали чемпионы прошлых лет. У западных мастеров боевых искусств более мощное тело, в то время как азиаты намного легче и быстрее.

Отвлекаясь от общих основ технической подготовки, каждый боец стремится извлечь максимум из своих индивидуальных качеств — темперамента, скорости, силы, построения стратегии и так далее. И снова ключевым фактором всех этих действий является не просто теоретическое знание, а понимание, основанное на опыте.

Любой, кто пытается дать определение джит кюн до, рискует уподобиться слепым из сказки, которые пытались описать слона: один ощупывал хвост и считал, что слон похож на змею; другой держал его за ногу и думал, что слон похож на дерево, и так далее. Природа человека по своей сути такова, что он способен судить только о том, о чем имеет понятие. Естественно, что практикующий вин-чунь будет видеть вин-чунь в основе искусства Брюса.

До встречи с Брюсом Ли Джим Келли уже применял принципы джит кюн до, преломленные через его собственное восприятие к каратэ, что вызвало различную реакцию большинства профессионалов. Брюс оценил работу Келли и выразил свое глубочайшее признание тем, что устранился от участия в постановке его боевых сцен в «Появлении дракона», сказав Келли, что тот постиг свое собственное искусство и должен делать то, что считает нужным.

И наоборот, любому, кто занимается джит кюн до в наши дни, можно простить, что он считает его филиппинским боевым искусством, ведь теперь благодаря Дэну Иносенто оно стало тесно связанным с его любимым искусством *кали*.

Действительным смыслом джит кюн до после достижения достаточного уровня технической подготовки является использование его как средства самоопределения и самовыражения. Термин джит кюн до нельзя применять к тем из нас, кто занимается базовой подготовкой. Это концепция, или система идей, предполагающая достижение определенного уровня мастерства, и соответственно, самообладания.

Таким же образом, те, кто владеет искусством кали, каратэ или вин-чунь, могут развивать свое мастерство, основываясь на приемах и формах своего стиля и не забывая его форм и техник.

И если они решаются на это, они могут называть свое

мастерство «джит кюн до», «Тело-разум-дух» или как им заблагорассудится.

Комментирует Боб Уолл:

Брюс подвергал сомнению основы традиционных боевых искусств, считая, что они должны быть продолжением личности. До появления Брюса корейцы считали свой стиль лучшим, японцы — свой, а Брюс говорил, что удар кулаком в лицо — это удар кулаком в лицо.

Когда однажды ученик Пит Джейкобс спросил Брюса Ли о его любимом движении, тот ответил: «Нанести тебе удар!»

«Моя истина — не твоя истина», — говорил Брюс. То, что годилось для Брюса Ли, не обязательно должно было подходить Джиму Келли, Дэну Иносенто или Джо Льюису.

«Я никогда не верил в грубую силу», — говорит Льюис.

Однако, склоняясь к принятию рекомендованных Брюсом Ли положений, Льюис фактически использует основополагающую философию джит кюн до. В результате совместной работы с Брюсом Ли Льюис воспринял все, что было полезным, и освободился от рамок классического каратэ.

В результате совместных тренировок с Брюсом Ли в течение первого же года Джо Льюис стал непобедимым в турнирной борьбе. Десять самых искусных представителей каратэ встречались с Льюисом, и все десять были побеждены еще до конца второго раунда. Джо Льюис был самым удачливым турнирным бойцом из всех «учеников» Брюса.

Брюс Ли посоветовал Джо Льюису использовать боксерские приемы в каратэ, он также показал ему, как применять «угловую атаку» — один из принципов вин-чунь. Далее, в начале семидесятых годов, при поддержке Брюса в использовании более реалистичных форм поединка Льюис стал одним из основоположников спортивного каратэ — «полный контакт». Фактически, Брюс изобретал стратегии, а Льюис испытывал их на ринге.

Мастер таэквондо Джун Ри, который с уважением относился к способностям Брюса и его «революционному» подходу, изобрел и представил оборудование «сэйф-Т», которое было впервые использовано на чемпионате мира по профессиональному каратэ в 1974 году. Публика увидела методы тренировки Брюса благодаря появлению Льюиса на соревнованиях с использованием защитных приспособлений Джуна Ри. Таким образом Брюс Ли оказался у истоков перерастания боевых искусств на Западе в спортивные соревнования. В своем зародыше современный американский кикбоксинг был не чем иным, как прикладным джит кюн до.

Джо Льюис и его ученик Том Танненбаум (продюсер «Лонгсгрит», ставший впоследствии директором Юниверсал-ТВ) были создателями 90-минутного экстренного выпуска о чемпионате 1974 года. Здесь же было положено начало каратэ фул-контакт как спортивного вида.

Поскольку Брюс Ли никогда не участвовал в соревнованиях лично, остается гадать о том, чего он мог бы достичь. Джим Келли, например, высказал предположение, что многие мастера боевых искусств, с которыми он проводил тренировочные бои, не раскрывали полностью своих возможностей, поскольку хотели защитить свою репутацию и репутацию своих соперников. На спарринге между Брюсом Ли и Чаком Норрисом, после которых чемпион каратэ ушел «с красным лицом», присутствовали только Ричард Бустилло и лос-анджелесский полицейский.

Говард Уильямс добавляет, что Брюс никогда не пытался включить джит кюн до в спортивные состязания, поскольку не придерживался правил в единоборстве, что могло привести к дисквалификации как методов, так и позиции Брюса.

И тем не менее влияние Брюса ощущалось на ринге. В своем интервью журналу «Плейбой» в июне 1982 года чемпион по боксу Шугер Рей Леонард сказал:

Один парень, повлиявший на меня, не был боксером. Мне всегда очень нравились кошачьи рефлексы и мастерство Брюса Ли, и я хотел бы достичь в боксе того, что он достиг в каратэ (!). Я начал смотреть его фильмы еще до того, как он стал действительно популярным в фильме «Появление дракона», и старался подражать ему во всем. Ли был мастером, и, подобно ему, я стараюсь выйти за рамки основ моего спорта.

* * *

Брюс Ли всегда раскаивался в том, что начал говорить публично о джит кюн до, поскольку справедливо опасался, что оно будет превращено из гибкого учения в фиксированную «классическую» систему. Если вспомнить мнение Брюса по поводу классических боевых искусств, покажется иронией то, что в 1981 году федерация Кюошо в республике Китай объявила джит кюн до официальным боевым искусством, официальными «старейшинами» которого считались Дэн Иносенто и Таки Кимура, а также их «преемники», такие, как Тим Тэккет.

Несмотря на то что Таки Кимура по-прежнему обучает небольшую частную группу тому, что называет «джун фан гунфу», очевидно, что искусство Брюса немало обогатилось с того дня, когда он сказал Таки: «Найди тихое место и работай там; приятно проводи время, найди верных друзей и свое мировоззрение».

Брюс также знал, что боевые искусства постигнет участь религии. Уже сейчас имеется несколько версий джит кюн до.

Есть такие, кто обучают экранной версии борьбы Брюса и называют ее джит кюн до. Есть такие, кто обучают классическому джит кюн до, где перечисляется десять пунктов, определяющих «настоящее» искусство. Имеются и такие, кто изобретают смешанный стиль и обучают тому, что нравится им самим, называя это джит кюн до. Практически за пределами понимания находятся так называемые институты джит кюн до, которые предлагают заочное обучение с последующей выдачей диплома уличного бойца!

Даже Дэна Иносенто обвиняли в том, что он сбивает людей с толку. Недавно Говард Уильямс представил себя как серьезного уличного бойца, объясняя, что он считает джит кюн до «оригинальным» искусством, которому Брюс обучал в Окленде, и добавил, что оно не может быть смешано с другими стилями, такими, например, как *кали*. «Люди думают, что это можно смешивать, но это как масло и вода: взболтнешь их, и кажется, что они смешались, однако через некоторое время они вновь расслоятся».

Инструктор джит кюн до Ричард Бустилло спрашивает:

«Но что значит слово «оригинальное»? Это оригинальность тех дней, когда Брюс был в Гонконге, Сиэтле, Окленде или Лос-Анджелесе? Любое, чему Брюс Ли мог учить сегодня, безусловно, было бы развивающимся и включающим что-то новое».

Обучая джит кюн до, многие последователи Брюса начинают с того уровня понимания, до которого он сам дошел только после десяти лет тяжелейшего труда. Никто не имеет возможности изучить или познать на практике жизненные основы, которые стимулировали его последующий рост. Джит кюн до Брюса было цветением дерева с очень глубокими корнями.

Брюс Ли продолжал отрабатывать приемы вин-чунь многие годы после переезда из Гонконга. Причина была в том, что осознанность, которую они давали, стала частью его самого — настолько, что он не просто «знал», а был ею, — и позволяла позже использовать это чувство тела для того, чтобы быть свободным от всяких правил.

Бесполезно пытаться просто имитировать свободу Брюса Ли. Вначале необходимо практически усвоить четко определенные образцы. Творчество возникает из ограниченности форм — из-за того, что имеется только семь цветов или двенадцать нот, или только две руки и две ноги, с которыми можно работать. «Если бы существовали люди с четырьмя руками и четырьмя ногами, — говорил Брюс, — тогда бы существовали другие способы борьбы».

Тогда бы существовали и другие формы в музыке!

Блуждание в «круге без окружности» не означает быть свободным, скорее — быть потерянным. Возможно, Брюс Ли сказал бы, что мастер боевого искусства должен научиться действовать в малом, хорошо определенном круге, а затем постепенно расширять границы этого круга до тех пор, пока они не станут практически беспредельными.

«Взрывайтесь, расширяйтесь и изменяйтесь», — призывал Брюс. Но этот тип потока энергии должен быть правильно понят по его действительному отношению к форме. Например, для того чтобы блокировать удар рукой, существует ограниченное число возможностей; есть только несколько способов сделать это надежно и безопасно — и все они основаны на законах анатомии (тело человека) и физики (поток энергии). Нельзя ожидать, что кто-либо сможет инстинктивно выполнить правильное движение. Наоборот: для правильного выполнения необходимо на практике отрабатывать его много-много раз.

Мы можем научиться делать только то, что мы хотим делать, при помощи непрерывной отработки этого, посредством включения всех необходимых нейромышечных связей или, если вам так больше нравится, открытием необходимых каналов энергии. Но главное, о чем нужно помнить при таких тренировках — это осознанность, а не чисто механическое повторение. Поэтому мы никогда не делаем формы и не выполняем приемы, а совершаем поиск внутри них.

Истина со временем открывается в процессе. Как выращивание сада, это нельзя построить, оно должно раскрыться изнутри, из основы собственного бытия. Тело само по мере обучения учит вас.

Этот процесс предполагает непрерывное совершенствование, и, возможно с некоторым противоречием к предыдущему параграфу, он может быть уподоблен скульптору, который обтесывает каменную глыбу, чтобы увидеть спрятанную внутри «форму». Точно так же любое несущественное эмоциональное напряжение, физическая жесткость или психическое расстройство могут быть постепенно отброшены, чтобы увидеть внутреннего мастера.

Короче говоря, истина раскрывается изнутри, а все ненужное отбрасывается прочь.

Только это, а не простая имитация ведет к развитию экономичных и эффективных движений, которые дают соответствующую скорость и силу. Хорошая форма практики является принципиальным средством генерирования и открытия каналов внутренней энергии ци.

Брюс Ли объяснял различие между терминами «не иметь формы» и не иметь «формы». «Не иметь формы» (вовсе) значит просто быть глупым и некомпетентным. Не иметь «формы» (фиксированной) — значит не быть ограниченным формой, но иметь возможность ее использовать, не будучи связанным с ней. В сочетании с другой полезной привычкой — осознанием диапазона борьбы, все эти элементы затем вводятся в тренировки. Давление нарастает по мере того, как боец старается держать форму и не распыляться на ненужную человеческую реакцию. Только тогда при отражении серьезной атаки будет появляться возможность, чтобы «инструменты ударяли сами по себе». Это все то, что должно происходить в упражнении приклеивающихся рук.

Наиболее ценным и, я думаю, обязательным приемом, который был у Брюса для понимания истоков борьбы, явилось упражнение приклеивающихся рук, *чи-сяо*, которое вырабатывает осознание, позволяющее переходить в состояние спонтанной экспрессии.

Брюс мог сказать, что у него был «не стиль, а все стили», благодаря тем рефлексам, которые он приобрел в упражнении приклеивающихся рук и которые позволяли ему автоматически отвечать на любую атаку соответствующим блоком и нанесением ответного удара. Б этом смысле его техника была ответом на технику противника. «Вы не знаете, что я собираюсь сделать», — любил говорить Брюс Ли. Он и сам не знал до тех пор, пока это не случалось!

Но так же, как Брюс не обучал своих учеников никаким формам, у него не было времени для того, чтобы тратить годы на интенсивное индивидуальное обучение приему приклеивающихся рук. Однако тот факт, что Брюс считал *чи-сяо* краеугольным камнем своего искусства, очевиден и подтверждается фотографиями, на которых он обучает этому упражнению Вэна Уильямса во время съемки рекламного ролика для фильма «Зеленый шершень». Гораздо позже его сфотографировали в аналогичной ситуации, когда он обучал этому же приему Джеймса Францискуса, а также Джона Саксона при съемках «Появления Дракона».

Упражнение чи-сяо служит для развития «рефлекса контакта» и навыков «утверждающего давления», которые при их полном использовании являются чем-то гораздо большим, чем просто ловушкой или даже физическим превосходством, и которые позволяют мгновенно понять направление энергии и намерения противника во время автоматической подготовки ответа на решение поставленной им задачи. Однако необходимо отметить, что упражнение на основе вин-чунь является по-настоящему

эффективным только тогда, когда сочетается со стратегией работы ногами. Брюс Ли и Дерек Джоунс поняли это, но каждый решил проблему по-своему.

В настоящее время упражнение приклеивающихся рук почти повсеместно неправильно понимают. Большинство людей осознают только часть его потенциала, используя в тренировках лишь отдельные фрагменты, а определенные движения нередко выполняют из «неправильных» позиций. В правильной интерпретации упражнение приклеивающихся рук есть непрерывный процесс, позволяющий в первую очередь «держать форму» и производить внутри нее поиск взаимодействия энергий.

Упражняясь час за часом, день за днем на основе спарринга, *чи-сяо* выполняют как вид динамической медитации, которая сливается с тренировкой формы и техники. Это является центральным стержнем, который дает органическое понимание истоков борьбы и позволяет мастеру боевых искусств превосходить все стили.

* * *

Музыка, танец, борьба являются непрерывным потоком движения. Брюс Ли осознавал это родство и поэтому проводил много времени в наушниках, слушая индийскую музыку, стараясь впитать ее импровизированные мелодии и певучие ритмические узоры.

По моему собственному мнению, существуют параллели между изучением боевого искусства и музыки. Музыкальная группа, в которой я играл, старалась совместить рок, поп, кантри, соул, блюз и рэгги, сохраняя при этом свой стиль. Однако, для того чтобы свободно пересекать все музыкальные границы, потребовалось вначале провести много лет, оттачивая свою технику в базовых навыках, таких, как ритм и синхронность (помимо этого правильно играть ноты!), копируя простые популярные мелодии своей любимой фирмы грамзаписи. Брюс Ли нашел истоки своего мастерства в вин-чунь задолго до того, как интегрировал фехтование, бокс, кикбоксинг, борьбу и джиу-джитсу.

Даже если временами кажется, что Брюс Ли обучал только той музыке, которую мог исполнять сам, на самом деле он стремился обучить людей настолько, чтобы дальше они могли сами импровизировать, а не только проигрывать «заученные» куски.

К чему бы ни склонялся музыкант — джазу, классике или кантри, ко всему применимы одни и те же формы: те же гаммы, структуры аккордов, гармония и диссонанс. Сказав это,

необходимо признать, что для понимания недостатков чисто формального обучения нужно только прислушаться к попыткам большинства классически образованных музыкантов импровизировать «чувственную» музыку, такую, как рок или блюз.

Поэтому любой должен начинать с некоторым запасом свободы. Один музыкант может иметь превосходство в выражении одной формы, другой — пойти иной дорогой; но если оба они обладают талантом и работают над ним, то каждый доберется туда, куда рассчитывает добраться,

Исполнение музыкальных произведений, подобно тренировкам в боевых искусствах, может служить различным целям: зарабатывать деньги, устраивать показуху, побеждать, запугивать и лечить. Их может использовать самовлюбленный человек для своих личных целей. Они могут послужить средством выражения духа и истины.

Таким образом, осознанность может сочетаться с намерением создать основу не только мастерства в боевых искусствах, но и в любом другом виде искусства или средстве самовыражения. Она также может служить ключом к любому типу озарения — будет ли оно называться «философской интуицией», «духовным откровением», «освобождением» или «мастерством».

Глава 32. Мастерство

По сути своего учения Брюс Ли не пропагандировал боевое искусство; более того, он надеялся внушить нам истинное чувство взаимопонимания. Но взаимопонимание не может быть дано — оно должно быть найдено в сердце каждого человека. Реальная помощь, которую предлагает Брюс Ли, — это стимулирование способности помогать себе самостоятельно.

Знание и понимание — это не одно и то же. Знание базируется на предыдущем опыте; понимание — на опыте настоящего. Любой, кто хочет просто отождествиться с Брюсом Ли и системой джит кюн до, обманывает себя. Быть вдохновленным опытом и понимать то, что понимал Брюс Ли, — вот истинный смысл его намерений.

Иисус Христос, Учитель, чьи озарения также дали толчок различным догматическим и фундаменталистским течениям, выразил ту же истину, когда изрек: «Следуй за Мной, и ты потеряешь себя, но следуй себе — и ты найдешь и себя, и Меня». В жизни догматическая религия предает свое первоначальное мировоззрение. А любой мастер боевых искусств, остающийся верным установкам своего учителя, отрицает свою собственную возможность понимания.

Брюс Ли лично старался представить джит кюн до как отражение природы Дао, как средство выражения, которое может быть использовано, но не может быть выражено словами, постигнуто разумом или зафиксировано в виде системы.

Брюс часто рассказывал историю о дзэнском монахе, который пользуется лодкой для переправы через реку, а переправившись, разжигает из лодки костер. Многие из последователей Брюса предпочли бы сохранить лодку, некоторые хотели отправиться на ней обратно в прошлое, другие — поставить на нее мотор, и так далее. Суть рассказа Брюса заключается в том, что необходимо использовать то, что уже однажды оказалось полезным, в другой форме для других целей.

Теперь было бы полезно определить, что именно означает выражение «выживание наиболее приспособленного». Это понятие было введено не Чарльзом Дарвином, как считают многие, а Гербертом Спенсером в его книге «Основы биологии» в 1867 году. Спенсер использовал слово «самый приспособленный» в смысле «наиболее приспособленный» или «наиболее подходящий». В современной интерпретации (или ошибочной интерпретации) оно используется в значении «самый сильный» и применяется к людям, борющимся за выживание или тренирующим силу, чтобы

властвовать над слабыми. Действительный смысл понятия «наиболее приспособленный» — это соответствие и приспособляемость, т. е. способность приспосабливаться к данному окружению. Тот, кто лучше всего приспосабливается к изменяющимся обстоятельствам, и является тем, кто выживает. И это не обязательно самый сильный.

Брюс Ли старался проиллюстрировать это в начальной сцене, которую он задумал для фильма «Игра со смертью», когда ветка крепкого, но не гибкого дерева трескается и отламывается под весом снега, а гибкая ива склоняется и снег съезжает по ее ветвям, не нанося дереву повреждений. Эта картина напоминает, что само слово «Шаолинь» означает «молодое дерево» — такое, которое может гнуться и качаться и, таким образом, иметь преимущество.

Постепенно из философии джит кюн до возникает вопрос о природе взаимосвязи между «формой» и «свободой», которая выражается как способность приспосабливаться к жизни. Что такое форма? И что такое свобода? И как поддержание хорошей формы связано с возможностью быть свободным? Как это все связано с тренировками в боевом или любом другом искусстве и особенно с моей жизнью как живого существа?

Поддержание формы относится ко многим вещам. Это эффективное выполнение приемов, экономия движения и осознание потока энергии, которая включает и разум, и чувства, — и все это в текущих и изменяющихся условиях жизни.

Иметь хорошую физическую форму означает находить наиболее эффективные и оригинальные пути использования естественного потока энергии. Эта способность включает уравновешенность в состоянии покоя и движения, а также отсутствие ненужного напряжения во время движения тела как целого — сосредоточенно, устойчиво, в вертикальной стойке — таким образом, что каждая часть координируется в хорошо синхронизированном действии и реакции.

Хорошая ментальная форма означает избавление от всех пустых размышлений, тревог и сомнений, а в момент появления их — переориентацию своего внимания на полезный процесс активного мышления или осознание физической формы.

Эмоциональная форма означает способность чувствовать уверенность даже при отсутствии очевидных причин для этого, так чтобы это само служило причиной уверенности. Чтобы быть уверенным, нужны реальные усилия.

В этой книге достаточно свидетельств того, что все это являлось важнейшими принципами, с которыми Брюс Ли стремился прожить свою жизнь. Иногда он проигрывал, но

нередко побеждал.

Нам предлагается сделать аналогичный выбор. В любой момент, при каждом вдохе, сейчас! — можно потерять осознание формы, а затем оправдывать это и продолжать жить так, но можно и восстановить его. Мы можем плыть по течению жизни, воображая, что мы свободны, и не имея ни малейшей надежды натолкнуться хотя бы случайно на истинный опыт. Но если мы настойчиво стремимся достичь осознания формы, тогда, в этот момент, мы свободны.

Свобода — это не то, чего можно ожидать, так же, как нельзя сегодня утолить голод, думая о пище, которую удастся съесть завтра. Свобода, которая появляется в результате самоосознанности, или присутствует, или нет. Мы не работаем для того, чтобы получить свободу, мы свободны.

Если присутствует внимание, разум свободен от рассеянности. Если эмоции свободны от страхов — не без страхов, но не привязаны к ним, — тогда они могут течь как чистая побуждающая энергия. Когда тело более расслабленно и свободно от напряжения, оно чувствительно к энергии других и достаточно открыто для того, чтобы позволить энергии Духа свободно втекать в форму.

Брюс Ли впервые почувствовал вкус этой возможности, когда был подростком и послушался совета Ипа Мэна прекратить усердные занятия и пойти прогуляться к водам гонконгской гавани. Когда он наклонился над водой и погрузил пальцы в свое отражение, вода всколыхнулась в стороны. Секундой позже она вернулась и сомкнулась вокруг пальцев, идеально очертив форму руки.

Годами позже в эпизоде «Лонгстрита», который он помогал написать Стерлингу Силлифэнту, Ли постарался пробудить то же чувство у Лонгстрита, советуя ему быть таким, как вода.

«Когда наливаешь воду в чашку, она становится чашкой. Когда наливаешь воду в чайник, она становится чайником».

Что может быть «более приспосабливающимся, чем вода»?

Однако без удерживающей формы способность воды свободно течь и приспосабливаться становится бесполезной. Река без берегов — это просто наводнение, но текущая по руслу вода обладает значительной силой, которая может приводить в действие электрический генератор. Если разум достаточно сосредоточен для того, чтобы эффективно и с пониманием управлять формой тела, он открывает возможность прийти совершенно другой энергии.

Брюс Ли знал, что на высшем уровне любого искусства побуждение к действию приходит от Духа. Как показывает Ли

молодому монаху в первых сценах фильма «Появление дракона», вначале необходимо приобрести искусную технику и правильный психологический подход. Честолюбивое личное «я» субъекта препятствует достижению желаемого успеха, но успех приходит не как результат напряжения силы воли или больших стараний, а через посредство чего-то, что могло быть названо «сверхъестественной» силой.

Выброшенный при редактировании диалог из «Появления дракона» между Ли и настоятелем показывает мастерство, которого достиг Ли. На пути к этому состоянию бытия Ли прежде достиг уровня компетентности через физические тренировки в сочетании с огромной настойчивостью и ловкостью. Мастерство, в полном смысле слова, начинается только тогда, когда мастер боевых искусств столкнулся с настойчивыми желаниями и страхом поражения, которые затрудняют его путь. Когда «оно» совершает удар само по себе, то происходит это потому, что маленькое «я» личного эго не вмешивается. Мастер уступает другой силе, которая позволяет энергии «универсального Я» (Ли называет его «оно», а Дерек Джоунс — «дух») действовать через него.

Бира Алмейда, мастер бразильского искусства *капоэйра*, приводит воспоминания из своего собственного опыта:

Достигнув пределов физического мастерства, я впал в депрессию. При моем уровне мастерства и физической формы было нелегко найти противников для поединка. У меня не было ни стимула, ни возможностей для совершенствования.

Он три года не тренировался, пока не понял, что теряет что-то, затем возобновил тренировки как средство изучения истоков бытия:

После этого я перестал беспокоиться о силе, скорости или других физических навыках. Я просто старался читать мысли своего противника. В то же время я начал изучать и писать музыку как продолжение этого искусства. Постепенно подошло время переходить на более высокий уровень, где противник должен делать то, что ему подсказывает мой собственный разум.

Такой контроль имеет только одну цель: помочь вашему противнику, даже если это ваш враг, развиваться и достигать универсальной гармонии. Есть ритм для жизни и для Вселенной. Занимаясь боевыми искусствами, вы играете и стараетесь найти этот ритм и настроиться на него. Все это время вы не можете провести неправильный бой. Этот ритм полон жизненных неурядиц, но он преобразует их. Злые люди хотят бороться, чтобы нанести противнику рану или убить его. Боевые искусства не отрицают такой возможности, но истинное внутреннее искусство

замыкает эту злость и отчуждение само на себя таким образом, что возможность быть просто живым признается самим мастером.

Многие не способны признать боевое искусство как средство духовного выражения или внутренней работы. На Западе мы привыкли думать только о «победителях» и «побежденных», без каких-либо альтернатив. В борьбе, тренировках боевых искусств, процесс конфронтации поглощается участниками таким образом, что каждый из них познает что-то. Ни «победитель», ни «побежденный» не будут жить вечно в неизменной форме. В борьбе, как и в жизни, оба вовлечены в процесс познания и изменения. Противник — это не враг, это «Я», но в другой форме.

Когда вы боретесь, ваш противник становится вами. Вы противостоите своим страхам, силе и слабости, своей жизни вообще. Я участвовал в тысячах боев и поэтому хорошо знаю, что значит чувствовать подобное внутри себя. Ты знаешь, что должен выиграть, но выиграть означает выиграть у самого себя.

Боевое искусство похоже на зеркало, в которое вы смотрите перед умыванием. Вы видите себя просто таким, как вы есть.[25]

Глава 33. Завершая круг

Истории творения, рассказанные философами-даосами или современными учеными, в сущности, совпадают. Различие только в культурных контекстах.

Согласно концепции даосизма, сотворение Вселенной происходит в результате нескольких простых принципов и этапов.

В начале была пустота — У-цзи, неизвестное. Из вакуума образуются две основные формы или процесса энергии: Инь и Ян.

Комбинация и взаимодействие Инь и Ян образуют *ци* — энергию (или колебания) и в конечном счете все, что существует.

Взаимодействие Инь и Ян является средством упорядочения и понимания всего, что поддается постижению: левого и правого, твердого и мягкого, рождения и смерти. В любой ситуации имеется полное качество Инь и Ян, но в дальнейшем оно может быть подразделено по всем составляющим до тех пор, пока не получим «десять тысяч» делений и сравнений. Двоичная арифметика компьютерного языка (при помощи которой вся информация выражается в виде комбинации нулей и единиц) является примером сочетания двух для получения множества.

С точки зрения современной физики Вселенная возникла из пустоты в результате «большого взрыва». В первые микросекунды творения антиматерия (Инь) взаимодействует с материей (Ян) и создает свет. Свет создает энергии различного звука и цвета и вещество — при ускорении и замедлении различных колебаний.

Ученый Джек Сарфатти изображает Вселенную как тип квантовой пены, Б которой объекты и силы — все, что существует, — находятся как рябь на поверхности большого моря.

Это ци, которая пульсирует с различными частотами, что создает органическую материю, звезды, планеты, животных, скалы, растения и другие аспекты человеческого бытия — наши И физические тела и их различные процессы, наши чувства, мысли и духовные озарения.

То, что китайцы называют «потоком ци» (а физики, возможно, называли бы «универсальным потоком энергии» или «квантовым полем»), не имеет ни начала, ни конца. Несмотря на то что оно постоянно проявляется в различных формах в пространстве и времени, оно остается неизменным, вечным, непреложным. Для того чтобы действительно испытать все аспекты этого потока, необходимо узнать также, что в конечном счете все имеет один и тот же источник происхождения и одинаковую судьбу, вне времени, где нет ни «до», ни «после», а только вечное «сейчас». Между началом и возвратом к началу происходят все

взаимодействия жизни.

Брюс Ли отобразил этот процесс очень простым графическим способом на эмблеме своей школы. В первом ряду расположен чистый круг, начальное состояние свободы и возможности. Последующие ряды представляются эмблемами Инь-Ян различных цветов, отображающими все стороны жизни. На самом высоком уровне снова расположен чистый круг: возврат к истоку.

Несмотря на различные внешние признаки, все разнообразие форм и деятельности жизни является на самом деле одним непрерывным потоком энергии. Зная это, Брюс часто отделывался от вопросов о сущности Инь и Ян, не отбрасывая сам принцип, а просто стараясь показать, что в действительности все очевидные противоположности происходят из одной общей силы. Эта сила, которая выражает сама себя в бесконечном потоке формы и движения, является процессом, который иногда называют «Вселенная».

Концепция пространства Эйнштейна очень похожа на буддийское учение о шуньяте — «пустоте». Считалось, что пространство живо, что это «поле» возможностей, от которого получили начало «все» и «каждое». Материя — это не что иное, как локальная конденсация энергии в пространстве. Поэтому нет принципиальной разницы между материей и пространством или, с точки зрения буддистов, между формой и пустотой.

Мастер дзэн сэнсэй Генпо Мердзел говорил так:

Вакуум не является больше просто пустотой, а есть реальное, свободное существующее. Это исток, из которого происходят все вещи и куда они возвращаются. Его нельзя увидеть, прикоснуться к нему или познать его — тем не менее он существует и свободно используется. Он не имеет формы, размера, цвета, очертаний, но все, что мы видим, слышим, чувствуем и ощущаем, является «им».

Это находится вне умственного знания и не может быть постигнуто просто разумом. Когда мы внезапно пробуждаемся и узнаем, что преград нет и никогда не было, мы обнаруживаем, что мы — это все вещи: горы, реки, трава, деревья, солнце, луна, звезды, Вселенная. Не существует более разделений или границ между мной и другими, нет больше чувства отчуждения и страха — нет ничего отдельного от кого-либо, и поэтому нечего бояться. Сознание этого факта ведет к истинному состраданию. Не видно других людей и вещей отдельно от кого-либо — наоборот, они мыслятся как наше собственное тело.

* * *

Бодхидхарма, легендарный основатель кунг-фу, изобрел ряд упражнений для монахов Шаолиня, присовокупив такой

комментарий: «Невзирая на то что проповеди Будды предназначены для души, тело и душа являются неделимыми. По этой причине я дам вам метод, при помощи которого вы можете развить свою энергию настолько, что обретете состояние Будды». [26]

Борьба, как и любое другое искусство, на своей высшей стадии является деятельностью духа в теле. Вначале мастер боевых искусств тренируется для того, чтобы чувствовать и испытывать свое тело как целое; затем — для того, чтобы чувствовать и понимать движение энергии своего противника как своей собственной. Годы тренировок и обеспечение требуемых движений расслабленного тела — когда концентрация намерения и эмоционального содержания объединяет тело, разум и чувства — способствуют поступлению более высокой энергии.

Теперь любое действие, большое или малое, обладает силой.

Даже при ударе кулаком удар сам по себе ударяет, а энергия Вселенной уже здесь!

На высшем уровне мастер боевых искусств испытывает и чувствует единство энергии, единство жизни. Чтобы соприкоснуться с этой энергией и чтобы она соприкасалась с вами, необходимо понять, что в конечном счете «я» и моя противоположность, «меня» и «моя тень», «мне» и «мой отец» — одно и то же.

Познать это состояние — значит не иметь ни союзников, ни врагов. Познать это состояние — значит признать отсутствие разделения между жизнью и смертью.

Теперь, пожалуй, мы сможем понять, до чего доходило мастерство Брюса Ли, если он мог сказать: «Никто не побеждает в борьбе».

Что он подразумевал под этим? Просто, поскольку все появляется и возвращается к одному источнику, любая победа происходит во имя «этого», даже до того, как поединок произошел.

Таким образом, на высшем уровне мастер боевых искусств вырабатывает «чувство тела» для всего, что существует. Брюс Ли знал, что при высшем выражении его искусства импульс к действию приходит от Духа.

В конце концов, я не знаю точно, происходит ли мое единение с Духом через высочайшую осознанность моей формы и моего окружения; или, может быть, мои старания были замечены высочайшей осознанностью Духа и я был выбран как подходящий сосуд. Настоящий мастер боевых искусств бесстрашен, поскольку знает, что, даже если его тело умирает, он заключает в себе Дух, который бессмертен.

В самом начале есть *У-цзи* — Пустота — Неизведанное.

В китайском языке слово *у* имеет значение «боевой». Слово *цзи* означает дыхание, энергия или дух. Нет необходимости в дополнительных усилиях ума или интуиции, чтобы увидеть, что само существо Бытия, у-цзи, также несет значение «дух воина» — не просто в смысле быть воинственным, а в смысле быть жизненным и взаимодействующим.

Все равно парадокс объясняется. Постижение Пути и гармонии с Дао аналогичны воплощению Боевого Духа.

Посвящение

В конце 1991 года я работал в Лос-Анджелесе. В это время там находился мастер боевых искусств Дерек Джоунс с которым я тренировался в Лондоне в течение нескольких лет.

Дерек приехал в Соединенные Штаты, чтобы сниматься в художественных фильмах.

Дерек Джоунс начал тренироваться в боевых искусствах под влиянием Брюса Ли. Будучи подростком, он уехал из родного Уэльса в Лондон и отыскал Виктора Кана, школьного друга Брюса Ли из Гонконга. Прошло немного времени, как природный талант Дерека нашел его, как говорят китайцы, «стоя на плечах мастера», или, в случае Виктора, ударяя его в зад. Для того чтобы дальше совершенствовать свои способности, Дерек отыскал Уильяма Чена.

Дерек всегда говорил, что он понял о борьбе намного больше, наблюдая за Брюсом Ли, чем каким-либо другим способом.

Так же как и Брюс Ли, Дерек Джоунс впоследствии продолжил формировать свое собственное боевое искусство. «Тело, Разум, Дух» на основе традиционного вин-чунь поднялись до его собственного уровня понимания техники тела, потока энергии и стратегии борьбы. Дерек обладал непревзойденными способностями и глубиной предвидения. Короче, он знал, о чем говорит, — и всегда подтверждал слова делом.

Однажды я высказал Дереку предположение о том, что Брюс Ли реализовал все свои стремления, за исключением одного: жить в мире и согласии.

Дерек ответил: «Он нашел свой мир после смерти». Немного помолчав, он добавил: «Видишь ли, он знал, что собирается умереть».

В конце двухнедельного визита Дерека в Штаты я отвез его в аэропорт и помог ему донести багаж до стойки регистрации.

Мы приехали слишком рано. «Нет смысла двоим слоняться здесь», — рассмеялся он. Мы обнялись и сказали друг другу: «Пока».

Это был последний раз, когда я видел своего друга и учителя. Через несколько дней позвонила его жена Джулия. Этим вечером Дерек случайно погиб: в его мотоцикл врезалась машина. Ему было тридцать четыре года. Я разделил горе его семьи и моих друзей и коллег.

Очень жаль, что теперь непревзойденное предвидение и мастерство Дерека не будет достоянием той широкой аудитории, которую он заслужил. Все, кто знал Дерека Джоунса, сохранят в

своей памяти его светлый образ — образ учителя и доброго друга.

Я посвящаю эту книгу мастеру Дереку Джоунсу с уважением, благодарностью и любовью

* * *

И давайте пожелаем Брюсу Ли такой же яркой жизни в духе, какую он имел в реальной жизни, — поскольку в действительности между ними нет разделения.

Приложение. Вин-чунь — и около него

В последние годы в мире вин-чунь возникли противоречия.

Уильям Чун утверждает, что Ип Мэн разработал и обучал двум очень различным вариантам вин-чунь. За два поколения до того, как Ип Мэн изучил искусство, великий мастер Люн Янь обучал своих двух сыновей; при этом за ними шпионил его сосед Чань Ва Шунь. Когда мастер знал, что за ним подсматривают, он намеренно «изменял» то, чему учил. Несмотря на то что в конечном счете Великий Мастер Люн Янь принял своего соседа в ученики, он обучал его менее эффективной версии, так как боялся, что более крупный и сильный Чань предъявит претензии на главенство после его смерти. Эти страхи оказались обоснованными. После смерти Люна и одного из его сыновей Чань убрал со своего пути второго сына и захватил главенство в направлении вин-чунь.

Когда Ип Мэну было тринадцать лет, он начал тренироваться с Чанем, и занимался четыре года перед тем, как отправился в Гонконг учиться в колледже. Там он встретил эксцентричного старика, у которого была внушительная репутация по кунг-фу. Ип Мэн вызвал этого человека на поединок и проиграл ему. Этим стариком оказался оставшийся в живых сын Люня.

Он впоследствии рассказал Ип Мэну о двух различных версиях вин-чунь и согласился обучить того «подлинному», или «традиционному» методу.

Ип Мэн вернулся домой и проработал много лет инспектором полиции, а во время коммунистической революции улетел в Гонконг. Когда ему было пятьдесят шесть лет, он объявил себя мастером подлинного вин-чунь и начал обучение. В 1953 году Уильям Чун присоединился к этой школе и привел с собой ученика, которому суждено было стать самым известным представителем вин-чунь, — Брюса Ли.

Уильям Чун всегда утверждал, что Ип Мэн обучал своих учеников только «измененной» версии вин-чунь, а «подлинной» — только его. Несмотря на то, что Брюс был учеником школы Ип Мэна, основная масса знаний была получена от двух старших учеников — Вон Шюн Люна и Уильяма Чуна. Поскольку Чун дал клятву не раскрывать никому подлинную систему при жизни Ип Мэна, он обучал Брюса измененной форме, но делал намеки о недостатке эффективности некоторых приемов.

Принципиальная разница между двумя формами вин-чунь

заключается в положении тела, рук и работы ногами. Представитель «измененной» версии отклоняется назад, а носки ног повернуты внутрь, затем изгибается вперед — все с целью получения устойчивого положения и встречи противостоящей силы. Стойка «традиционного» мастера более прямая и уравновешенная; он использует работу ногами для достижения оптимального состояния при атаке и защите — и то, и другое для того, чтобы «перекрыть брешь» и войти в зону борьбы и отступить в сторону, чтобы обезопасить себя.

Мой собственный учитель Дерек Джоунс изучал обе версии: «измененную» с Виктором Канем и «традиционную» с Уильямом Чуном. Принял ли Дерек Джоунс формулировки Уильяма Чуна во внимание или нет, но он находился на уровне самой эффективной системы. Он говорил своим ученикам:

«Измененной системе недостает работы ногами, начальных приемов и передовой стратегии — она очень ограниченна».

Друг и коллега Брюса Ли по обучению Хокинз Чун (племянник Уильяма) обучает тому, что он называет «классическим вин-чунь», в своей школе в Калвер Сити, Лос-Анджелес. «Измененное, традиционное — все это чепуха, — говорит Хокинз. — Это только Уильям сеет раздоры».

Хокинс подразумевает, что Уильям специально придумал это историческое расхождение в искусстве для того, чтобы продвигать свою собственную версию. Если это правда, можно поблагодарить Уильяма Чуна за все то, что он сделал более эффективным. Как Брюс Ли, таки Уильям Чун и Дерек Джоунс развивались как мастера боевых искусств, причем каждый из них воспринимал вин-чунь в своей индивидуальной манере.

Было ли это «сеянием раздоров» Чуна, «гением» Брюса Ли или «здравым смыслом» Дерека Джоунса, на самом деле не важно.

Это просто служит подтверждением того, что, если что-нибудь истинно в одном месте, оно обычно бывает истинно и в другом.

Литература и источники

Works Cited:

Almeida, Bira. Capoeira: A Brazilian Art Form. Berkeley, CA; North Atlantic Books, 1982. Second edition, revised and expanded, 1986.

Beasley, Jerry. In Search of the Ultimate Martial Art. Boulder, CO: Paladin Press, 1989.

Carradine, David. The Spirit of Shaolin. Boston. MA: Charles E. Tuttle, 1991.

Cheung, William. Wing Chun Bil Jee. Burbank, CA: Unique Publications, 1983.

Chow, David, and Richard Spangler. Kung Fu — History, Philosophy, Technique. Burbank, CA: Unique Publications, 1982.

Clouse, Robert. The Making of Enter the Dragon. Burbank, CA: Unique Publications, 1987.

Bruce Lee: The Biography. Burbank, CA: Unique Publica-tions, 1988.

Dennis, Felix, and Don Atyeo. Bruce Lee: King of Kung Fu. London: Wildwood House, 1974.

Hyams, Joe. Zen in the Martial Arts. Los Angeles: J. P. Tarcher Inc., 1979.

Inosanto, Dan, and Alan Sutton. Jeet Kune Do: The Art and Philosophy of Bruce Lee. Los Angeles: Know Now Publishing, 1980.

Palmer, Doug. "A Summer in Hong Kong." Unpublished manuscript.

Scott, David, and Tony Doubleday. Zen. Shaftesbury, Dorset: Element Books, 1992.

Periodicals and Newspapers cited:

Bruce Lee: His Life in Pictures. Burbank, CA: CFW Enterprises, 1988.

Bruce Lee: The Untold Story. Burbank, CA: Unique Publications, 1986.

Combat (Walsall, England: Martial Arts Publications) Glover, Jesse. "The Art of Bruce Lee." October 1991.

Logan, Bey. Interview with Kwan Tak Hing, August 1987.

Fighting Arts (Liverpool, England: Ronin Publishing) Noble, Graham. Interview with Dan Inosanto: "Bruce Lee: The Real Story." n.d.

K.O.A. Yearbook (London: Paul H. Crompton) Crompton, Paul. "William Cheung: The Best Fighter and No Apology." 1985.

Inside Kung Fu (Burbank, CA: CFW Enterprises) "Bruce Lee

Returns in The Game of Death." September 1979.

Cater, Dave. "Jason Lee: The Part He Couldn't Refuse." December 1992.

Corcoran, John. Interview with Tom Tannenbaum. January 1980.

Interview with Joe Hyams. April 1980.

Cheung, Hawkins. "Bruce Lee Discovers Jeet Kune Do." December 1991.

"Bruce Lee's Hong Kong Years." November 1991.

"Cleaning Up Bruce's Classical Mess." February 1992.

"Wing Chun: Bruce Lee's Mother Art." January 1992.

Interview with Grace Lee: "The One Who Knew Bruce Best." September 1979.

Painter, Dr. John P. "Will the Real Yin and Yang Please Stand Up?" December 1991.

Peters, Jennifer. "Brandon Lee: Trying to Fill Some Mighty Big Shoes." November 1992.

Potest, Jerry. "Single Direct Attack: Jeet Kune Do's One Punch K.O." November 1991.

Kung Fu Monthly, Nos. 1-76,1975–1982 (London: H. Bunch Associates, Ltd..)

"Bruce Lee's Game of Death."

"Brace Lee in Action."

"The Power of Bruce Lee."

"The Second Sensational Bruce Lee Scrapbook."

"The Secret Art of Bruce Lee."

"The Unbeatable Bruce Lee."

"Who Killed Bruce Lee?"

Kung Fu Monthly (London: H. Bunch Associates, Ltd.) Special Issue No. 100, 1992.

Martial Arts Illustrated (Huddersfieid, England: Martial Arts, Ltd.) Bruce Lee Supplement. Vol. 1, March 1992.

Johnston, Will. "Brandon Bruce Lee: A Life Worth Remembering." June 1993.

Kent, Chris. "Bruce Lee Gets His Due." July 1993.

Logan, Bey. Interview: "A Guy Named Joe: Part Three." January 1992.

Interview: "A Guy Named Joe: Part Two." June 1991.

Interview with Richard Bustillo, Part One. November 1992.

Interview with Taky Kimura. January 1992.

Martial Arts Legends (Burbank, CA: CFW Enterprises) Corcoran, John. "One on One with Stirling Silliphant." January 1993.

Imamura, Richard. "Daniel Lee: The Harmonious Jeet Kune Do/Tai Chi Synthesis." July 1991.

"Ed Parker: The First Twenty Years." July 1991.

Maslak, Paul "The Fine Art of the Fight Scene." January 1903.

(with Don Wilson). "The William Cheung Story: Bruce Lee in the Early Years." January 1993.

Shivel, Rick, and John Corcoran. "Elvis Presley: The Man and the Martial Artist." July 1991.

Tan, Rick. "Who is Shek Kin?" July 1991.

Martial Arts Masters (Burbank, CA: CFW Enterprises) Montaigue, Erle. Interview: "Dan Inosanto: on Life After Bruce Lee." 1992.

Martial Arts Movies (Burbank, CA: CFW Enterprises) "Dragon: The Life Story of Bruce Lee." 1992.

Rhodes, Scott. "25 All-time Great Movie Fights." 1992.

People Magazine. Brandon Lee feature, Vol. 38, No. 10, 1992 (New York; Time, Inc.)

Playboy Magazine. Sugar Ray Leonard interview, June 1982.

The author gratefully acknowledges the permission to quote copyrighted material from the sources listed above.

In particular, the author extends his thanks to Jerry Beasley and Paladin Press for permission to quote from conversations with Dan Inosanto, Tim Tackett, and Larry Hartsell Thank you to Bey Logan for carte blanche to delve into his comprehensive series of interviews with Joe Lewis for Martial Arts Illustrated. Thanks also to Curtis Wong for permission to quote from Inside. Kung Fu and from various Unique Publications. Special thanks are also due to Doug Palmer for allowing extensive use of his personal notes.

Not all quotations in the text of this book are verbatim. However, care has been taken to retain their essential meaning and changes have only been made to maintain continuity.

Additional Reading

Block, Alex Ben. The Legend of Bruce Lee. St. Albans, Herlsfordshire, England. Mayflower Books, 1974.

Bly, Robert. Iron John. New York: Addison Wesley, 1990.

Chao, K. T., and J. E. Weakland. Secret Techniques of Wing Chun Kung Fu. London: Paul H Crompton, 1976.

Confirmation Committee of the VTAA. Genealogy of the Ving Tsun Family. Kowloon: Hong Kong Ving Tsun Athletic Association, 1990.

DeMile, James W. Bruce Lee's One-Inch and Three-Inch Power Punch.

Kirkland, WA: Tao of Wing Chun Do Publications, 1975.

Deng, Ming Dao. Scholar Warrior. San Francisco; HarperCollins, 1990.

Draeger, Donn, and Robert Smith. The Fighting Arts of Asia. New

York: Berkeley Medallion, 1974.

Durckheim, Karfried Graf, Hara; The Vital Centre of Man. London: George Allen and Unwin, 1962.

Fields, Rick. The Code of the Warrior, New York: Harper Perennial, 1991.

Gross, Edward. Bruce Lee: Fists of Fury. Las Vegas, NV: Pioneer Books, 1990.

Hartsell, Larry. Jeet Кипе Do, Burbank, CA: Unique Publications, 1987.

Hartsell, Larry, and Tim Tackett. Jeet Кипе Do, Volume 2. Burbank, CA: Unique Publications, 1987.

Heller, Stuart. The Dance of Becoming, Berkeley, CA: North Atlantic Books, 1991.

Inosanto, Dan. Absorb What Is Useful. Los Angeles: Know Now Publishing, 1985.

Jeet Кипе Do Guidebook, Volume 1. Unique Publications, Burbank, CA: 1987.

Jeet Кипе Do Kickboxing. Los Angeles: Know Now Publishing, 1986.

Kent, Chris, and Tim Tackett. The jun Fan/Jeel Кипе Do Textbook.

Los Angeles: Know Now Publishing, 1988.

Krishnamurti, Jiddu, Freedom from the Known, New York Harper and Row, 1969.

Lee, Bruce. Chinese Gung Fu: The Philosophical Art of Self Defense.

Burbank, CA: Ohara Publications, 1963.

The Too of Jeet Кипе Do. Santa Clarita, CA: Ohara Publications, 1975.

Lee, Bruce, and Mito Uyehara. Bruce Lee's Fighting Method, Volumes 1–4, Burbank, CA: Ohara Publications, 1977.

Lee, James Yimm. Wing Chun Kung Fu. Bruce Lee, Technical Editor. Burbank, CA: Ohara Publications, 1972.

Lee, Linda. Bruce Lee: The Man Only I Knew. New York: Warner Faperbacks, 1975.

The Life and Tragic Death of Bruce Lee. London: Star Books, 1975.

Lee, Linda, and Tom Bleecker. The Bruce Lee Story. Burbank, CA: Ohara Publications, 1989.

Lewis, Peter. Martial Arts. Leicester, England: Magna Books, 1987, Meyers, Richard, Amy Harlib, Bill Palmer, and Karen Palmer. Martial Arts Movies. Secaucus, NJ: Citadel Press, 1985.

Millman, Dan. The Warrior Athlete. Wallpole, NH: Sfallpoint, 1979.

Mintz, Marilyn D. The Martial Arts Movie. Boston, MA: Charles E.

Turtle, 1983.

Needham, Joseph. Science and Civilization in China. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1954.

Ralston, Peter. Cheng Hsin: The Principles of Effortless Power. Berkeley, CA: North Atlantic Books, 1989.

Roote, Mike. Enter the Dragon. From the original screenplay by Michael Allin. London: Tandem Books, 1973.

Salzman, Mark. Iron and Silk, London: Hamish Hamilton, 1987.

Stewart, Lucretia. "Postcards from China's Edge." London: The Independent on Sunday, 15 December 1991.

Thomas, Bruce. The Body of Time. London: Arkana, 1991.

Van Hise, James. Video Superheroes. Las Vegas, NV: Pioneer Books, 1991.

Vaughn, Jack, and Mike Lee. The Legendary Bruce Lee. Burbank, CA: Ohara Publications, 1986.

Wall, Bob. Who's Who in the Martial Arts. Los Angeles: R. A. Wall Investments, 1985.

Wing, R. L. The I Ching Workbook. New York: Doubleday, 1979.

The Too of Power. Wellingborough, England: Aquarian Press, 1986.

Periodicals and Newspapers

Bruce Lee: King of Kung Fu. Nos. 1–8. (Stanmore, Middlesex, England: Poster Magazine Publishing Co.)

Exciting Cinema. Kung Fu Special Issue, 1974. (Pennine Magazines)

Farewell to the Dragon. (Philadelphia: The Cinema Attic, 1974)

Fighters' Monthly. Vol. 1, N0.1. (London: Fighters' Publications)

Films and Filming. No. 229,1973. (London: Hansom Books)

Great Dragon Magazine. No.3.

The Hollywood Reporter. May 7,1993. Alex Ben Block article on Dragon film, (Los Angeles: H. R. Industries Inc.)

JKD Magazine, Nos. 1-12,1976–1978 (Hong Kong: Bruce Lee Jeet-Kune-do Club)

"Bruce Lee: Combats"

"Bruce Lee: His Privacy and Anecdotes"

"Bruce Lee: His Unknowns in Martial Arts Learning"

"Bruce Lee Memorial Monthly No,1"

"Bruce Lee's Nunchaku in Action"

"Bruce Lee Revenges…"

"Bruce Lee: The Fighting Spirit"

"Bruce Lee: The Immortal Dragon"

"Bruce Lee: The Secret of JKD and Kung Fu"

"Reminiscence of Bruce Lee"

"Studies on Jeet Kune Do"
Karate Illustrated. June 1977 and February 1979.
KO Magazine. June 1984.
Kung Fu Supplies Co. 1978–1979. (Hong Kong)
Bruce Lee: Farewell My Friend.
Bruce Lee in The Game of Death, [sic]
Kung Fu Magazine Publishing Co. 1983–1984. (Hong Kong)
Bruce Lee: His Eternities.
Bruce Lee's Nunchaku Method.
Ochs, Phil. "Requiem for a Dragon Departed." Time Out, February 15–21,1974. (London: Time Out Publications)
Official Karate. July 1970.
Popster. Issues 23 & 26. (London: Planet News)
"Was Bruce Lee Killed By a Secret Death Touch?"
"What is Kung Fu?"
Penthouse. Albert Goldman feature on Bruce Lee, Jan/Feb 1983. (New York: Penthouse International Ltd.)
Real Kung Fu, Victor Kan interview, Vol. 2, No. 6,1977. (Hong Kong: Comray Publications)

notes

Примечания

1

В Китае фамилия предшествует имени.

2

Кантон — диалект китайского языка, распространенный в Гонконге. — *Прим. перев.*

3

Lee — довольно распространенная (и знаменитая) фамилия в Америке. Сочетание букв «ее» в английском звучит как долгое русское «и», тогда как «i» напоминает короткий звук между «и» и «ы». — *Прим. перев*.

4

Брюс предпочитал кантонский вариант названия — *гунфу*.

5

См. Приложение.

6

Гонконгская мафиозная организация

7

По законам США человек, родившийся на территории этой страны, имеет право стать ее гражданином. — *Прим. перев*.

8

Герой фильма, поставленного по сценарию американского писателя Джерома Сигела, — инопланетянин и супермен, свершив ряд невероятных подвигов, возвращался домой в образе безобидного и благовоспитанного журналиста по имени Кларк Кент. — *Прим. перев*.

9

(Daily) Sentinel — «Часовой». — *Прим. перев.*

10

У. Б. Йитс, 1865–1939, ирландский писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года. — *Прим, перев*.

11

«Большой босс» появился на американском экране под названием «Яростный кулак». Во всей книге фильмы Брюса Ли называются так, как они были названы при первом выходе на экран.

12

Первоначально названный «Школа рыцарства», фильм был переименован в «Кулак ярости» (а на американских экранах позже появился как «Китайские связи»).

13

Слово «*yellow*» по-английски значит и «трус», и «желтый», а спрашивать у представителя желтокожей нации, желтый ли он, право же, несколько странно.

Эти сцены с нунчаку были отредактированы перед выпуском фильма на экраны США. В США нунчаку были запрещены в нескольких штатах, в том числе и в «родной» для Брюса Калифорнии. В этом есть какая-то ирония, если принять во внимание доступность огнестрельного оружия в США и масштабы происходящей стрельбы. Там, где человек, склонный к насилию, видит насилие, мастер может увидеть мастерство.

15

К большой сумятице, «Путь дракона» вышел на экраны США после «Появления дракона» и поэтому стал известен как «Возвращение дракона».

16

В британском варианте «Пути дракона» эти сцены были так искромсаны, что большая часть действия выглядит просто бессмысленной.

17

См.: *Филиппа Вэринг,* «Путь Фэн-шуй» и *Рэймонд Ло,* «Фэн-шуй и анализ судьбы». «София», Киев, 1997 г.

18

В августе 1972 года Брюс Ли выступил на гонконгском телеканале TVB, участвуя в благотворительной программе, которая собрала более пяти миллионов долларов в пользу жертв недавнего тайфуна. В другом рассказе о событиях того дня говорилось, что Брюс сказал мастеру традиционного кунг-фу. «Легко защищаться, если диктуешь, как на тебя нападать».

19

В англ. тексте «уничтожал лица». — *Прим перев.*

20

«Мягкая» порнография.

21

Англ. — *geek kune do*; игра слов: «*geek kune do*» и *jeet kune do*. — *Прим. перев.*

22

Цитата *Дэна Иносенто* из книги *Джерри Бизли* «В поисках абсолютного боевого искусства» (Boulder, CO: Paladin Press, 1989),

23

Дж. Кришнамурти. Свобода от известного, «София», Киев, 1991. — *Прим. перев*.

24

Воплощение (инкорпорация) — от латинского слова *incorpore*, что значит «внутри тела».

25

Отрывки из книги *Бира Алмейда* «Калозйра: форма бразильского искусства».

26

Цитируется у *Дэвида Скотта* и *Тони Даблдэя*, «Дзэн» (Element Books, 1992).